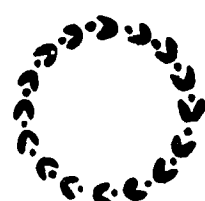

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

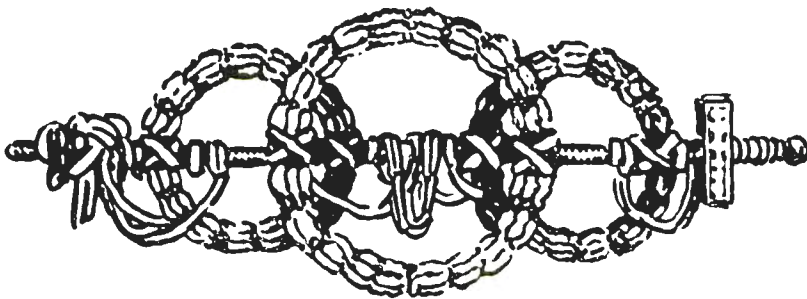

П. А. НИВЪ.

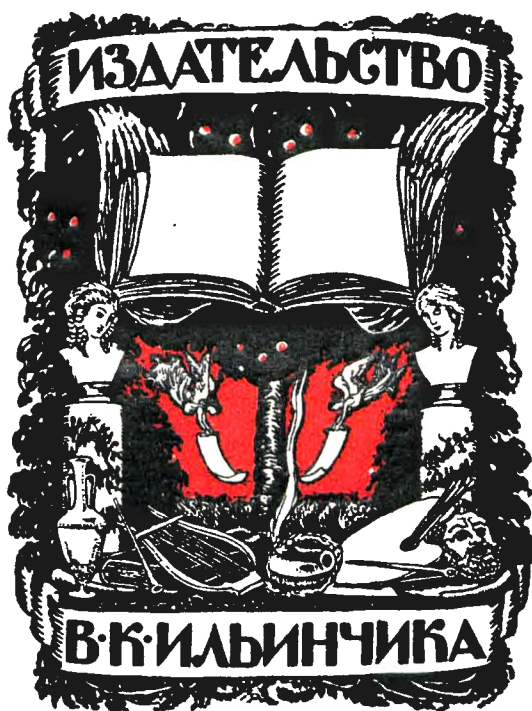
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ВОЙНА

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА, ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1912.

18 12 ГОДЪ

19 12 ГОДЪ

Императоръ Александръ I.

Съ гравюры Тарлье, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кюгельхономъ.

Положеніе сторонъ послѣ Бородинскаго сраженія. Отступленіе нашей арміи къ Москвѣ. Позиція подъ Москвою. Военный Совѣтъ въ Филяхъ.

ослѣ Бородинскаго побоища обѣ арміи были разстроены и ослаблены въ одинаковой степени. Если Кутузовъ, ознакомясь ближе съ положеніемъ своихъ войскъ, не счелъ возможнымъ рисковать продолженіемъ боя и принялъ болѣе осторожное рѣшеніе отойти къ Москвѣ, то, въ свою очередь, французская армія едва ли была въ состояніи возобновить немедленно нападеніе. Войска Наполеона терпѣли крайнюю нужду въ провіантѣ и фуражѣ и особенно въ боевыхъ припасахъ; подкрѣпленія же и парки отстали отъ арміи. Наиболѣе острою потребностью была необходимость оказать помощь массѣ больныхъ и пострадавшихъ на полѣ битвы.

Всѣ жилия помѣщенія отъ Смоленска до Гжатска и безъ того уже были сплошь запружены выбывшими изъ рядовъ, а послѣ Бородина число нуждающихся во врачебной помощи возросло въ огромномъ количествѣ.

Немедленно послѣ Бородинскаго боя все вниманіе Наполеона было прежде всего устремлено на призрѣніе раненыхъ, но медицинскихъ средствъ не хватало, и многіе дождались перевязки только на третьи сутки.

Другою настоятельною, даже, можно сказать, вопіющею потребностью былъ недостатокъ боевыхъ припасовъ, почти цѣликомъ разстрѣлянныхъ подѣ Бородинымъ. До 800 лошадей взято было изъ понтонныхъ парковъ, оставленныхъ въ Смоленскѣ, чтобы подвезти оттуда снаряды, порохъ и патроны...

Несмотря на всѣ эти распоряженія, подвозъ пороха, снарядовъ и патроновъ настолько затянулся, что Наполеону едва не пришлось приостановиться почти подѣ самой Москвой.

Что касается русской арміи, то 27 августа, еще до разсвѣта, она снялась съ Бородинской позиціи и отошла за Можайскъ къ селенію Жукову. Отступленіе совершалось двумя колоннами, подѣ прикрытіемъ арьергарда подѣ начальствомъ Платова, въ составъ котораго вошла ббольшая часть казачьихъ полковъ, одинъ гусарскій полкъ съ 12 конными орудіями и 4 егерскихъ полка.

Для арміи, только что выдержавшей такое необычайное по своему упорству и кровопролитію сраженіе, какъ Бородинское, порядокъ этого отступленія былъ образцовый: непріятелю не досталось въ руки ни обозовъ, ни отсталыхъ.

Пока мѣстѣ наши войска отходили, французы оставались на мѣстѣ побоища среди раненыхъ и труповъ, безъ пищи и огня, въ какомъ то оцѣпенѣніи. Для преслѣдованія русскихъ былъ составленъ авангардъ, подѣ начальствомъ Мюрата, изъ всей его резервной конницы и одной изъ дивизій корпуса Даву. За нимъ слѣдовали молодая гвардія, остальные дивизіи Даву, корпусъ Нея и старая гвардія. Понятовскій продолжалъ двигаться по старой Смоленской дорогѣ, а потомъ повернулъ на Борисовъ; вице-король двигался сѣвернѣе главныхъ силъ, направляясь на Рузу; корпусъ Жюно оставленъ былъ въ Можайскѣ.

28 августа наши главныя силы отошли къ Землину, а арьергардъ нашъ былъ атакованъ у Можайска, который ему пришлось очистить. При этомъ, за недостаточностью подводъ, мы вынуждены были оставить въ Можайскѣ до десяти тысячъ раненыхъ. Судьба

Наполеонъ подъ Бородинымъ.

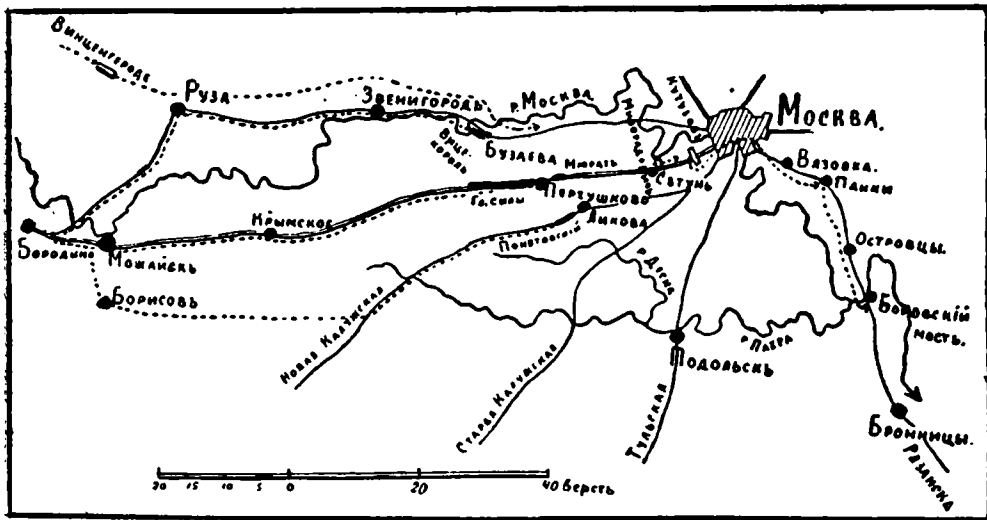
Гравюра Г. Куше.

этихъ несчастныхъ была ужасная: французы, занявъ Можайскъ, начали выбрасывать ихъ на улицу, чтобы очистить мѣсто для своихъ раненыхъ, которыми заполнены были уже Колоцкій монастырь и всѣ окрестныя селенія...

Подъ прикрытіемъ арьергарда, во главѣ котораго поставленъ былъ Милорадовичъ, Кутузовъ продолжалъ отступление къ Москвѣ.

Схема отступления къ Москвѣ.

Арьергардъ этотъ по прежнему дѣйствовалъ весьма искусно и всякими мѣрами задерживалъ и затруднялъ движеніе впередъ французской арміи, доставляя Кутузову выигрышь времени, необходимый для возстановленія организациі арміи и упорядоченія ея отхода къ Москвѣ.

29 августа на позиціи у села Крымскаго Милорадовичъ былъ энергично атакованъ Мюратомъ; это вынудило Кутузова отойти еще ближе къ Москвѣ, такъ что къ 1 сентября онъ, главными своими силами, находился уже у деревни Мамоновой, всего въ 10 верстахъ отъ Москвы. Кутузовъ покаместъ выказывалъ неизбежность дать новое сраженіе подъ стѣнами Москвы; поэтому посланы были впередъ офицеры для присканія подходящей позиціи, въ то же время приведены были насколько возможно въ порядокъ тѣ части арміи, которыя наиболѣе подверглись разстройству.

*

Тѣ полки, въ которыхъ осталось менѣе 300 человекъ подъ ружьемъ, сведены были въ баталіоны; въ кавалерійскихъ полкахъ уменьшили число эскадроновъ; II и III кавалерійскіе корпуса сведены въ одинъ корпусъ.

1 сентября, выйдя изъ Мамоновой, наша армія подошла къ самой Москвѣ, гдѣ расположилась въ двухъ верстахъ впереди Дорогомилковской заставы, на позиціи, избранной генераломъ Беннигсеномъ. Правый флангъ ея примыкалъ къ изгибу рѣки Москвы впереди д. Филей, центръ находился между селами Волинскимъ и Троицкимъ, а лѣвое крыло было на Воробьевыхъ горахъ.

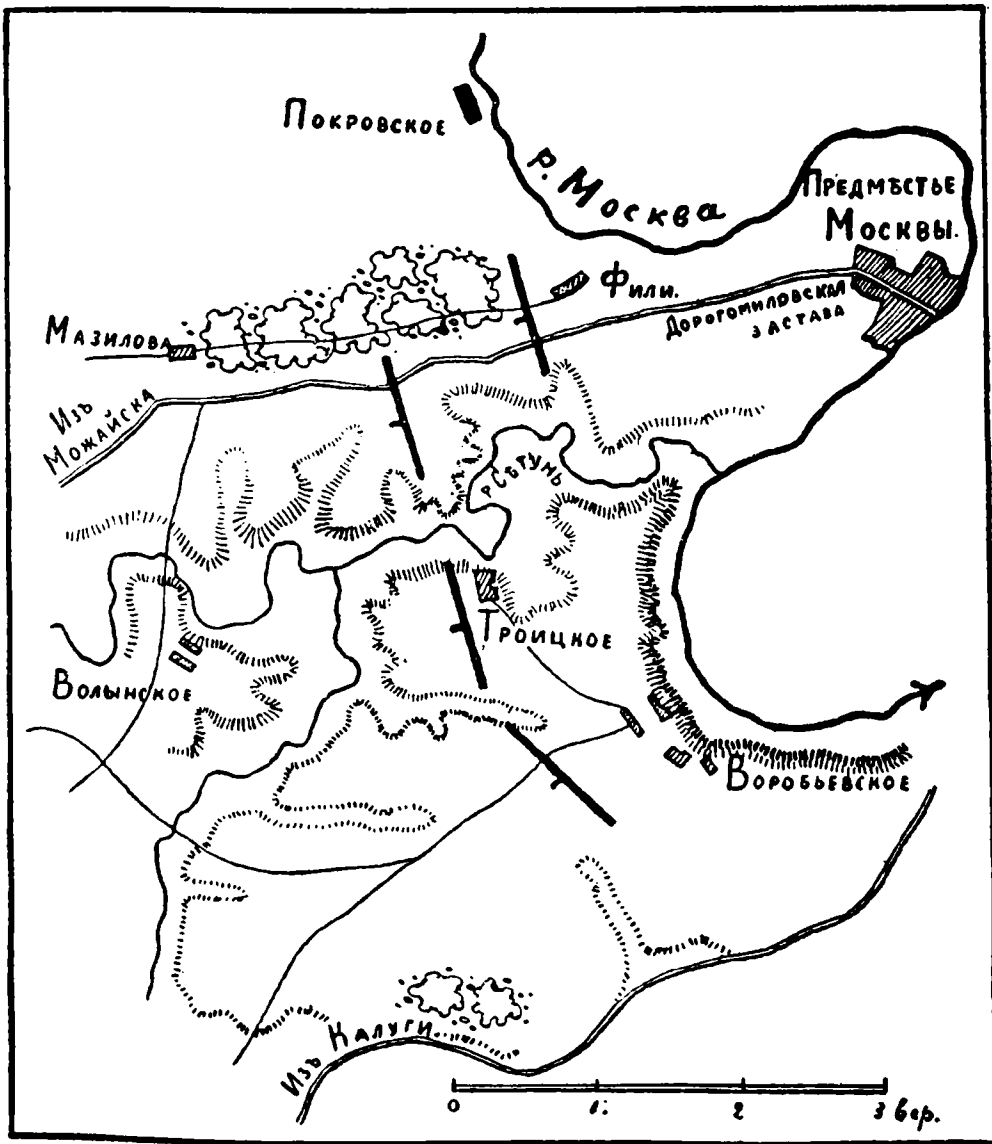
Позиція эта имѣла многія весьма ощутительныя невыгоды; во-первыхъ скаты образовавшихъ ее высотъ были слишкомъ круты къ сторонѣ тыла; сама позиція разрѣзана поперекъ нѣсколькими оврагами, въ особенности правое крыло, отдѣленное отъ прочихъ силъ извиристою рѣчкою Сѣтунью. Въ тылу, за крутыми обрывами, у подошвы которыхъ течетъ рѣка Москва, находился обширный городъ... Наконецъ, позиція по своему протяженію въ четыре версты по фронту не отвѣчала силамъ нашей арміи, ослабленнымъ на половину Бородинскою битвою, и потому войска, по выраженію Барклая-де-Толли въ его запискахъ, на ней растянулись бы „подобно паутинѣ“.

Слабое преслѣдованіе французами нашей арміи послѣ Бородинскаго боя, зависѣвшее, конечно, прежде всего, отъ того потрясенія, которое испытала въ этомъ бою непріятельская армія, заставило Кутузова заподозрить, не скрывается ли Наполеономъ намѣреніе обойти насъ справа, съ сѣвера и захватить Москву у насъ въ тылу. Чтобы предупредить такой обходъ, передвинуть былъ къ Рузѣ отрядъ Винцингероде, державшій связь между арміей и корпусомъ Витгенштейна. Отрядъ этотъ ночью обошелъ у Рузы бивакъ вице-короля Евгенія и предупредилъ его на пути къ Москвѣ. Впослѣдствіи этотъ отрядъ передвинуть былъ на Петербургскую дорогу и послужилъ опорой нашимъ партизанамъ, дѣйствовавшимъ сѣвернѣе Москвы.

Осмотрѣвъ лично избранную на Воробьевыхъ горахъ позицію, Барклая-де-Толли поспѣшилъ къ Поклонной горѣ, гдѣ находился Кутузовъ. Сюда постепенно съѣзжались всѣ начальники, большинство которыхъ рѣзко высказывалось противъ позиціи; съ особенною пылкостью протестовалъ Ермоловъ, такъ что Куту-

зовъ даже пощупаль его пульсъ, спросивъ: „здоровъ ли ты, голубчикъ“? Присутствовавшій тутъ же графъ Растопчинъ, главнокомандующій Москвы, съ жаромъ объявилъ: „еслибъ у меня „спросили, что дѣлать, я отвѣтилъ бы: разрушьте столицу прежде, чѣмъ уступить ее непріятелю“.

Схема позиціи подъ Москвой.

По свидѣтельству Ермолова (см. его записки), тотъ же Растопчинъ, такъ негодовавшій на Кутузова за оставленіе Москвы

и даже, въ своихъ донесеніяхъ Государю, старавшійся взвалить на главнокомандующаго всю вину за это рѣшеніе, говорилъ тутъ же Ермолову, отведя его въ сторону: „Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладѣвъ ею, непріятель не пріобрѣтетъ ничего полезнаго. Принадлежащія казнѣ сокровища и все имущество вывезены; изъ церквей, за исключеніемъ немногихъ, взяты драгоцѣнности, богатые золотые и серебряныя украшенія. Спасены важнѣйшіе государственные архивы. Многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ останется до пятидесяти тысячъ самаго бѣднѣйшаго народа, не имѣющаго другого пріюта“. Къ этимъ словамъ Раstopчинъ, будто бы, добавилъ: „если безъ боя оставите вы Москву, то увидите её вслѣдъ за собой пылающей“... Однако, всего этого графъ Раstopчинъ не сказалъ Свѣтлѣйшему и уѣхалъ, не дожидаясь начала военнаго совѣта.

Принцъ Евгенийъ Виртембергскій такъ описываетъ настроеніе Кутузова въ своихъ запискахъ: „Кутузовъ слушалъ сужденія окружающихъ его генераловъ, не говоря ни слова, но нельзя было не замѣтить въ немъ душевнаго волненія. И въ самомъ дѣлѣ, много требовалось рѣшимости, чтобы, принявъ на одного себя всю отвѣтственность, уступить непріятелю древнюю столицу имперіи, вопреки мнѣнія народа и войскъ,—уступить послѣ успѣшнаго боя, какъ увѣрена тогда была вся Россія, и послѣ совершенно добровольнаго отступленія;—уступить, наконецъ, располагая войскомъ, числительная сила котораго съ казаками и ополченіемъ простиралась, какъ утверждали, до девяноста тысячъ“.

Но еще рискованнѣе было принять сраженіе, проигравъ котораго, при числительности и состояніи нашихъ войскъ, да еще при невыгодахъ позиціи, можно было считать несомнѣннымъ.

Кутузовъ, уже рѣшившій пожертвовать Москвою для спасенія арміи, еще не высказывалъ, однако, своего рѣшенія, намѣреваясь прежде уяснить себѣ настроеніе арміи и ближайшихъ своихъ сотрудниковъ. Что это рѣшеніе въ немъ созрѣло, и онъ только тщательно скрывалъ его, доказывается тѣмъ, что еще 29 августа имъ было предписано Калужскому губернатору направлять запасы продовольствія на Рязанскую дорогу. Другими словами, выборъ позиціи подъ Москвой и все, что говорилъ и дѣлалъ

Военный советъ въ Филлахъ

Рис. А. Д. Кившенко.

Кутузовъ до совѣта въ Филяхъ — было притворнымъ и имѣло цѣлью уяснить себѣ какъ можно вѣрнѣе моральное состояніе арміи, до принятія окончательнаго рѣшенія.

Въ часъ пополудни главнокомандующій, выслушавъ докладъ Ермолова о недостаткахъ только что подробно осмотрѣнной имъ позиціи, уѣхалъ въ деревню Фили на приготовленную для него квартиру; [на прощанье Кутузовъ сказалъ принцу Евгенію Виртембергскому: „*ma tête, fût-elle bonne ou mauvaise, ne doit cependant s'aider que d'elle même*“ (т. е. „хороша или плоха моя голова, но, однако, положиться не на кого, какъ только на нее“).

Къ 5 часамъ дня, въ просторной, лучшей избѣ деревни, крестьянина Андрея Савостьянова, собрался созданный Кутузовымъ военный совѣтъ.

До 6 часовъ совѣтъ не начинался, такъ какъ ожидали генерала Беннигсена, начальника штаба главнокомандующаго. Когда онъ прибылъ, засѣданіе открылось поставленнымъ имъ вопросомъ: „выгоднѣ ли сразиться подъ стѣнами Москвы или же оставить безъ „боя священную и древнюю столицу Россіи“? Кутузовъ прервалъ Беннигсена, считая такой вопросъ поставленнымъ необдуманно и несообразно, и самъ, передавъ вкратцѣ свѣдѣнія о позиціи на Воробьевыхъ горахъ, представленныя ему Барклаемъ, Ермоловымъ и Толемъ, слѣдующимъ образомъ формулировалъ ту задачу, которую надлежало разрѣшить совѣту: „пока существуетъ армія и „пока она сохраняетъ способность противиться непріятелю, до „тѣхъ поръ не исчезнетъ надежда успѣшно покончить войну; съ „уничтоженіемъ же арміи будутъ потеряны не только Москва, но и „Россія... Поэтому: выгоднѣ ли рисковать потерей арміи и Москвы, „принявъ сраженіе на невыгодной позиціи, или же отдать Москву „безъ сраженія“?

Мнѣнія раздѣлились. Барклай-де-Толли, предвидя печальный исходъ сраженія подъ Москвою, предлагалъ отступить по направленію къ Нижнему Новгороду, дабы сохранить сообщенія, какъ съ Петербургомъ, такъ и съ южными губерніями. Толь и Ермоловъ предлагали принять сраженіе подъ Москвой, поддерживая Беннигсена, который распространялся о невыгодныхъ послѣдствіяхъ оставленія Москвы, о паденіи отъ того духа народнаго, наконецъ — о дурномъ впечатлѣніи, которое это событіе произведетъ на Европу.

„Если мы на это рѣшимся—говорилъ онъ—то не будетъ ли это „сознаніемъ, что мы проиграли Бородинское сраженіе“?... Беннигсенъ предлагалъ воспользоваться тѣмъ, что Наполеонъ выдѣлилъ по одному корпусу въ боковыя колонны (на Рузу и на новую Калужскую дорогу), и, переведя ночью большую часть нашихъ силъ на лѣвое крыло, ударить неожиданно на правый флангъ французовъ, имѣя въ виду, въ случаѣ неудачи, отступить на Калужскую дорогу. Къ этому мнѣнію присоединились Дохтуровъ, Уваровъ и Ермоловъ. Кутузовъ, однако, не одобрилъ этого плана, сославшись на опасность фланговыхъ передвиженій войскъ въ близкомъ разстояніи отъ противника. Въ примѣръ онъ привелъ Фридландское сраженіе (гдѣ арміей командовалъ Беннигсенъ), неудачный исходъ котораго зависѣлъ во многомъ отъ того, что войска наши перестраивались слишкомъ близко отъ непріятеля...

Прибывшему позднѣе другихъ на совѣтъ Раевскому предложено было высказаться отдѣльно, и онъ присоединился къ мнѣнію о необходимости отдать Москву безъ боя. Единственно-выгоднымъ способомъ сопротивленія онъ считалъ движеніе навстрѣчу непріятелю, а не пассивное ожиданіе его на мѣстѣ; разъ наступленіе, по состоянію арміи, оказывалось невозможнымъ, а послѣ проиграннаго сраженія прохожденіе большого города неминуемо разстроитъ армію, то, по мнѣнію Раевского, рисковать сраженіемъ не слѣдовало, а надлежало пожертвовать Москвой, которая „не можетъ спасти Россіи“.

Выслушавъ всѣ эти мнѣнія, Кутузовъ (по свидѣтельству Раевского), окончилъ совѣщаніе слѣдующими словами: „Итакъ, господа, „я чувствую, что мнѣ придется платить за разбитые горшки; но „я жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступленіе“.

Отступленіе первоначально направлено было по Рязанской дорогѣ. Было ли рѣшеніе перейти на Калужскую дорогу тогда же задумано Кутузовымъ, или же эта гениальная мысль пришла ему въ голову впослѣдствіи—трудно сказать, такъ какъ вообще Кутузовъ никому не сообщалъ своихъ намѣреній заранѣе.

Необходимо было, однако, принять тотчасъ же мѣры по обезпеченію арміи продовольствіемъ на избранномъ пути и по вывозу изъ Москвы раненыхъ и остальнаго казеннаго и частнаго имущества.

Когда генераль-интендантъ Ланской былъ призванъ къ Кутузову, чтобы получить необходимыя указанія для распоряженій по снабженію арміи, и ему было сказано, что послѣдняя идетъ на Рязанскую дорогу, онъ тотчасъ же указалъ на трудность передвиженія туда запасовъ, такъ какъ послѣдніе сосредоточены главнымъ образомъ въ губерніяхъ Калужской, Тульской, Орловской и Симбирской.

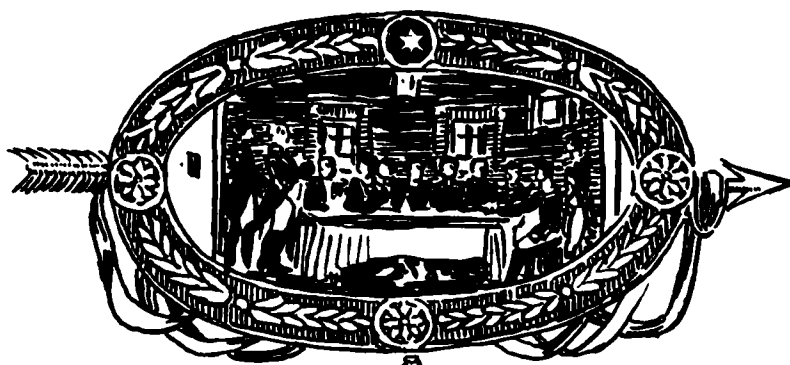
Это само собою наталкивало на мысль перевести армію южнѣе Москвы, дабы сблизить ее съ источниками продовольствія. Однако Кутузовъ покаместъ отложилъ рѣшеніе этого вопроса, а озаботился прежде всего положеніемъ раненыхъ, выѣздомъ изъ Москвы еще не успѣвшихъ выбраться изъ нея жителей, а также очищеніемъ города отъ бывшихъ въ немъ въ значительномъ количествѣ запасовъ.

Понятно, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, оставшихся у насъ въ распоряженіи, не было ни средствъ, ни возможности вывезти изъ Москвы ту массу раненыхъ, которая скопилась тамъ послѣ Бородинскаго побоища, и потому нѣсколько тысячъ ихъ (отъ 7 до 10, по различнымъ свидѣтельствамъ) пришлось оставить на милость побѣдителя. Точно также не могло быть вывезено все оружіе изъ Московскаго арсенала; его разрѣшили разобрать жителямъ по рукамъ, но все же часть оружія осталась, равно какъ различныхъ запасовъ интендантскихъ и продовольственныхъ на сумму двухъ съ половиною милліоновъ рублей. Но въ руки непріятеля изъ всего этого досталось весьма немного; огромное большинство этого имущества было истреблено во время послѣдующаго Московскаго пожара...

По окончаніи совѣта въ Филяхъ Кутузовъ приказалъ обозамъ тотчасъ же вытягиваться на Рязанскую дорогу, войскамъ слѣдовать за ними, а Милорадовичу съ арьергардомъ удерживать непріятеля, дабы выиграть время, нужное для прохожденія арміи черезъ Москву.

Рѣшеніе отдать французамъ Москву стоило Кутузову сильнаго душевнаго потрясенія: по свидѣтельству бывшаго при немъ адъютанта Кайсарова, главнокомандующій провелъ бессонную ночь и нѣсколько разъ плакалъ... Дѣйствительно, принесенная русскими жертва была огромна; но никто еще не могъ тогда

оцѣнить ея дѣйствительное значеніе, такъ какъ трудно было предугадать, что отъ мѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ грозное непріятельское воинство, вмѣсто того, чтобы усилиться и окрѣпнуть, подвергнется разстройству и разложенію, приближающему его къ толпѣ, лишенной всякой организаціи.....

Москва передъ вступленіемъ въ нее французовъ. Дѣтельность графа Раstopчина. Движеніе русской арміи черезъ Москву. Перемиріе Милорадовича съ Мюратомъ. Прибытіе Наполеона къ Дорогомиловской заставѣ. Вступленіе французовъ въ Москву.

Донесенія Государю объ оставленіи Москвы. Приемъ Императоромъ Александромъ полковника Мишо и бeсѣда съ нимъ. Мѣры для защиты Петербурга.

о времени выѣзда изъ Москвы Императора Александра въ половинѣ іюля настроеніе московскихъ жителей сдѣлалось воинственнымъ и проникнуто было стремленіемъ ополчиться противъ врага... Всякій старался заготовить оружіе, и главнокомандующій Москвой, графъ Раstopчинъ, распорядился продавать старое оружіе жителямъ по дешевой цѣнѣ. Когда же, послѣ Бородинскаго боя, сдача Москвы неприятелю сдѣлалась вѣроятной, графъ Раstopчинъ принялъ мѣры къ тому, чтобы вывезено было изъ города казенное имущество, при чемъ дѣлалось это не иначе, какъ по ночамъ,

дабы не вызвать въ населеніи безпокойства. Своими афишами или воззваніями графъ Растопчинъ; поддѣлываясь къ народному языку, старался ободрить жителей, при чемъ нѣсколько преувеличивалъ наши успѣхи и старался представить въ ничтожномъ видѣ противника и опасность его нашествія... Кромѣ того, Растопчинъ зорко слѣдилъ за иностранцами и наиболѣе подозрительныхъ изъ нихъ выслалъ изъ Москвы...

Бородинское сраженіе было изображено въ Растопчинскихъ афишахъ, какъ блестящій отпоръ, данный непріятелю, при чемъ упоминалось и о предстоящемъ новомъ сраженіи. Въ афишѣ же отъ 30 августа говорилось объ обѣщаніи Свѣтлѣйшаго „до послѣдней капли крови защищать Москву“ и „хоть въ улицахъ „драться“.

„Вы, братцы, (писалось далѣе въ той же афишѣ) не смутрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибирать „надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Когда „до сего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличъ кликну дня за два; а теперъ не надо, я и „молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно и съ рогатиной, а всего „лучше вилы—тройчатки: французъ не тяжеле снопа аржаного“...

Замѣчательно, что всѣ эти воззванія и мѣры графа Растопчина желательнаго ему воздѣйствія не имѣли: московскій народъ вовсе не вооружился поголовно и, напротивъ, всякій, кто только могъ, торопился уѣзжать, несмотря на заявленія того же Растопчина, что „только трусы могутъ покинуть Москву“... Точно руководимое какимъ то инстинктомъ, населеніе Москвы само дѣлало именно то, что было всего нужнѣе для того, чтобы создать противнику въ городѣ невыносимыя условія: оно не только покидало городъ, но вывозило и уничтожало все, что могло послужить на пользу непріятелю...

Видя невозможность отстоять Москву, Растопчинъ донесъ Государю слѣдующее:

„До 26-го числа я употреблялъ всѣ средства къ успокоенію „жителей и ободренію общаго духа, но поспѣшное отступление „арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, „что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣй-

Графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ.

(Съ гравюры Мейера, сдѣланной съ портрета Гебауейера, 1815 г.).

„ствовать отъѣзду малаго числа остававшихся жителей. Головою „ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою, „какъ Смоленскъ. Все вывезено, комиссаріатъ, арсеналь. Теперь „занимаюсь ранеными; ежедневно привозятъ ихъ до 1.500“.

Въ день военнаго совѣта въ Филяхъ, 1 сентября, пока войска наши, оставленныя на предполагаемой для боя позиціи, сооружали тамъ укрѣпленія, часть еще остававшихся въ Москвѣ жителей бросилась въ арсеналь, гдѣ, по приказу Раstopчина, даромъ раздавали оружіе. Толпа вооруженныхъ москвичей повалила на Три-горы; въ Успенскомъ соборѣ, переполненномъ молящимися, преосвященный Августинъ со слезами возносилъ къ престолу Всевышняго горячія мольбы о ниспосланіи Москвѣ и Россіи спасенія... Къ ночи получено было Раstopчинымъ отъ Кутузова первое точное извѣстіе о принятомъ имъ рѣшеніи „съ горестію Москву оставить“ и о движеніи арміи на Рязанскую дорогу. Тотчасъ же Раstopчинъ съ полнымъ напряженіемъ всей энергіи велѣлъ вывезти оставшихся раненыхъ на всѣхъ оказавшихся въ городѣ подводахъ; всѣмъ воинскимъ командамъ выступить по Рязанской дорогѣ; *пожарныя команды* съ всѣмъ инструментомъ своимъ были тотчасъ же высланы во Владиміръ. Полиціи было поручено уничтожить винныя бочки на винномъ дворѣ, сжечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и истребить оставшіеся комиссаріатскіе запасы. Часть полицейскихъ чиновъ была оставлена въ Москвѣ съ порученіемъ поджечь городъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, какъ только противникъ въ него вступить.

Преосвященный Августинъ, получивъ извѣстіе отъ главнокомандующаго объ оставленіи Москвы, взялъ изъ Успенскаго собора образъ Владимірской Божіей Матери и Иверскую икону отъ Воскресенскихъ воротъ, направился съ этими святынями во Владиміръ.

Самъ Раstopчинъ оставался въ Москвѣ до послѣдней минуты. Поутру 2 сентября, когда онъ готовился выѣзжать, къ дому его собралась толпа вооруженнаго народа, съ намѣреніемъ идти на Три-горы противъ непріятели. Но графъ Раstopчинъ выдалъ этой толпѣ измѣнника, купческаго сына Верещагина, распространявшаго въ народѣ воззванія, побуждавшія передаться французамъ. Разсвирѣпѣвшая толпа буквально растерзала его..

Утромъ 2 сентября во всей Москвѣ оставалось не болѣе десяти тысячъ жителей. Кто не успѣлъ заранѣе выбраться—искалъ себѣ убѣжища въ ближайшихъ селеніяхъ. Остались преимущественно люди ненадежнаго поведенія, которые разбивали питейные дома, а также растаскивали изъ брошенныхъ квартиръ и лавокъ все, что попадалось. Сами купцы раздавали свои товары солдатамъ и прохожимъ даромъ, лишь бы хоть что нибудь не досталось непріятелю...

Въ то время, когда Кутузовымъ созванъ былъ военный совѣтъ въ Филяхъ, Наполеонъ съ главными силами своей арміи подошелъ къ селу Перхушкову, въ тридцати верстахъ отъ Москвы; боковыя же его колонны находились: корпусъ Понятовскаго на Ново-Калужской дорогѣ, у Ликова, а вице-король на Звенигородской дорогѣ, у Бузаева.

Отступательное движеніе нашихъ войскъ черезъ Москву замедлялось чрезвычайно тѣмъ, что имъ приходилось переправляться черезъ рѣку Москву по единственному деревянному мосту, который къ тому же подломился, и поэтому часть конницы и Московское ополченіе пошли бродомъ.

Настроеніе войска было подавленное; первоначально думали, что движеніе предпринимается въ цѣляхъ обхода, но на улицахъ опустѣлой Москвы сдѣлалось слишкомъ яснымъ, что она оставлена.....

Арьергардъ Милорадовича, на разсвѣтъ 2 сентября, находился въ десяти верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, близъ фарфоровыхъ заводовъ. Кутузовъ вручилъ Милорадовичу письмо къ Бертье, въ которомъ поручались покровительству непріятеля тѣ наши больные и раненые, которыхъ не успѣли бы вывезти изъ Москвы.

Милорадовичъ расположился правымъ флангомъ у Поклонной горы, а лѣвымъ—къ Воробьевымъ горамъ, нарочно растянувшись, чтобы заставить непріятеля, въ свою очередь, стянуть для атаки побольше войскъ и, слѣдовательно, потратить столь нужное ему время.

Такъ какъ, около десяти часовъ утра, показавшіяся колонны авангарда Мюрата стали угрожать нашему арьергарду обходомъ, то Милорадовичъ рѣшился, для выигрыша времени, прибѣгнуть къ

переговорамъ. Посланный имъ съ запискою къ Мюрату лейбъ-гусарскій офицеръ Акинфовъ долженъ былъ лично объявить королю Неаполитанскому, что „если французы хотятъ занять „Москву въ цѣлости, то пусть дадутъ русскимъ время спокойно „пройти черезъ городъ; въ противномъ случаѣ будемъ драться до „последняго человѣка и оставимъ непріятелю однѣ лишь разва- „лины“.

Самъ Милорадовичъ, лично переговоривъ съ встрѣченнымъ имъ въ передовой цѣпи французскимъ генераломъ Себастьяни, поспѣшилъ къ своей пѣхотѣ, уже начавшей вступать въ городъ. Между прочимъ одинъ изъ командировъ гарнизонныхъ Московскихъ полковъ вздумалъ выступать изъ Кремля съ музыкой, что очевидно, при общемъ тяжеломъ настроеніи, являлось крайне безтактнымъ. Милорадовичъ остановилъ его и услышалъ отъ командира курьезный отвѣтъ, что по регламенту Петра Великаго, гарнизонъ при сдачѣ крѣпости, получившій разрѣшеніе выступить свободно, выходитъ съ музыкою. „Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что „либо о сдачѣ Москвы“? воскликнулъ Милорадовичъ и прекратилъ игру.

Мюратъ съ утонченною вѣжливостью принялъ нашего переговорщика, который передалъ ему письмо Милорадовича. Въ бесѣдѣ съ нашимъ офицеромъ Мюратъ своими вопросами старался вывѣдать о состояніи и настроеніи нашей арміи, о мѣстопробываніи Государя и Великаго Князя Константина Павловича и т. п. Давъ обѣщаніе, что французы „будутъ заботиться о сохраненіи Москвы“, Мюратъ съ улыбкою сказалъ: „Пора мириться“...

На сдѣланное Милорадовичемъ предложеніе выждать съ вступленіемъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока она совершенно не будетъ очищена русскими войсками, король Неаполитанскій изъявилъ согласіе, что дало время выйти изъ города обозамъ и отсталымъ; онъ обѣщаль дать перемиріе до 7 часовъ утра слѣдующаго дня.

Уступчивость Мюрата легко объясняется стремленіемъ французовъ, отъ генерала до послѣдняго рядового, приобрѣсти въ Москвѣ желанный отдыхъ, давно обѣщанный имъ ихъ великимъ предводителемъ. Москва представлялась истомленнымъ войскамъ „великой арміи“ какою то землею обѣтованной, въ которой они

должны были обрѣсти не только все необходимое для уврачеванія своихъ ранъ, но захватъ которой сулилъ имъ въ близкомъ будущемъ завершенье тяжелой борьбы выгоднымъ миромъ... Поэтому лучше было пожертвовать нѣсколькими часами, разъ представлялась непредвидѣнная возможность занять Москву безъ боя, когда еще, тѣмъ болѣе, не успѣло остыть воспоминаніе объ ужасахъ Бородинскаго побоища...

Тѣмъ временемъ головы колоннъ французскихъ войскъ, во время переговоровъ Мюрата съ Милорадовичемъ, уже поднялись на Поклонную гору, и древняя первопрестольная столица, сердце Россіи, разстилалась уже у ногъ ихъ во всей своей величественной красотѣ...

Въ два часа пополудни 2 сентября на Поклонную гору, вѣхалъ и самъ Наполеонъ со своею свитой. „Такъ вотъ онъ, „наконецъ, этотъ знаменитый городъ“! („La voila donc enfin cette „fameuse ville“!) воскликнулъ великій полководецъ, прибавивъ затѣмъ: „Да ужъ пора“! („Il était temps“!). Соскочивъ съ лошади, Наполеонъ долго разсматривалъ въ подзорную трубу столицу, свѣряясь съ планомъ и разспрашивая у своихъ переводчиковъ о положеніи важнѣйшихъ пунктовъ.

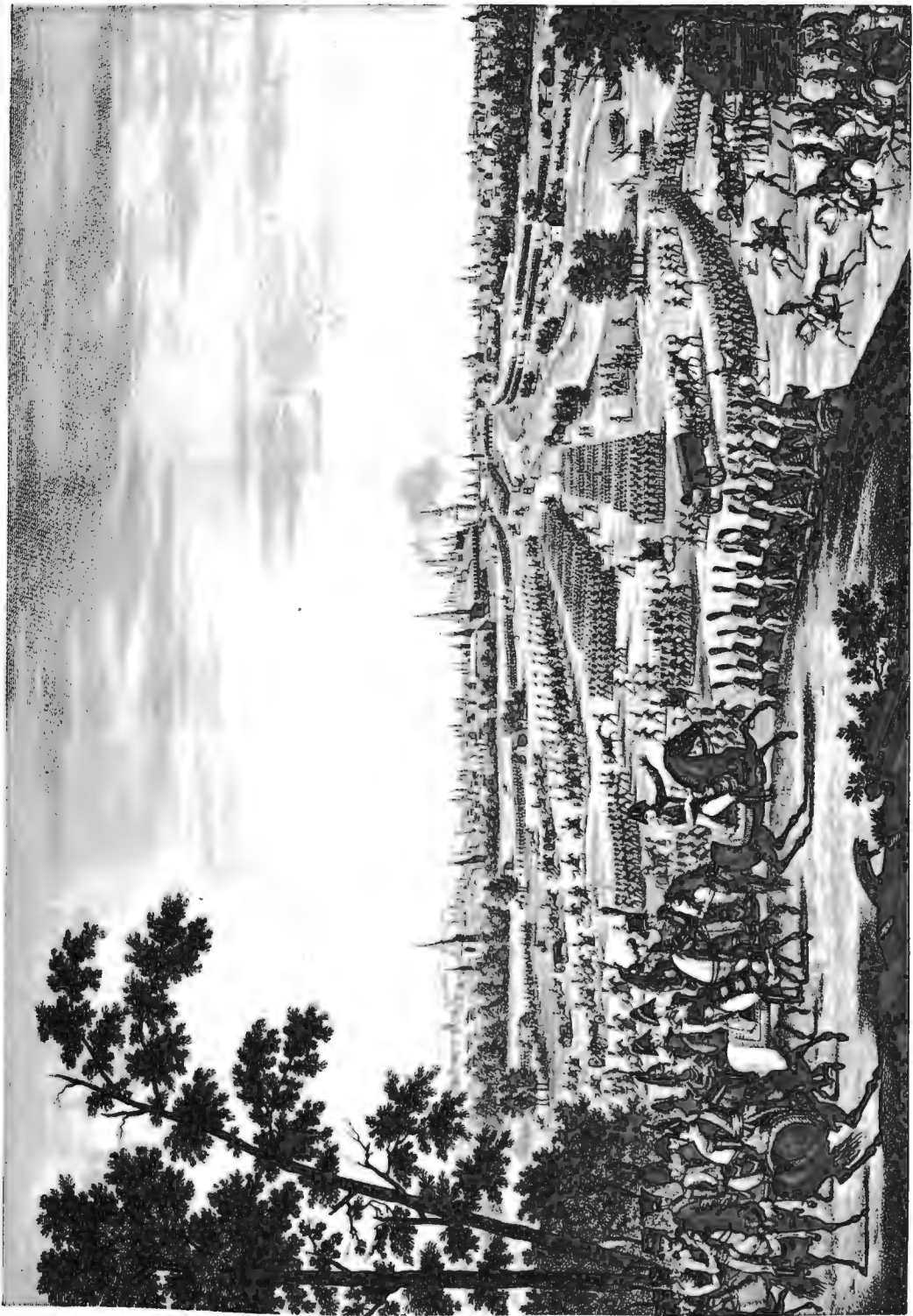
Долго слѣдилъ онъ за приближеніемъ своихъ войскъ и, наконецъ, горя нетерпѣніемъ занять Москву, пушечнымъ выстрѣломъ далъ сигналъ вступить въ городъ. Этимъ нарушалось обѣщаніе, данное Мюратомъ Милорадовичу. Но король Неаполитанскій, взявъ на себя согласиться на предложеніе русскаго генерала, не доложилъ объ этомъ обстоятельстве своему верховному повелителю.

Такимъ образомъ нашему арьергарду грозило трудное положеніе.

Густыми тучами обложили Москву съ запада непріятельскія массы. Авангардъ Мюрата, имѣя за собою молодую гвардію, двигался къ Дорогомилловской заставѣ, за нимъ шли послѣдовательно Даву, Ней и старая гвардія; къ Калужской заставѣ шель корпусъ Понятовскаго; корпусъ вице-короля двигался къ Тверской заставѣ. Эти послѣдніе два корпуса все время, какъ извѣстно, шли боковыми путями, по параллельнымъ дорогамъ къ главному пути

Вступленіе французовъ въ Москву 14 сент. 1812 г.

Съ гравюры Бонине, сдѣл. съ картины Куше.

слѣдованія. Такъ было до Бородина, такъ продолжалось и послѣ, такъ что Понятовскій шель по старой Смоленской дорогѣ и потомъ еще южнѣе на Борисовъ, а вице-король взялъ направленіе на Рузу.

Съ громкими, восторженными привѣтственными кликами „Да здравствуетъ Наполеонъ!“, съ грохотомъ орудій и топотомъ массы коней устремились къ Москвѣ мнимые побѣдители. Въ своей поспѣшности занять, наконецъ, этотъ вождѣнный городъ, конница пустилась чуть не вскачь, за ней тѣмъ же аллюромъ загремѣла артиллерія, а пѣхотинцы пустились бѣгомъ... Отъ густыхъ облаковъ пыли не стало видно свѣта Божьяго, а поднявшійся гуль и грохотъ заглушалъ рѣшительно все. Чѣмъ то бѣсовскимъ, адскимъ вѣяло отъ этой ничѣмъ несдерживаемой, чисто животной, поспѣшности и радости непріятели, и рѣзкій съ нею контрастъ представляло строгое, какъ бы кладбищенское, молчаніе затаившей свою обиду, опустѣлой Москвы.....

Подѣхавъ къ Дорогомиловской заставѣ и снова слѣзши съ коня, Наполеонъ сталъ прогуливаться взадъ и впередъ вдоль Камеръ-Коллежскаго вала, заложивъ, по всегдашней своей привычкѣ, руки за спину. Онъ былъ убѣжденъ, что къ нему должна явиться отъ Москвы депутація съ изъявленіемъ покорности и для торжественнаго поднесенія ключей отъ города. Такъ дѣлалось всегда въ Европѣ, онъ къ этому привыкъ и ожидалъ соблюденія того же обычая и здѣсь, но тщетно. Никто не являлся. Проникшіе уже въ Москву офицеры передовыхъ частей французскихъ войскъ успѣли возвратиться и привезти поразительную вѣсть о томъ, что русскіе бросили городъ, что Москва почти пустынна... Долгое время никто не рѣшался доложить императору этого невѣроятнаго извѣстія, опасаясь его гнѣва, и видя по быстрой, нетерпѣливой его походкѣ, что онъ уже раздраженъ... Наконецъ, все-таки, пришлось отважиться и довести до свѣдѣнія повелителя объ оставленіи Москвы...

Удивленный Наполеонъ въ первую минуту не хотѣлъ этому вѣрить. „Москва пуста! Какое невѣроятное событіе!“ („Moscou désertel Quel évènement invraisemblable!“) воскликнулъ онъ и тотчасъ же приказалъ проникнуть въ городъ и силою привести къ нему непокорныхъ „бояръ“...

Посланные, понятно, не могли исполнить этого приказанія и, чтобы не возвращаться ни съ чѣмъ, привели, вмѣсто торжественной депутаціи, нѣсколько оставшихся въ Москвѣ иностранцевъ, которые сами подтвердили завоевателю, что въ Москвѣ никого нѣтъ, кромѣ ихъ, да самага незначительнаго числа неуспѣвшихъ еще выбраться русскихъ низшихъ сословій.

Не отвѣтивъ ни слова этой жалкой депутаціи, Наполеонъ сѣлъ на коня и въ самомъ мрачномъ настроеніи въѣхалъ въ Дорогомиловское предмѣстье, гдѣ и расположился со свитою въ нѣсколькихъ брошенныхъ жителями домахъ.

Дѣйствительно, оставленіе Москвы само по себѣ уже не предвѣщало ничего хорошаго...

Первоначальныя распоряженія Наполеона по вступленіи въ Москву заключались въ слѣдующемъ: Мюрату послано приказаніе преслѣдовать русскую армію; маршалъ Мортъе съ молодою гвардіей долженъ былъ занять гарнизономъ Кремль, при чемъ самъ Мортъе назначался генераль-губернаторомъ Москвы, а комендантомъ ея былъ назначенъ генераль Дюронель. Бывшему французскому консулу въ Петербургѣ Лессепсу велѣно было принять на себя обязанности интенданта Московской провинціи.

Составленное заблаговременно и уже отпечатанное заранѣе воззваніе къ жителямъ столицы обнародовано не было, за неимѣніемъ самихъ жителей.

Кромѣ конницы Мюрата и корпуса молодой гвардіи Мортъе остальнымъ войскамъ запрещено было входить въ городъ. Заставы были заняты конницей, и корпуса „великой арміи“ расположились на ночлегъ близъ соотвѣствующихъ заставъ, вдоль дороги...

Очевидно, Наполеонъ не довѣрялъ русскимъ, опасался со стороны Кутузова какого нибудь неожиданнаго маневра и желалъ прежде всего точно удостовѣриться въ томъ, отошла ли русская армія и куда именно.

Что касается Мюрата, то онъ вошелъ въ городъ только съ двумя кавалерійскими корпусами (Себастьяни и Латуръ-Мобура), за которыми двигались двѣ дивизіи молодой гвардіи. Когда подошла къ Кремлю одна изъ этихъ дивизій, то укрывшаяся близъ воротъ Кремля небольшая кучка храбрецовъ, изъ отсталыхъ сол-

дать и москвичей-добровольцевъ, смѣло открыла огонь по французской колоннѣ, не желая безъ боя отдать врагу главную святыню и историческій памятникъ Москвы. Мортъе приказалъ выкатить орудія и картечью разсѣялъ эту горсть самоотверженныхъ людей, изъ которыхъ многіе поплатились жизнью.

Тѣмъ временемъ Милорадовичъ успѣлъ все-таки вывести изъ города къ пяти часамъ дня ббльшую часть своего арьергарда и развернулъ его близъ Коломенской заставы. Два полка непріятельской конницы, прошедшіе сквозь Москву, появились у него на лѣвомъ флангѣ; тогда Милорадовичъ сперва послалъ къ французамъ переговорщика, а затѣмъ, видя, что послѣдній долго не возвращается, самъ безстрашно поскакалъ навстрѣчу непріятельскимъ кавалеристамъ (это были польскіе уланы) и спросилъ у нихъ: „гдѣ генераль Себастьяни?“

Пораженные смѣлостью русскаго генерала, непріятельскіе кавалеристы указали направленіе, гдѣ отыскать ихъ начальника, къ которому Милорадовичъ немедленно и направился во весь опоръ, издали нагоняемый своимъ штабомъ. Милорадовичъ объяснилъ Себастьяни о согласіи Мюрата дать перемиріе до семи часовъ утра слѣдующаго дня; но Себастьяни отговорился неполученіемъ объ этомъ отъ короля Неаполитанскаго никакого извѣщенія....

Войска обѣихъ сторонъ тѣмъ временемъ настолько сблизились, что даже смѣшались другъ съ другомъ, не выказывая никакихъ враждебныхъ настроеній.

Перемиріе образовалось само собою. Наши хвостовые обозы, отсталые и покидающіе городъ жители продолжали вытягиваться на Рязанскую дорогу; непріятель не мѣшалъ этому; наши казаки еще оставались въ городѣ, а конница французовъ уже висѣла надъ нашимъ путемъ отступленія...

Милорадовичу дана была полная возможность безпрепятственно вывести изъ города все, что тамъ задержалось, послѣ чего онъ заночевалъ всего въ четырехъ верстахъ отъ Москвы...

* * *

Въ Петербургѣ первоначально узнали о занятіи Москвы французами въ видѣ неопредѣленныхъ слуховъ, доставленныхъ при-

*

ѣзжимъ помѣщикомъ, которымъ первоначально никто не хотѣлъ вѣрить. Но 7 сентября, черезъ Ярославль, прибыло отъ графа Раstopчина слѣдующее донесеніе:

„Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ „онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопро- „вожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ со- „жалѣніемъ оставляетъ Москву. Государы! поступокъ Кутузова рѣ- „шаетъ жребій столицы и Вашей Имперіи. Россія содрогнется, „узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе „Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ“.

„Я послѣдую за армією. Я все вывезъ: мнѣ остается пла- „кать объ участи моего Отечества“.

Нетрудно видѣть изъ этого донесенія, насколько далеко былъ главнокомандующій Москвы отъ пониманія истиннаго значенія совершавшихся событій и той обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать и принимать на себя рѣшенія Кутузову...

Получивъ такое донесеніе, встревоженный Императоръ Александръ немедленно командировалъ въ армію генераль-адъютанта князя Волконскаго съ нижеслѣдующимъ рескриптомъ:

„Князь Михаилъ Илларионовичъ. Съ 29 августа не имѣю Я „никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ, отъ 1 сентября, по- „лучилъ Я черезъ Ярославль отъ московскаго главнокоманду- „ющаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ армією оставить „Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело „сіе извѣщеніе, а молчаніе ваше усугубляетъ Мое удивленіе. Я „отправляю съ симъ генераль-адъютанта князя Волконскаго, дабы „узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ при- „чинахъ къ столь несчастной рѣшимости“.

7 сентября 1812 года.

Но уже черезъ два дня по подписаніи этого рескрипта Императоромъ, 9 сентября, въ Петербургъ прибылъ посланный отъ Кутузова, отправленный имъ, очевидно, до полученія вышеприведенныхъ строкъ отъ Государя.

Посланный этотъ былъ полковникъ Мишб, перешедшій на русскую службу иностранецъ (сардинецъ); онъ записалъ всю ту бесѣду, которой былъ удостоенъ, будучи лично принятъ Государемъ.

**Генераль-лейтенантъ
Графъ Александръ Францевичъ Мишд-де-Боретуръ.**

Выслушавъ докладъ объ оставленіи Москвы и принявъ письменное донесеніе Кутузова, Императоръ Александръ, до глубины души потрясенный этими извѣстіями, выказалъ полную покорность волѣ Провидѣнія, которое „требуешь отъ насъ великихъ жертвъ“. На заданный Государемъ тотчасъ же вопросъ о состояніи духа нашихъ войскъ, Мишбъ отвѣчалъ, что вся армія отъ главнокомандующаго до послѣдняго рядового преисполнена одного только страха,—чтобы не заключенъ былъ миръ...

Заканчивая бесѣду, Императоръ Александръ, возложивъ руку на плечо посланнаго, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Возвратитесь въ армію и говорите по пути всѣмъ Моимъ вѣрнымъ подданнымъ, гдѣ бы вы ни проѣзжали, что если у Меня не останется ни одного солдата, Я созову Мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства Имперіи. Россія предоставляетъ Мнѣ болѣе способовъ, нежели полагаетъ непріятель. Но, если судьбою и Промысломъ Божіимъ суждено роду Моему не царствовать, больше на прародительскомъ престолѣ, то, истощивъ всѣ усилія, Я отрощу себѣ бороду по грудь и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего отечества и Моихъ вѣрныхъ подданныхъ, жертвы которыхъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ Насъ; будемъ надѣяться, что Оно Насъ не оставитъ“.

„Не забудьте того,—прибавилъ Императоръ, крѣпко сжимая руку полковника Мишбъ,—что Я теперь говорю вамъ. *Наполеонъ*, или Я, Я или онъ, но *вмѣстѣ Мы царствовать не можемъ*. Я узналъ, его: онъ болѣе не обманетъ Меня“.

Такимъ образомъ Императоръ Александръ первый давалъ своимъ подданнымъ примѣръ непоколебимой непреклонности, покорности Божьей волѣ и вѣры въ свое высшее предназначеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь выказалъ намѣреніе еще болѣе расширить значеніе той великой борьбы, которая завязалась у Россіи съ Наполеономъ. Онъ не ограничивался, какъ въ началѣ войны, обѣщаніемъ не влгать меча въ ножны, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется на русской землѣ. Онъ ставилъ теперь ребромъ вопросъ о полномъ *низложеніи власти Наполеона*

и, такимъ образомъ, заранѣе предрѣшала возможность продолженія борьбы въ предѣлахъ Европы, если бы великому полководцу удалось ускользнуть изъ Россіи.

Величіе души и твердость воли, проявленныя Императоромъ Александромъ, тѣмъ болѣе знаменательны, что характеръ его, въ первой половинѣ царствованія, отличался скорѣе нерѣшительностью и неустойчивостью. Великія событія, главнымъ дѣятелемъ которыхъ ему пришлось выступить, произвели въ немъ несомнѣнно полный переворотъ...

Какъ оцѣнивалъ самъ Государь нашъ значеніе потери Москвы, видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ наслѣдному принцу Шведскому (бывшему маршалу Бернадотту).

„Потеря Москвы тяжела, но она чувствительна болѣе въ „нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. „Она даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ противъ угнетателя „царствъ. Послѣ этой раны, всѣ прочія ничтожны. Повторяю „Вашему Королевскому Высочеству торжественное увѣреніе, что „нынѣ, болѣе нежели когда либо, Я и народъ, во главѣ котораго „нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе похоронить себя „подъ развалинами Имперіи, чѣмъ примириться съ Аттилою „нашего времени. Раздраженный тѣмъ, что не нашелъ въ Москвѣ „ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, ни мира, котораго „достигнуть надѣялся, онъ сжегъ прекрасную столицу, теперь „обращенную въ груды пепла и развалинъ“ (писалось уже послѣ полученія извѣстія о пожарѣ Москвы, который въ первое время приписывали исключительно французамъ).

Въ самомъ донесеніи, доставленномъ Государю полковникомъ Мишб, Кутузовъ излагалъ причины, побудившія его оставить Москву, не рискуя арміей, еще не оправившейся послѣ Бородина; затѣмъ онъ писалъ, что вступленіе французовъ въ Москву не есть еще потеря Россіи, и доносилъ о своемъ намѣреніи передвинуться фланговымъ маршемъ для прикрытія Тулы (съ ея оружейнымъ заводомъ), Брянска (съ его арсеналомъ) и южныхъ плодородныхъ губерній, а также, чтобы пріобрѣсти положеніе, позволяющее угрожать сообщеніямъ французовъ съ ихъ тыломъ.

Такимъ образомъ геніальный планъ Кутузова, о которомъ подробно будетъ рѣчь ниже, былъ въ эту минуту уже составленъ...

Любопытно, что одновременно съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Кутузова, тотъ же полковникъ Мишбъ привезъ письмо графа Беннигсена Государю, въ которомъ послѣдній старался доказать ошибочность принятаго Кутузовымъ рѣшенія оставить Москву и, забывая о своей роли начальника штаба, т. е. лица, обязаннаго по своему положенію быть съ главнокомандующимъ единоподданнѣйшимъ и единомысленнымъ, старательно подставлялъ ножку своему непосредственному начальнику... Ближайшее будущее не замедлило показать, насколько близоруки были соображенія Беннигсена, и насколько онъ, все время интриговавшій въ цѣляхъ добиться высшаго командованія, былъ неизмѣримо ниже раскритикованнаго имъ Кутузова...

Для характеристики Императора Александра немаловажно отмѣтить, что, отправляя Мишбъ обратно къ Кутузову, онъ снабдилъ его предписаніемъ фельдмаршалу прислать того же офицера, „въ утѣшеніе ему“, съ „первымъ радостнымъ извѣстіемъ, послѣ его пріѣзда послѣдующимъ“. Мишбъ и былъ вѣстникомъ нашей Тарутинской побѣды.

Сильно и велико было впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ и во всей Имперіи извѣстіемъ о томъ, что Москва и ея святыни въ рукахъ французовъ. Но духъ населенія русскаго поколебленъ не былъ; напротивъ—ему данъ былъ этимъ событіемъ могучій толчокъ, вызвавшій къ жизни единственныя въ исторіи проявленія этого духа...

Съ водвореніемъ Наполеона въ Москвѣ, рано или поздно, неминуемо было предвидѣть съ его стороны новыя наступательныя операціи, которыя могли быть направлены и къ Петербургу; поэтому естественно было принять безотлагательно мѣры по обезпеченію путей, ведущихъ къ нему отъ Москвы. Задача эта не могла быть возложена на армію Кутузова, которая, какъ сказано уже, приняла на себя роль болѣе важную и далеко не столь пассивную, а въ скоромъ времени, даже грозную для Наполеона... Точно также и корпусъ Витгенштейна вынужденъ былъ сдерживать

бывшія противъ него войска на направленіи Псковъ—Петербургъ, а потому приходилось прикрыть сѣверную столицу со стороны Москвы другими средствами.

Первоначально на Петербургской дорогѣ находился только (между Клиномъ и Москвой) небольшой (3 тысячный) отрядъ генераль-адъютанта Винцингероде, состоящій изъ одной конницы и передвинутый сюда по приказанію Кутузова. Онъ былъ усиленъ всѣмъ Тверскимъ ополченіемъ, а также прибывшими въ Тверь 8 резервными баталіонами. Кромѣ того приступлено было къ формированію особыхъ казачьихъ полковъ изъ ямщиковъ Петербургскаго тракта, способныхъ къ казачьей службѣ, по двѣсти человекъ съ cadaго яма; люди эти были вооружены, и ихъ начали обучать, предназначая на пополненіе того же отряда Винцингероде. Въ тылу у него, въ Новгородѣ, образовался особый, большею частью ополченный, корпусъ г.-м. Новака, въ составъ котораго вошли: два казачьихъ полка Петербургскаго ополченія, три морскихъ баталіона, артиллерійская рота и все Новгородское ополченіе, кромѣ 4 тыс. человекъ, уже посланныхъ на укомплектованіе корпуса графа Витгенштейна. Вооружить и снабдить эти всѣ войска предполагалось по прибытіи изъ Англіи выписанныхъ оттуда сорока тысячъ ружей и пятидесяти тысячъ пудовъ пороху.

За неимѣніемъ зеленого сукна положено было одѣвать всѣ резервныя войска въ сѣрое.

Озаботились равнымъ образомъ заблаговременнымъ постепеннымъ вывозомъ изъ Петербурга наиболѣе цѣннаго казеннаго имущества. Съ этою цѣлью были оборудованы, какъ сухопутный трактъ на Ярославль, такъ и внутреннія водныя сообщенія. На трактѣ предписано было заготовить по тысячѣ подводъ на каждой станціи, для чего пришлось сдѣлать добавочный нарядъ подводъ съ губерній Олонецкой и Вологодской. На водные пути сгонялись суда, покупаемая не только въ Шлиссельбургъ и Петербургъ, но и другихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ. Кронштадтъ приводился въ оборонительное состояніе, и притомъ—на случай возможной зимней атаки. Чтобы избавить совершенно нашъ флотъ, зимою беззащитный, отъ всякой опасности, Императоръ Александръ вошелъ въ сношеніе съ англійскимъ правительствомъ о томъ, чтобы всѣ наши военныя суда сдать, такъ сказать, на временное храненіе

въ Англію, въ ея военные порты, откуда они впоследствии еще съ бѣльшимъ успѣхомъ могли дѣйствовать совмѣстно съ англійскимъ флотомъ противъ французовъ.

Эта разумная и предусмотрительная мѣра была своевременно приведена въ исполненіе.

Все вышеизложенное подтверждаетъ, до какой степени непреклонна была рѣшимость Императора Александра продолжать войну, даже если бы Богу угодно было отдать объ его столицы въ руки враговъ...

Но, какъ ни старались дѣлать все это подъ самымъ строгимъ секретомъ, вполне понятно, что подобныя мѣры не могли долго оставаться скрытыми и, такъ какъ многіе изъ Петербургскихъ жителей, по примѣру правительства, также стали вывозить изъ города свое имущество и готовиться къ выѣзду сами, то естественно возникали ежеминутно самыя вздорныя и тревожныя слухи, по которымъ непріятель оказывался чуть ли не въ Новгородской губерніи...

Чтобы разсѣять подобнаго рода опасенія, понапрасну поселяющія безпокойство въ населеніи столицы, 20 сентября, по Высочайшему повелѣнію, было распубликовано особое извѣщеніе, въ которомъ разъяснялось взаимное положеніе сторонъ, указывалось на мѣстонахожденіе отряда Винцингероде, на сборъ нашихъ войскъ въ Твери и на невозможность для французовъ, наблюдаемыхъ всею арміею Кутузова, „отрядить знатную часть“ войскъ безнаказанно на Петербургъ. Что же касается вывоза вещей, то мѣра эта принималась „единственно для заблаговременной предусмотрительности, предупреждая замерзаніе рѣкъ“. При этомъ добавлялось, что если бы Петербургу грозила дѣйствительная опасность, то объ этомъ жители столицы были бы извѣщены заблаговременно и имъ были бы „облегчены способы лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отсель внутрь земли“.

Достойна замѣчанія попытка комитета министровъ, въ составъ котораго входило не мало лицъ недоброжелательныхъ Кутузову, поставить, послѣ потери Москвы, главнокомандующаго подъ свой контроль.

Находя, что донесенія Кутузова, какъ объ отступленіи арміи отъ Бородина, такъ и „о неожиданномъ допущеніи непріятеля въ

Москву безъ всякаго сопротивленія“, не представляютъ „той „опредѣлительности и полнаго изображенія причинъ, кои въ дѣлахъ столь величайшей важности необходимы“, комитетъ предлагалъ предписать Кутузову, во-первыхъ, доставить „протоколь со-вѣта, коимъ положено было оставить Москву безъ всякой защиты“, а затѣмъ, потребовать отъ него на будущее время присылки „полныхъ о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ своихъ свѣдѣній“. Комитетъ ссылался на прежніе примѣры, когда главнокомандующіе всегда обстоятельно доносили о всѣхъ движеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ. Другими словами, комитетъ желалъ до извѣстной степени контролировать планы Кутузова, который, конечно отлично понималъ, къ чему можетъ привести такое подробное донесеніе о „намѣреніяхъ“ главнокомандующаго: къ вмѣшательству сверху, и къ попыткѣ управлять издалека дѣйствіями арміи, что въ прежнія времена не разъ вредно отражалось на успѣхѣ военныхъ операций. Не даромъ еще Суворовъ, великій учитель Кутузова, говаривалъ: „Мѣстный (т. е. находящійся на мѣстѣ) въ его близи къ обстоятельствамъ лучше судить, нежели отдаленный: онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны ихъ теченія и направляетъ свои поступки по правиламъ воинскимъ“...

Императоръ Александръ съ своей стороны ограничился тѣмъ, что, въ знакъ непоколебимости своего полнаго довѣрія къ Свѣтлѣйшему, препроводилъ къ нему этотъ журналъ комитета, предписавъ лишь доставлять *свѣдѣнія* о военныхъ дѣйствіяхъ (т. е. о фактахъ уже совершившихся) поподробнѣе прежнихъ...

Пожаръ Москвы. Его причины, значеніе и послѣдствія. Летательный аппаратъ Леппиха.

Переходъ Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую. Оцѣнка этого маневра.

ереночевавъ со 2 на 3 сентября въ Дорогомиловскомъ предмѣстьѣ, Наполеонъ утромъ переѣхалъ въ Кремль, гдѣ и расположился въ дворцовыхъ покояхъ, обращенныхъ къ рѣкѣ Москвѣ.

Отдѣльные пожары были еще наканунѣ, въ самый день вступленія французовъ; горѣли преимущественно разнаго рода торговыя и промышленныя заведенія, подоженные самими хозяевами, передъ тѣмъ, какъ ихъ бросить. 3-го же числа городъ запылалъ со всѣхъ концовъ, а къ ночи на 4-ое число пожаръ охватилъ ббольшую часть столицы. Тщетны были усилія французовъ потушить огонь; поднявшійся сильный вѣтеръ раздулъ громадное пламя, которое неудержимымъ огненнымъ вихремъ несло съ одной улицы на другую.

Въ тогдашней Москвѣ большинство домовъ еще были деревянные, и это, конечно, значительно облегчало распространение пожара, средствъ для борьбы съ которымъ почти совершенно не было: Растопчинъ предусмотрительно распорядился *вывести всѣ пожарныя машины.*

4 сентября, около полудня, пожарище приблизилось къ самому Кремлю, въ которомъ жилъ Наполеонъ. Но главная опасность завистѣла отъ того, что на Кремлевскомъ дворѣ собраны были всѣ зарядные ящики гвардейской артиллеріи, въ числѣ четырехсотъ. Достаточно было неудачно упавшей искры, чтобы послѣдоваль страшный взрывъ, который могъ угрожать жизни великаго полководца. Маршалы и приближенные начали убѣждать его выѣхать изъ Кремля, но тщетно; только когда на Кремлевскій дворъ стали залетать горящія головни, и маршалъ Бертье, начальникъ штаба Наполеона, сталъ настойчиво уговаривать его покинуть опасное мѣсто, онъ согласился переѣхать въ Петровскій дворецъ.

Перебраться туда можно было только съ большими затрудненіями. Наполеону пришлось выйти изъ Кремля пѣшкомъ къ рѣкѣ Москвѣ; здѣсь онъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи свиты и гвардіи (кромѣ батальона, оставленнаго въ Кремлѣ), направился черезъ городъ. На каждомъ шагу развалины, груды разваленнаго угля и пепла и еще горѣвшіе ряды зданій заставляли мѣнять направленіе, такъ что въ новую резиденцію императоръ французъ перебрался только къ 6 часамъ вечера. Здѣсь онъ пробылъ до 6 сентября, пока мѣсть огонь не сталъ затихать, заглушенный выпавшимъ ливнемъ, да и за недостаткомъ дальнѣйшей для него пищи. Болѣе *двухъ третей* города погибло отъ разрушительной стихіи: изъ общаго числа 9.257 строеній сгорѣло 6.496!..

Каковы же были причины Московскаго пожара?

Французы приписывали его, прежде всего, поджигательству самихъ русскихъ и считали главнымъ виновникомъ графа Растопчина, будто бы распорядившагося поджечь Москву. Но, если Растопчинъ и вывезъ изъ города всѣ пожарныя машины; если онъ приказалъ поджечь нѣкоторыя зданія, то отъ одного этого столь грандіозный пожаръ не могъ возникнуть. Озлобленное противъ врага и преисполненное патріотизма населеніе Московское,

Въ Кремлъ пожаръ

Рис. В. В. Верещагинъ.

какъ и въ Смоленскѣ, не желало, чтобы врагу доставался удобный кровъ, и само подпаливало свои дома. Равнымъ образомъ, значительная часть пожаровъ произошла, несомнѣнно, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ самихъ войскъ, бивакировавшихъ въ городѣ и, по привычкѣ, не слишкомъ то заботившихся о тушеніи своихъ костровъ. Не даромъ, впоследствии Наполеонъ размѣстилъ ихъ больше по окраинамъ города...

Въ первую минуту,—какъ видно хотя бы изъ приведеннаго нами выше письма Императора Александра къ наслѣдному принцу Шведскому,—въ пожарѣ Москвы винили самого Наполеона. Когда послѣдствія этого событія стали вполне ясными, было бы (какъ писалъ въ своихъ запискахъ Ермоловъ) „напрасно возлагать вину „на непріятеля и оправдываться въ томъ, что возвышаетъ честь „народа“.

Несомнѣнно, что пожаръ Москвы, какою бы ни былъ онъ тяжкою жертвою для Россіи и для самихъ москвичей, самоотверженно пожертвовавшихъ своимъ достояніемъ, въ весьма значительной степени усугубилъ то вредное вліяніе, которое оказало на французскую армію пребываніе въ Первопрестольной.

Пожары, естественно, повлекли за собою грабежъ, сперва вызванный стремленіемъ спасти отъ истребленія тѣ немногіе съѣстные припасы, которые уцѣлѣли въ городѣ, а затѣмъ—распространившійся уже и на все, что только ни попадалось подъ руку въ опустѣлой столицѣ. Этотъ грабежъ повлекъ за собою полнѣйшее распаденіе во французской арміи дисциплины, т. е. того скрѣпляющаго начала, безъ котораго войско превращается въ толпу, а въ данномъ случаѣ—даже въ опасную толпу, такъ какъ животныя инстинкты у натерпѣвшихся за долгій и изнурительный походъ французскихъ солдатъ, разумѣется, преобладали...

Самъ Наполеонъ, возвращаясь 6 сентября въ Кремль изъ Петровскаго дворца, видѣлъ картины, свидѣтельствовавшія о чрезвычайной распушенности. На улицахъ люди грѣлись у костровъ, сложенныхъ изъ мебели, рваныхъ книгъ, картинъ, даже исколотыхъ въ щепы *образовъ*... Въ котлахъ варилась конина; повсюду валялись головы сахара, мѣшки кофе и другихъ награбленныхъ колониальныхъ товаровъ, бутылки вина, — а хлѣба ни у кого не было!

Чтобы хоть какъ нибудь сберечь оставшіяся въ городѣ скудныя продовольственныя средства отъ быстрого и безтолковаго истребленія, Наполеонъ вознамѣрился *упорядочить грабежъ*. Онъ приказалъ не пускать отдѣльныхъ солдатъ въ Москву, а посылать „за добычею“ (*à la maraude*) не иначе, какъ командами, при чемъ старшій долженъ былъ имѣть свидѣтельство отъ начальника части. Бродяжничество отъ этой мѣры до нѣкоторой степени уменьшилось, но, такъ какъ для каждой воинской части не было указано опредѣленнаго раіона для сбора запасовъ, то высылаемыя команды разгуливали по всему городу, и въ распредѣленіи и расходованіи припасовъ была крайняя неравномѣрность; въ нѣкоторыхъ частяхъ одни припасы были въ избыткѣ, а въ другихъ—тѣхъ же самыхъ не могли добыть—и наоборотъ... Но самую вопіющею потребностью, какъ и во все время похода, была фуражная. И безъ того уже сильно порѣдѣвшій конскій составъ „великой арміи“, за время пребыванія въ Москвѣ, вмѣсто того, чтобы отдохнуть и поправиться, пришелъ въ окончательное изнуреніе, такъ какъ за кормомъ приходилось постоянно отряжать конницу въ дальнія фуражировки, въ окрестности города.

Чтобы изслѣдовать причины Московскаго пожара, Наполеонъ назначилъ военно-судную комиссію, которая, на основаніи допроса 26-ти задержанныхъ по обвиненію въ поджигательствѣ челоуѣкъ, пришла къ заключенію, что наше правительство рѣшилось, для противодѣйствія французской арміи, „прибѣгнуть къ средству, „отвергнутому всѣми просвѣщенными народами“; любопытно, что однимъ изъ главныхъ доказательствъ справедливости этого обвиненія приводились работы по сооружеію близъ Москвы (въ селѣ Воронцовѣ) большого воздушнаго шара. Въ настоящее время, когда можно сказать, челоуѣкъ уже побѣдилъ воздухъ, разрѣшивъ задачу управляемаго воздухоплаванія и когда послѣднее получаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе къ военному дѣлу, небезынтересно привести нѣкоторыя подробности объ этомъ прообразѣ современныхъ дирижаблей, пояснивъ притомъ и тотъ курьезъ, въ силу котораго работы по его сооружеію были поставлены въ связь съ поджогами.

□ Въ маѣ мѣсяцѣ въ Россію явился нѣкій Смитъ, англичанинъ, выдававшій себя за нѣмца и называвшійся Леппихомъ; онъ предложилъ построить особую летательную машину, которая должна

была быть снабжена особыми снарядами, вродѣ ракетъ, для пораженія непріятели сверху. Императоръ Александръ очень интересовался выдумкой Леппиха и въ письмахъ къ Раstopчину давалъ указанія о томъ, чтобы воздухоплаватель, какъ только будетъ готовъ, „сообразалъ свои движенія съ дѣйствіями главнокомандующаго“. Интересовался имъ и Кутузовъ, который еще передъ Бородинымъ (22 августа) спрашивалъ московскаго главнокомандующаго „о еростатѣ, который тайно готовится близъ Москвы: „можно ли имъ будетъ воспользоваться и какъ его употребить „удобнѣе“...“

Отсюда видно, что на изобрѣтеніе Леппиха возлагали у насъ серьезныя упованія; слѣдственная же Наполеоновская комиссія утверждала, что этотъ шаръ дѣлался только для вида, а на самомъ дѣлѣ въ селѣ Воронцовѣ производилась фабрикація зажигательныхъ издѣлій и средствъ, специально для поджоговъ.

Мысль о пожарѣ Москвы, въ случаѣ необходимости отдать еѣ французамъ, несомнѣнно зародилась у Раstopчина заранѣе и была имъ глубоко продумана. Это свидѣтельствуется его собственными заявленіями на Поклонной горѣ, передъ совѣтомъ въ Филыхъ, сдѣланными принцу Виртембергскому, Ермолузу (послѣднему онъ сказалъ: „если оставите безъ боя Москву, то увидите еѣ за собой пылающей“), а также двумя собственноручными всеподданнѣйшими донесеніями, писанными Раstopчинымъ тотчасъ же по выѣздѣ изъ Москвы, и перепиской его съ княземъ Багратіономъ. Въ первомъ изъ нихъ говорится: „Приказаніе князя Кутузова „везти на Калужскую дорогу провіантъ было отдано 29 августа. „Это доказываетъ, что онъ тогда уже хотѣлъ оставить Москву. „Я въ отчаяніи, что онъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе, по „тому что я, не бывъ въ состояніи удерживать города, *зажегъ бы его*“... Въ другомъ донесеніи Раstopчинъ сѣтуетъ на Кутузова, что онъ слишкомъ поздно сообщилъ ему свое намѣреніе оставить Москву и прибавляетъ: „если бы онъ мнѣ сказалъ объ этомъ за два дня прежде, то я *зажегъ бы городъ*, отправивши изъ него жителей“. Багратіону еще 12 августа онъ писалъ: „если вы отступите къ Вязьмѣ, я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей... Народъ здѣшній, по вѣрности къ Царю своему и „любви къ родинѣ, рѣшилъ умереть у стѣнъ Московскихъ, и если „Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя

„русскому правилу: *не доставайся злодью*, онъ обратитъ городъ въ „пепель, и, вмѣсто богатой добычи, Наполеонъ найдетъ одно „пепелище древней столицы. Объ этомъ не худо дать ему знать, „дабы онъ не рассчитывалъ на милліоны и большіе хлѣбные мага- „зины, потому что онъ здѣсь найдетъ только уголь и золу“... Въ другомъ письмѣ, отъ 22 августа, Раstopчинъ опять повторяетъ, что если въ сраженіи подъ стѣнами столицы насъ постигнетъ неудача, то „злodyамъ вмѣсто Москвы одинъ пепель достанется“.

Любопытно однако, что впоследствии самъ Раstopчинъ издалъ особую брошюру, въ которой пытался доказать, что онъ въ пожарѣ Москвы не принималъ никакого участія. Но это можно легко объяснить тѣмъ, что въ то время находившійся уже не у дѣлъ Раstopчинъ постоянно проживалъ въ Парижѣ и желалъ снять съ себя въ глазахъ парижанъ свою репутацію „грубаго варвара“. Характерная черта тогдашняго русскаго аристократа, дорожащаго болѣе мнѣніемъ иностранцевъ, чѣмъ собственнымъ достоинствомъ...

Несомнѣнно, что въ Московскомъ пожарѣ повинны и русскіе, и французы. Но огромная разница въ томъ, что пожары отъ рукъ непріятельскихъ происходили помимо ихъ воли и даже вопреки намѣреніямъ, а въ силу неосторожнаго обращенія съ огнемъ; пожары же, вызванные русскими, по приказу ли Раstopчина, или по частному почину отдѣльныхъ лицъ,—были, несомнѣнно, *предна- мѣренными*.

Впечатлѣніе Московскаго пожара на обѣ стороны, обвинявшія въ немъ другъ друга, было различное.

Россія, услышавъ вѣсть, что Москва сгорѣла, единодушно рѣшила, что это сдѣлали французы, и чувство мщенія и обиды, уже разроставшееся быстрою и грозною волной, сдѣлалось только отъ того острѣе.

Искупительная жертва, принесенная Москвою, подняла духъ у всего населенія, возбудила жажду мести и послужила главнымъ возбудителемъ народной войны, которая явилась наиболѣе сильнымъ средствомъ того окончательнаго истребленія враговъ, къ которому и стремился Кутузовъ.

Французы, очутившіеся, вмѣсто цвѣтущаго и полнаго жизнен- ныхъ средствъ города, среди пустынныхъ развалинъ и пепелищъ, почувствовали, что дальнѣйшее продолженіе борьбы можетъ кон-

читься для нихъ роковымъ исходомъ... Это способствовало еще болѣшему увеличенію въ войскахъ разнузданности, такъ какъ каждый, предвидя близкую грозу, заботился только о сегодняшнемъ днѣ, спѣша какъ можно быстрѣе удовлетворить свои животныя стремленія...

Самъ Наполеонъ, увидавъ Московское пожарище, въ первую минуту рѣшилъ предпринять движеніе къ Петербургу, какъ бы чувствуя, что дальнѣйшее пребываніе его арміи въ Москвѣ будетъ пагубнымъ. Онъ думалъ направиться сперва по пути Москва—Петербургъ; если же и эта угроза не повліяетъ на насъ въ желательномъ смыслѣ, т. е. не вызоветъ мирныхъ предложеній, то предполагалось двинуть изъ Москвы всѣ силы въ губерніи Новгородскую и Псковскую, на сообщенія графа Витгенштейна, присоединить къ себѣ корпуса С. Сира, Макдональда и Виктора и расположиться на зимнихъ квартирахъ между Ригю и Смоленскомъ. Однако, большинство маршаловъ Наполеона (за исключеніемъ одного вице-короля) не сочувствовали этому плану дѣйствій и находили, что армія нуждалась прежде всего въ отдыхѣ, которымъ, все-таки, надлежало воспользоваться въ Москвѣ.

Если ужъ необходимость въ отступленіи къ Смоленску сдѣлалась бы неизбежной, то многіе сподвижники Наполеона считали гораздо болѣе выгоднымъ избрать направленіе не на сѣверъ, а на югъ отъ Москвы, гдѣ можно было, во-первыхъ, нанести рѣшительный ударъ главной массѣ русскихъ войскъ подъ начальствомъ Кутузова, а затѣмъ воспользоваться обильными источниками всякаго рода запасовъ, сосредоточенныхъ въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ...

Впечатлѣніе Московскаго пожарища на Наполеона было настолько сильно, что онъ, вскорѣ по возвращеніи въ Москву, принялся за попытки войти въ сношеніе съ Императоромъ Александромъ. Одна изъ первыхъ такихъ попытокъ сдѣлана была черезъ начальника Московскаго Воспитательнаго дома, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тутолмина. Благодаря энергіи, заботливости и дѣятельнымъ мѣрамъ послѣдняго, зданіе Московскаго Воспитательнаго дома, кромѣ аптеки, было пощажено огнемъ. Возвращаясь въ Москву и проѣзжая мимо Воспитательнаго дома, Наполеонъ, узнавъ, что онъ сохранилъ усердіемъ начальника заведенія,

потребовалъ Тутолмина къ себѣ, изъявилъ ему свою благодарность, а затѣмъ началъ выражать свое негодованіе по поводу варварскаго образа дѣйствій Растопчина и москвичей. Когда же Тутолминъ изъявилъ желаніе довести до свѣдѣнія Императрицы Маріи Θεодоровны, Августѣйшей Покровительницы ввѣреннаго ему заведенія, о чудесномъ его спасеніи, то Наполеонъ тотчасъ же воспользовался этимъ и поручилъ Тутолмину, вмѣстѣ съ донесеніемъ, передать о желаніи императора французозъ окончить войну.

„Напишите Вашему Государю, что я желаю мира“, сказалъ Наполеонъ Тутолмину, „и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника. Я прикажу провести его черезъ передовые посты“.

Другая попытка сдѣлана была черезъ Яковлева, брата нашего посланника въ Штутгартѣ. Ограбленный 2 сентября французами и лишенный экипажа и лошадей, онъ не могъ выѣхать изъ Москвы и обратился за пропускомъ къ французамъ. Мортъе, назначенный Московскимъ генераль-губернаторомъ, отвѣтилъ, что необходимо разрѣшеніе императора, и 9 сентября Яковлевъ былъ принятъ Наполеономъ въ кремлевскомъ тронномъ залѣ. Въ продолжительной бесѣдѣ Императоръ французозъ, стараясь внушить Яковлеву, что положеніе французской арміи въ Москвѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго, въ то же время заводилъ рѣчь о необходимости „положить конецъ кровопролитію“.

„Намъ съ вами легко поладить (говорилъ онъ). Война моя съ Россіей чисто политическая. Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора. Я готовъ возвратиться, потому, что главное дѣло для меня — справиться съ Англійей. Если бы я взялъ Лондонъ, то не скоро оставилъ бы его. Хочу идти назадъ. Ежели Императоръ Александръ желаетъ мира, то пусть только дастъ мнѣ знать. Я пошлю къ нему кого либо изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна или Лористона, и мы тотчасъ же помиримся. Если же онъ хочетъ войны — будемъ воевать. Мои войска просятъ, чтобы я ихъ велъ на Петербургъ. Пойдемъ и туда; въ такомъ случаѣ Петербургъ подвергнется одной участи съ Москвою“. Затѣмъ Наполеонъ убѣждалъ Яковлева ѣхать въ Петербургъ и по собственному почину доложить Императору Александру все имъ видѣнное и слышанное;

когда же Яковлевъ уклонялся отъ этого, Наполеонъ прямо объявилъ ему, что самъ напишетъ Императору Александру и перешлетъ это письмо съ Яковлевымъ. Такъ и было сдѣлано. 10 сентября письмо было вручено Яковлеву вмѣстѣ съ пропускомъ черезъ сторожевые посты французовъ.

Яковлевъ черезъ Клинь (гдѣ былъ отрядъ Винцингероде) добрался до Петербурга и вручилъ письмо Наполеона Аракчееву. Въ письмѣ содержались только жалобы на сожженіе Москвы, но не говорилось ни слова о мирѣ.

Нашъ Государь не удостоилъ этого посланія ни единымъ словомъ отвѣта и даже не принялъ Яковлева.

Возвратившись въ Кремль, Наполеонъ дѣятельно принялся за водвореніе порядка въ городѣ, но тщетно. Насколько безсильна была борьба съ грабежомъ и полнѣйшею распущенностью, воцарившеюся весьма быстро во французской арміи, доказывается такими, напримѣръ, приказами по войскамъ:

„Императоръ весьма недоволенъ (говорилось въ одномъ), что, „несмотря на именное повелѣніе о прекращеніи грабежа, безпрестанно входятъ въ Кремль сборища мародеровъ съ награбленною добычею. При семъ поставляется на видъ господамъ генераламъ и начальникамъ частей войскъ ихъ обязанность наблюдать за исполненіемъ повелѣній Его Величества“.

Нѣсколько дней спустя приказъ опять гласилъ:

„Вчера, въ прошлую ночь и сегодня, гвардейскіе солдаты снова предавались безпорядку и грабежу, болѣе, нежели когда „либо“.

Для прекращенія грабежей назначались сильные дозоры, подъ начальствомъ офицеровъ; дѣлались строжайшіе розыски. Высылка командъ для сбора провіанта и запасовъ была прекращена, такъ какъ эти команды грабили наравнѣ съ мародерами; взамѣнъ того учреждены были склады, куда собирались запасы, находимые въ оставленныхъ домахъ, и оттуда уже производилась правильная раздача продовольствія войскамъ. Ясное дѣло, что эту мѣру надлежало установить съ перваго же дня вступленія арміи въ Москву, что спасло бы отъ расхищенія большую часть пищевыхъ продуктовъ, уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ.

*

Napoléon, Empereur des Français,
Roi d'Italie, Protecteur de la Confédération
du Rhin, Médiateur de la Confédération
Suisse, &c &c

Nous venons de décréter:

Art. 1er.

Le Colonel Nagle, est nommé
Général de brigade.

Art. 2.

Il sera employé, en cette qualité, au
Haut Corps de la Grande armée

art. 3e.

Notre Ministre de la Guerre
est chargé de l'exécution de présente
Décret

Donné à notre quartier général
Impérial de Moscou, le 11 Octobre
1812. 1.

Наполеонъ, Императоръ французовъ, Король Италии, Покровитель Рейнского Союза, Посредникъ Швейцарскаго Союза и проч. и проч.

П о в е л ѣ в а е м ь:

Ст. 1-я.

Полковникъ Нагль назначается бригаднымъ генераломъ.

Ст. 2-я.

Въ этомъ званіи онъ будетъ состоять въ 4-мъ корпусѣ Великой Арміи.

Ст. 3-я.

Нашъ Военный Министръ долженъ исполнить настоящій приказъ.

Дано въ главной нашей Императорской квартирѣ въ Москвѣ.

11 октября 1812 года.

Наполеонъ.

Насколько расшаталась въ Наполеоновской арміи дисциплина, видно изъ того, что въ грабежѣ участвовали не только нижніе чины, но и офицеры, перестававшіе оказывать должное уваженіе своимъ начальникамъ, и даже самому Императору. Въ приказѣ по гвардіи, его любимому дѣтищу, о которомъ всегда такъ любовно заботился великій полководецъ, имѣются такія строки: „Всѣ офицеры, какого бы то ни было чина, проходя съ войсками мимо Императора, должны салютовать шпагою Его Величеству. Сегодня на разводѣ это не исполнялось. Герцогъ Данцигскій (маршалъ „Лефевръ), поставляя на видъ г.г. офицерамъ такое несоблюденіе ихъ обязанностей, предписываетъ начальникамъ частей войскъ, чтобы они имѣли надзоръ за порядкомъ службы“.

Для того, чтобы устранить всѣ эти безчинства и непорядки и водворить благоустройство и благочиніе въ городѣ, Наполеонъ неустанно отдавалъ цѣлый рядъ весьма разумныхъ распоряженій... Онъ учредилъ въ Москвѣ „муниципалитетъ“, т. е. выборное городское управленіе, въ составъ котораго вошли преимущественно оставшіеся на жительство въ городѣ иностранные купцы. Кромѣ того, онъ завелъ полицейское бюро... Однако, справиться съ грабителями эти органы не могли, несмотря на постоянныя попытки остановить грабежъ открытою силою. Озвѣрѣвшіе мародеры не знали ничего святого. Въ церквахъ обдирали оклады со св. иконъ, рубили, жгли ихъ; изъ образовъ дѣлали мишени и производили по нимъ стрѣльбу; пили вино изъ священныхъ сосудовъ и издѣвались надъ всѣми предметами богослуженія... Ограбленныя и опустошенныя церкви превращались въ магазины, склады и даже въ конюшни.

Все это очевидно, не могло дѣлаться безъ распоряженія начальствующихъ лицъ, и такимъ образомъ выходило, что послѣднія сами подавали примѣры солдатамъ въ дѣлѣ святотатственнаго отношенія къ православнымъ храмамъ. Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что невозможно было удержать солдатъ отъ оскверненія святынь православной церкви и отъ самаго разнузданнаго грабежа, если они видѣли такой же самый примѣръ со стороны своихъ начальниковъ. Не говоря уже о французскихъ офицерахъ и генералахъ, маршалы и даже самъ Наполеонъ не гнушались тѣмъ, чтобы пополнить свой обозъ предметами искусства и роскоши, облюбованными въ Кремлѣ и богатыхъ Московскихъ домахъ...

Несомненно, что быстрому развитію грабежа во французской арміи во многомъ способствовалъ и самый Московскій пожаръ. Видя неминуемую гибель, грозящую зданіямъ и всему имуществу, въ нихъ содержащемуся, естественно было стремленіе воспользоваться тѣмъ, что должно было черезъ нѣсколько минутъ сдѣлаться жертвою пламени. А затѣмъ уже пагубная привычка настолько привилась, а дисциплина разрушилась, — что прекратить грабежи не представлялось возможнымъ. }

* * *

По очищеніи Москвы, наша армія 2 сентября сдѣлала только пятнадцати-верстный переходъ по Рязанской дорогѣ и остановилась на ночлегъ, прикрываясь арьергардомъ Милорадовича, который оставался у Вязовки, отъ Москвы всего въ шести верстахъ. Въ такомъ положеніи наши войска пребыли и весь слѣдующій день, дабы обезпечить выходъ изъ Москвы спасавшимся изъ нея во множествѣ жителямъ. Арьергардъ Милорадовича былъ смѣненъ VII корпусомъ Раевского, къ которому добавленъ IV кавалерійскій корпусъ ген.-ад. Васильчикова.

Пройдя 4 сентября еще одинъ переходъ по Рязанской дорогѣ и отправивъ съ полковникомъ Мишбъ всеподданнѣйшее донесеніе объ оставленіи Москвы, Кутузовъ рѣшилъ [перейти фланговымъ движеніемъ съ Рязанской дороги на Калужскую, т. е. передвинуться съ восточной стороны Москвы на южную ея сторону.

Огромныя выгоды такого передвиженія заключались въ томъ, что армія, во-первыхъ, прикрывала всѣ наши богатые срединныя и южныя хлѣбородныя области, а также такія военныя заведенія, какъ Тульскій оружейный заводъ, Брянскій арсеналъ, приобрѣтая полную возможность всецѣло использовать въ своихъ нуждахъ всѣ эти средства.

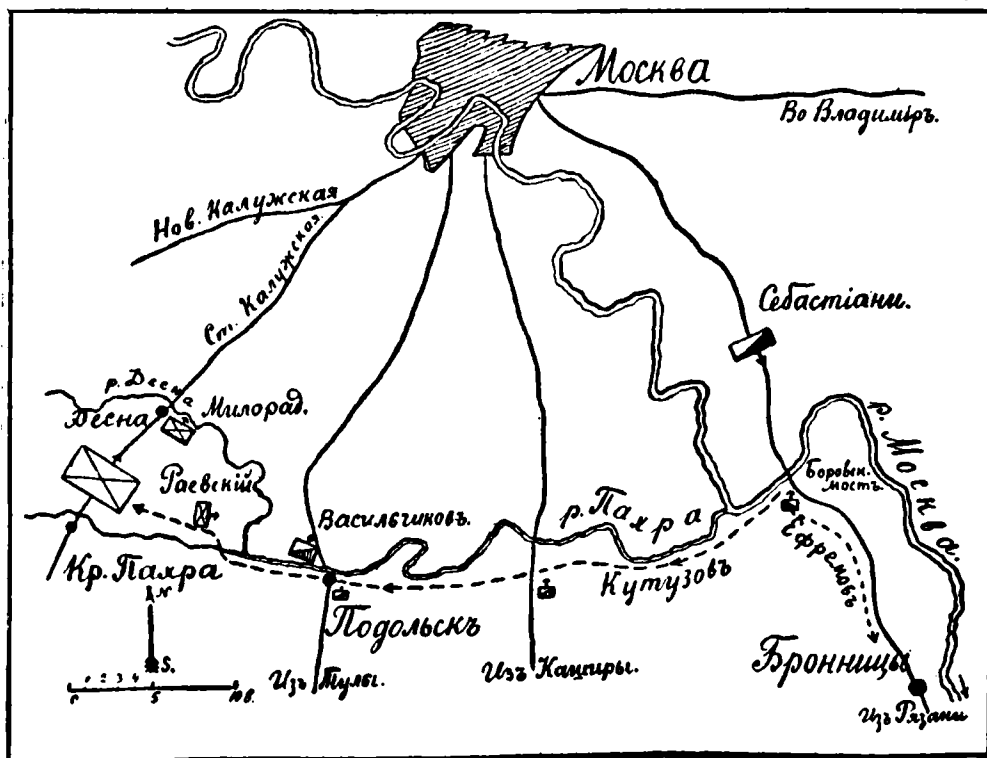
Во-вторыхъ, армія приобрѣтала *фланговое положеніе* по отношенію къ путямъ, связывающимъ французскую армію съ ея тыломъ, и могла угрожать этимъ путямъ.

Такая угроза могла быть теперь тѣмъ болѣе дѣйствительна, что сообщенія французовъ, съ уходомъ ихъ въ Москву, непомерно удлиннились, защищены были сравнительно слабо, а ску-

дость средствъ, найденныхъ въ Москвѣ, при быстромъ ихъ къ тому же расхищеніи, ставила французскую армію въ весьма большую зависимость отъ степени надежности этой связи.

Кому впервые пришла мысль о такомъ передвиженіи? Объ этомъ источники даютъ самыя противорѣчивыя свидѣтельства. Иностранные писатели въ особенности стараются доказать, что идея эта не принадлежитъ самому Кутузову. Генераль Ермоловъ (вообще не расположенный къ Кутузову) въ своихъ запискахъ приписываетъ ее Беннигсену; другіе указываютъ на Толя, предлагавшаго отойти на фланговую позицію еще отъ Бородина и потомъ отъ Воробьевыхъ горъ. Но такое движеніе было бы совершенно явнымъ для французовъ, тогда какъ главная заслуга Кутузова именно въ томъ, что онъ сумѣлъ замѣчательно искусно воспользоваться этою мыслью, ввести въ заблужденіе противника и надолго оставить его въ невѣдѣніи относительно истиннаго мѣстопробыванія своей арміи.

Схема флангового марша за р. Красной Пахрой.

Генералъ-отъ-кавалеріи
Графъ П. Л. Беннигсенъ.

По мнѣнію графа Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ“, мысль о необходимости перевести армію на югъ Москвы и опереться на хлѣбородныя губерніи нельзя даже приписывать строго-опредѣленному лицу: мысль эта, какъ вытекавшая изъ сущности положенія вещей, по мнѣнію названнаго писателя, носилась, такъ сказать, въ воздухѣ. Во всякомъ случаѣ, кому бы эта мысль ни пришла въ голову, честь приведенія ея въ исполненіе и притомъ, какъ уже сказано, чрезвычайно искуснаго, должна быть всецѣло приписана Кутузову.

Такъ какъ передвиженіе съ Рязанской дороги на Калужскую являлось фланговымъ (боковымъ) маршемъ по отношенію къ противнику, находящемуся въ Москвѣ, а фланговое движеніе всегда нѣсколько опасно, то былъ принятъ цѣлый рядъ весьма искусныхъ мѣръ для обезпеченія этого марша.

Прежде было, оно было сдѣлано въ достаточной отдаленности отъ Москвы—два перехода. Затѣмъ все движеніе рѣшено было совершить подъ прикрытіемъ р. Красной Пахры (кромѣ послѣдняго перехода). Наконецъ, для прикрытія движенія сбоку былъ назначенъ сильный арьергардъ Раевского, въ составѣ его VII пѣхотнаго корпуса и IV кавалерійскаго корпуса князя Васильчикова.

Намѣренія главнокомандующаго были тщательно скрыты отъ войскъ, и даже старшіе начальники (кромѣ командировъ корпусовъ) не знали, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ.

Первоначальное направленіе арміи по Рязанской дорогѣ являлось прекраснымъ демонстративнымъ средствомъ, чтобы ввести противника въ обманъ. Свернувъ 5 сентября у Боровскаго моста по дорогѣ на Каширу, Кутузовъ оставилъ Раевского близъ Боровскаго моста, откуда арьергардъ выступилъ только на слѣдующій день, при чемъ казачьему отряду полковника Ефремова было приказано отходить передъ французами въ прежнемъ направленіи, втягивая ихъ за собою.

Точно также, при послѣдующемъ движеніи за рѣкою Красною Пахрой, изъ состава конницы арьергарда выдѣлялись казачьи отряды, которымъ князь Васильчиковъ приказывалъ, въ случаѣ

натиска превосходныхъ силъ противника, отходить на югъ по тѣмъ самымъ дорогамъ, на которыхъ они стояли, а отнюдь не на соединеніе съ арміей...

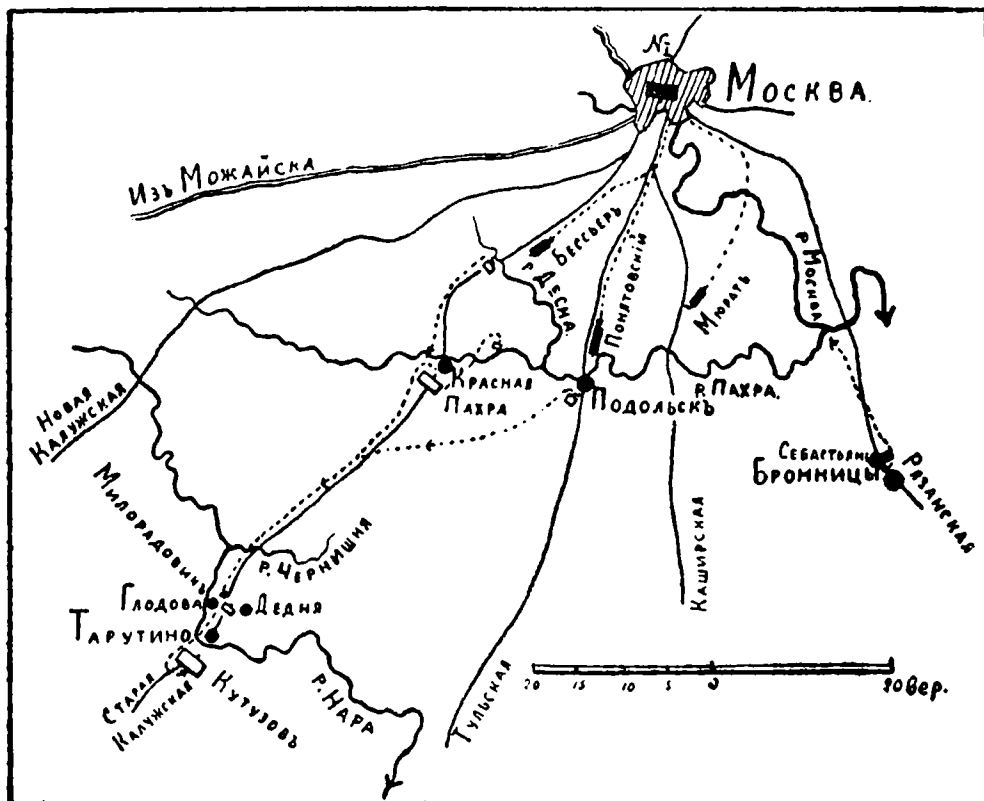
Поглощенные Московскимъ пожаромъ, французы преслѣдовали вяло и недостаточными силами, что, конечно, способствовало успѣху флангового марша. Для преслѣдованія была выслана только конница (одинъ кавалерійскій корпусъ) Себастьяни, который, считая конницу Ефремова входящею въ составъ арьергарда русскихъ войскъ, неотступно преслѣдовалъ ее по Рязанской дорогѣ вплоть до самыхъ Бронницъ; только здѣсь Себастьяни узналъ, что введенъ въ обманъ и что слѣдъ русской арміи имъ потерянъ. А Мюратъ, назначенный Наполеономъ начальникомъ авангарда, продолжалъ оставаться въ Москвѣ и доносилъ Наполеону, что „русская армія разсѣялась“.

Въ ночь съ 9 на 10 сентября къ Наполеону поступили одновременно два донесенія чрезвычайной важности; одно отъ Себастьяни, съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ обманутъ искуснымъ движеніемъ русскихъ и что послѣдніе имъ потеряны совершенно изъ виду; другое—о появленіи на Можайской дорогѣ казаковъ и удачномъ ихъ нападеніи на французскій транспортъ. Послѣднее нападеніе, бывшее началомъ дѣятельности нашихъ *партизановъ*, произвело во французской арміи сильную тревогу и вызвало цѣлый рядъ спѣшныхъ распоряженій.

О партизанахъ и партизанской войнѣ, а также о народной войнѣ, вспыхнувшихъ и быстро разгорѣвшихся въ неугасимое пламя какъ разъ вслѣдъ за водвореніемъ французовъ въ Москвѣ, будетъ изложено въ подробности особо въ слѣдующихъ главахъ нашего труда. Въ настоящее же время необходимо указать лишь на тѣ приказанія, которыя отданы были Наполеономъ, такъ какъ они преслѣдовали одновременно двѣ цѣли: разысканіе пропавшей русской арміи и обезпеченіе ближайшаго къ Москвѣ участка коммуникаціоннаго пути французовъ. Прежде всего корпусъ Понятовскаго высланъ былъ изъ Москвы прямо къ Подольску, на поддержку конницы Себастьяни. На Тульскую дорогу выдвинутъ былъ вслѣдъ затѣмъ маршалъ Бессьеръ, съ составленнымъ наскоро своднымъ корпусомъ. Маршалу приказано было принять общее начальство надъ всѣми этими войсками,

усиливъ ихъ своею резервною кавалеріей, и преслѣдовать по пятамъ русскихъ... На Можайскую дорогу было выслано нѣсколько эскадроновъ маіора Петора, которому приказано присоединять къ себѣ по пути всѣ маршевыя эскадроны (т. е. шедшіе на пополненіе арміи); это должно было сосредоточить въ его рукахъ до 2000 человекъ. Вслѣдъ затѣмъ, 11 сентября, высланы изъ Москвы по Можайской дорогѣ гвардейскіе драгуны, а три дня спустя выдвинута изъ Москвы верстъ на 15 дивизія Брусье, съ присоединенными къ ней итальянскими гвардейскими егерями и легкой конницей IV корпуса. Самъ Наполеонъ готовился выступить изъ Москвы съ остальными войсками по Тульской или Рязанской дорогамъ, дабы оттѣснить насъ за Оку.

Схема положенія у Тарутина.

Тѣмъ временемъ русская армія, продолжала свое фланговое движеніе. 5 сентября арьергардъ Раевского переправился черезъ рѣку Москву, уничтоживъ за собою мостъ; 6 сентября онъ былъ

на Каширской дорогѣ. 8 сентября главныя силы были на старой Калужской дорогѣ, у селенія Горокъ, а 9 сентября перешли черезъ рѣку Красную Пахру и расположились у селенія того же названія. Къ сторонѣ Москвы былъ выдѣленъ новый авангардъ Милорадовича, въ составѣ VIII пѣхотнаго и I кавалерійскаго корпусовъ; онъ продвинулся отъ Подольска прямо къ селенію Деснѣ, на старой же Калужской дорогѣ; въ то же время Раевскій былъ между Калужской и Тульской дорогами, а конница Васильчикова оставалась около Подольска. Такимъ образомъ наблюдались оба главнѣйшихъ и вѣроятнѣйшихъ пути наступленія Наполеона; позиціи же авангардовъ, прикрываемыя [рѣчкою Десной, давали возможность послѣднимъ, при достаточной ихъ силѣ, задержаться настолько, чтобы главныя силы успѣли либо во-время отступить, либо принять бой.

Извѣстіе о выступленіи значительныхъ силъ французовъ, первоначально принятое Кутузовымъ за общее движеніе всей арміи Наполеона, заставило его принять рѣшеніе отойти нѣсколько дальше отъ Москвы, что, сохраняя въ силѣ всѣ выгодныя условія прежняго расположенія, позволяло ему менѣе опасаться возможности обхода со стороны праваго своего фланга. Такая позиція, по обсужденіи положенія дѣла въ военномъ совѣтѣ, была избрана у *Тарутина*, за рѣчкою Нарою...

Цѣлыхъ двѣнадцать дней, съ 2 по 14 сентября, Наполеонъ въ Москвѣ не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о нашей арміи. Истомленная конница развѣдывала чрезвычайно медленно. Такъ, авангардъ Милорадовича двое сутокъ стоялъ у Десны, всего въ двадцати верстахъ отъ Москвы, прежде, чѣмъ объ этомъ было доставлено извѣстіе Наполеону.

Въ рукахъ Мюрата преслѣдованіе и развѣдка пошли оживленнѣе. Дойдя до Бронницъ, онъ самолично убѣдился, что здѣсь ничего серьезнаго нѣтъ; поэтому направилъ Понятовскаго къ Подольску и самъ двинулся туда со всею конницей, а Бессьеру приказалъ идти къ Деснѣ. Вотъ это то движеніе и вынудило Кутузова сперва прикрыть свой правый флангъ IV корпусомъ Остермана, вошедшаго въ соприкосновеніе съ Раевскимъ, а затѣмъ — отойти къ Тарутину.

Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.
(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Росси).

Въ Тарутино армія прибыла 20 сентября. Здѣсь уже, для ея прикрытія, достаточно было одного авангарда Милорадовича, который и расположился отъ нея въ 3 верстахъ впереди, между деревнями Глодовой и Дедней.

Въ *тактическомъ* отношеніи Тарутинская позиція, не прикрытая никакими естественными преградами, ничѣмъ не стѣснявшая наступленіе противника, и даже облегчавшая скрытый его подходъ, никакими особыми выгодами не обладала. Но зато въ отношеніи *стратегическомъ* она была чрезвычайно выгодна.

Непосредственно прикрывая старую Калужскую дорогу, она являлась центральной по отношенію къ двумъ другимъ сосѣднимъ и важнымъ путямъ, ведущимъ изъ Москвы на югъ, а именно дорогамъ новой Калужской и Тульской... Разстояніе до первой изъ нихъ равнялось одному переходу, до второй нѣсколько болѣе, и такимъ образомъ, при обнаруженіи по нимъ движенія значительныхъ силъ противника, всегда можно было успѣть перебросить навстрѣчу ему соотвѣтствующія силы. Располагаясь у Тарутина, русская армія не только надежно прикрывала Калугу, гдѣ находились обширные склады продовольствія и предметовъ снаряженія войскъ, но и Тулу съ ея оружейнымъ заводомъ, и Брянскъ съ его арсеналомъ.

Кромѣ того, Тарутинская позиція являлась *фланговою* по отношенію къ путямъ сообщенія Наполеона съ его тыломъ и притомъ серьезно угрожала имъ, такъ какъ разстояніе отъ Тарутина до Можайска, Вязьмы и другихъ ближайшихъ къ Москвѣ пунктовъ коммуникаціонной линіи Наполеона было ближе, чѣмъ отъ Москвы, гдѣ онъ самъ находился...

Вялость и беспорядочность преслѣдованія французовъ непосредственно вслѣдъ за вступленіемъ ихъ въ Москву, завиствшія отъ увлеченія достигнутою завѣтною цѣлью, которая казалась имъ увѣнчаніемъ всѣхъ понесенныхъ трудовъ и лишеній,—дали возможность Кутузову выполнить свой замыселъ безпрепятственно и во всѣхъ отношеніяхъ образцово. Проще говоря, Наполеонъ, почти на двѣ недѣли *потерялъ* нашу армію, а когда она, наконецъ, снова была найдена, то уже намѣченное положеніе было ею прочно и основательно занято.

Такимъ образомъ благодаря принятымъ Кутузовымъ искуснымъ мѣрамъ, была достигнута полная скрытность опаснаго фланговаго передвиженія арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу, и одинъ этотъ маневръ, если бы далѣе за нимъ не было ничего другого, стоитъ того, чтобы прославить имя Кутузова въ военной исторіи.

Идею его, какъ мы уже говорили, одни приписываютъ Толю, другіе Беннигсену. Но, какъ справедливо говоритъ Г. А. Лееръ— „въ чьей бы головѣ ни зародилась эта мысль,—она всецѣло принадлежитъ тому, кто принялъ на себя *ответственность за ея исполненіе*“, т. е. главнокомандующему.

Двухнедельное пребывание русской армии в Тарутинь. Укомплектование и перемтны в организаци. Начало партизанских дѣйствій. Денисъ Васильевичъ Давыдовъ — первый русскій партизанъ. Характеристика партизанскихъ отрядовъ, ихъ составъ и образъ дѣйствій. Подвиги партизановъ. Образецъ серьезнаго по значенію партизанскаго предпріятія: захватъ Дороховымъ Вереи.

вухнедельное пребываніе нашей армии в Тарутинскомъ лагерѣ, въ противоположность стоянкѣ французовъ въ Москвѣ, крайне благопріятно отразилось на физическихъ силахъ и духовно-нравственномъ состояніи нашихъ войскъ.

Армія отдохнула и оправилась послѣ пержитыхъ тягостныхъ испытаній: кроваваго Бородинскаго побоища и тяжелой искупительной жертвы оставленія Москвы.

Пользуясь выгодами своего расположенія и бездѣйствіемъ Наполеона, Кутузовъ принялъ дѣятельныя мѣры по укомплектованію и реорганизациі армии. Формированіе резервовъ шло весьма

быстро; они образовывались по губернскимъ городамъ, главнымъ образомъ восточнѣе и южнѣе Москвы. Отъ казачьихъ войскъ выслано было не малое число полковъ, изъ которыхъ донскіе уже подходили къ арміи. Ополченія дѣятельно формировались и готовились во всѣхъ окружающихъ Москву губерніяхъ и сплошнымъ кольцомъ охватывали постепенно первопрестольную столицу (*). Въ результатѣ, къ началу октября, армія наша въ Тарутинѣ насчитывала свыше 97 тысячъ человѣкъ, не считая казаковъ и ополченцевъ, тогда какъ вступила она въ Тарутинскій лагерь въ составѣ всего $86\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ болѣе 25 тысячъ составляли ратники и мало обученные рекруты.

Благодѣтельное для арміи пребываніе въ Тарутинскомъ лагерѣ Кутузовъ считалъ полезнымъ продолжить какъ можно долѣе. Прозорливый фельдмаршалъ понималъ, что съ каждымъ днемъ пребыванія арміи въ Тарутинѣ, она усиливалась, ободрялась и укрѣплялась, тогда какъ, наоборотъ, каждый лишній день пребыванія Наполеоновской арміи въ Москвѣ, какъ червь, подтачивалъ ея силы, ея духъ, ея боеспособность... Впослѣдствіи онъ объяснялъ свои соображенія слѣдующимъ образомъ: „Мнѣ было нужно оставаться на мѣстѣ для преобразования арміи и для того, чтобы не „слишкомъ возбудить опасенія Наполеона. Эта позиція имѣла свои „выгоды. Къ тому же я былъ почти увѣренъ, что онъ не отважится атаковать ее... Каждый день, проведенный нами на этой „позиціи, былъ дорогъ для меня и для нашей арміи, и мы воспользовались временемъ“...

Преобразование арміи, о которомъ говоритъ здѣсь главнокомандующій, заключалось между прочимъ, въ измѣненіи ея организациі. Существованіе раздѣленія армій на двѣ, первую и вторую, утратило значеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ выбылъ изъ строя князь Багратіонъ, скончавшійся отъ раны. Къ тому же самая армія, бывшая подъ его начальствомъ, подъ Бородинымъ почти растаяла; поступили, въ качествѣ подкрѣпленій, совершенно новыя части, не вошедшія въ составъ ни той, ни другой арміи. Всѣ эти обстоятельства побудили Кутузова соединить обѣ арміи въ одну, но все-таки, въ видахъ удобства управленія, изъ корпусовъ составлены были двѣ группы. Большая (пять пѣхот-

(*) Объ этомъ подробнѣе сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Генераль-лейтенантъ
Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

ныхъ корпусовъ и два кавалерійскихъ) ввѣрена была Барклаю-де-Толли (котораго, за отъѣздомъ его по болѣзни въ отпускъ, скоро смѣнилъ вызванный изъ 3-й арміи Тормасовъ), меньшая (два пѣхотныхъ корпуса и двѣ кирасирскихъ дивизіи), подъ названіемъ „резерва арміи“, ввѣрена была Милорадовичу.

Кутузовъ, конечно, прекрасно понималъ, что, при всѣхъ выгодахъ пребыванія арміи въ Тарутинскомъ лагерѣ, полная бездѣятельность могла бы отразиться неблагоприятно, какъ на ея духѣ, такъ и на настроеніи всего населенія, и потому въ широкой степени воспользовался дѣйствіями *партизановъ*, тѣмъ болѣе, что дѣйствія эти съ самаго начала сопровождались неизмѣннымъ успѣхомъ. Работа партизановъ, въ то же время, послужила толчкомъ и поощреніемъ широкому развитію народной войны, такъ что въ скоромъ времени партизанскіе отряды и народныя партіи стали дружно работать рука объ руку и, окруживъ французовъ въ Москвѣ на подобіе пчелинаго роя, неустанно производили свои уколы, которые, въ общей сложности, могли быть для непріятели смертельными.

Начало партизанской войны въ 1812 г. положилъ подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка *Денисъ Васильевичъ Давыдовъ*.

Еще во время движенія нашихъ армій отъ Гжатска къ Бородину Давыдовъ обратился къ лично его знавшему князю Багратиону съ письмомъ, въ которомъ просилъ разрѣшенія представиться ему для объясненія своихъ намѣреній. Принятый лично Багратиономъ 21 августа, Давыдовъ объяснилъ ему свои соображенія относительно преимуществъ, которыя можно пріобрѣсти, дѣйствуя мелкими отрядами въ тылъ непріятелю и опираясь при этомъ на сочувствующее намъ населеніе. Когда доложили объ этомъ Кутузову, то первоначально главнокомандующій отнесся съ сомнѣніемъ къ этому предложенію, считая, что такой отрядъ посылается на вѣрную гибель. Давыдову дали, скрѣпя сердце, 50 гусаръ и 80 казаковъ, при чемъ большинство начальствующихъ лицъ, либо подшучивало надъ его затѣей, либо выражало ему свое соболѣзнованіе.

Послѣ Бородинской битвы, въ которой онъ принялъ участіе въ составѣ своего полка, Давыдовъ со своимъ маленькимъ отрядомъ отдѣлился отъ арміи и скрытно двинулся въ Гжатскій уѣздъ, въ тылъ противнику. Будучи самъ мѣстнымъ уроженцемъ, онъ

отлично зналъ всѣ малѣйшія дороги и тропинки, что, разумѣется, облегчало ему выполненіе принятой на себя задачи. Прослѣдивъ у Царева-Займища непріятельскій транспортъ изъ 30 повозокъ, съ пѣхотнымъ прикрытіемъ въ 215 человекъ, Давыдовъ неожиданно налетѣлъ на него, истребилъ большую часть прикрытія, забравъ всѣ повозки и около 100 человекъ плѣнныхъ. Вслѣдъ затѣмъ Давыдовъ забралъ другой небольшой обозъ, брошенный прикрытіемъ.

Это и было то первое нападеніе нашихъ партизановъ, извѣстіе о которомъ такъ всполошило Наполеона и заставило его принять цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ.

Успѣхи Давыдова дали Кутузову, сперва недовѣрчиво къ этому относившемуся, мысль воспользоваться партизанами въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ охотникахъ недостатка не было. Достаточно сказать, что уже ко времени достиженія нашей арміей Тарутинской позиціи, т. е. къ 22 сентября, партизанскіе отряды окружали Москву плотнымъ кольцомъ.

Давыдовъ дѣйствовалъ между Можайскомъ и Вязьмою. Полковникъ *князь Вадбольскій*—съ Мариупольскимъ гусарскимъ полкомъ и нѣсколькими казачьими сотнями—дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Можайска. Поручикъ *фонъ-Визинъ*, съ партией казаковъ, держался на Боровской дорогѣ; капитанъ *Сеславинъ*—между Боровскомъ и Москвою на той же дорогѣ. Артиллерійскій капитанъ *Фигнеръ*, самый безстрашный изъ партизановъ, имѣя небольшую команду изъ Ахтырскихъ гусаръ, Польскихъ и Литовскихъ уланъ, Харьковскихъ драгунъ и казаковъ, находился все время въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы. На Серпуховской дорогѣ дѣйствовалъ полковникъ князь *Нудашевъ*, съ двумя казачьими полками; близъ Вереи держался ген.-м. *Дороховъ*; на Рязанской дорогѣ такъ и остался со своими казаками полковникъ *Ефремовъ*. Всѣ поименованные отряды образовали дугу, которая охватывала Москву съ юга и юго-запада, между Вязьмою и Бронницами.

По сѣверную сторону столицы ядромъ партизанскихъ партій являлся уже упомянутый отрядъ генераль-адъютанта *Винцингероде*, находящійся у Клина; отъ него были высланы партизаны: флигель-адъютантъ полковникъ *Беннендорфъ* съ лейбъ-казаками—къ Волоколамску; маіоръ *Прендель*—съ двумя сотнями казаковъ—

**Генераль-лейтенантъ
Князь Вальдольскій.**

къ Рузѣ, и подполковникъ *Чернозубовъ* съ казачьимъ полкомъ— въ окрестности Можайска, входя въ связь съ отрядомъ *Давыдова*. Эти отряды окаймляли Москву съ сѣверо-запада, при чемъ особая партія, маіора *Фиглева*, продвинута была съ этой стороны ближе къ Москвѣ, въ окрестности Воскресенска. Съ сѣверо-восточной и восточной стороны Москвы всѣ пути (на Дмитровъ, Ярославль, Владиміръ) наблюдались казачьими партіями.

Опорою для южныхъ партизанскихъ отрядовъ являлась Тарутинская позиція; для сѣверныхъ же—Клинь, гдѣ находился отрядъ Винцингероде. Въ этихъ мѣстахъ сдавали партизаны захваченную добычу и плѣнныхъ; тамъ же они получали подкрѣпленія, необходимыя указанія и наставленія, пополняли оружіе и боевые припасы и т. п.

Перехвативъ всѣ дороги, звѣздою расходящіяся изъ Москвы, партизаны производили непрерывные набѣги и нечаянныя нападенія, при чемъ жертвою этихъ налетовъ являлись непріятельскіе транспорты, почта, курьеры, отдѣльные разъѣзды и т. д. Тѣ транспорты, которые не удавалось захватить, уничтожались и, въ результатъ, притокъ жизненныхъ припасовъ къ уже истощенной Москвѣ былъ прегражденъ. Въ плѣнъ захватывались не только отдѣльные люди, но и цѣлые непріятельскіе отряды.

Такой образъ дѣйствій нашихъ партизановъ поселилъ во французской арміи прямо-таки панической страхъ.

Предоставленные всецѣло самимъ себѣ, дѣйствующіе исключительно на свой рискъ и страхъ, партизанскіе отряды должны были усвоить себѣ особый характеръ дѣйствій, въ основаніе котораго ложилось соединеніе самой безумной рѣшительности и смѣлости съ крайней предусмотрительностью и осторожностью. Партизанъ долженъ былъ быть неуловимымъ, и потому *внезапность*, сочетающаяся изъ быстроты и скрытности, являлась для него главнымъ основаніемъ успѣха. Движеніе производилось, по ббльшей части, по ночамъ, избѣгая главныхъ дорогъ и, наоборотъ, избирая едва замѣтныя тропинки. На отдыхъ располагались въ мѣстахъ укрытыхъ, въ оврагахъ или лѣсахъ, не выставляя для своего охраненія передовыхъ постовъ. Кромѣ начальника никто обыкновенно, до послѣдней минуты, не зналъ цѣли и назначенія отряда, чѣмъ *внезапность* обезпечивалась въ наилучшей степени.

*

Однимъ изъ главныхъ основаній успѣха дѣятельности партизановъ, было, разумѣется, *сочувствіе населенія*. Выражалось оно не только въ содѣйствіи матеріальнымъ нуждамъ партизанскихъ отрядовъ, которые, по самымъ условіямъ своихъ дѣйствій, не могли имѣть при себѣ никакихъ обозовъ и, въ отношеніи продовольственномъ, всецѣло зависѣли отъ того, что доставятъ имъ мѣстные жители. Помощь населенія проявлялась также весьма обширно въ указаніи путей и въ доставленіи свѣдѣній о противникѣ. Мѣстные крестьяне съ полною охотой и вполнѣ добровольно служили партизанамъ проводниками и часто даже отдѣльными людьми и цѣлыми группами присоединялись къ партизанскимъ отрядамъ, служа имъ цѣнными помощниками, на подобіе такъ художественно изображеннаго въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Л. Н. Толстого Тихона Цербатаго. Можно съ полной увѣренностью сказать, чтъ въ чужой странѣ и при враждебномъ отношеніи населенія партизанская война крайне затруднительна, если не совершенно невозможна.

Изъ всего сказаннаго также очевидно, до какой степени важное значеніе въ партизанскомъ отрядѣ играетъ его начальникъ... Если исторія конницы, какъ обыкновенно говорятъ, есть исторія ея начальниковъ, то по отношенію къ партизанскимъ дѣйствіямъ это еще болѣе вѣрно. Начальникъ партизанскаго отряда долженъ обладать въ высшей степени всѣми качествами, которыя необходимы для самостоятельнаго вождя; онъ долженъ пользоваться неограниченнымъ, слѣпымъ довѣріемъ своего отряда и жить съ нимъ душа въ душу; долженъ обладать смѣлостью, хладнокровіемъ и неустрашимостью; находчивостью, военнымъ глазомѣромъ и умѣньемъ въ критическую минуту воодушевить своихъ подчиненныхъ... Знаніе всѣхъ свойствъ и особенностей противника, а также отличное знакомство съ мѣстностью являются также необходимыми условіями...

Для характеристики требованій, предъявляемыхъ Кутузовымъ къ партизанскимъ отрядамъ, приведемъ выдержку изъ указаній, данныхъ имъ черезъ Коновницына Дорохову 11 сентября, во время перваго его большого набѣга, о которомъ сообщено ниже:

„Словесное донесеніе, вами присланное черезъ казацкаго офицера, что вы окружены неприятелемъ, нимало не потревожило „Свѣтлѣйшаго, и потому приказалъ онъ вамъ изложить предметы

Александр Самойлович Фигнеръ.

(Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ портрета Кипренскаго).

„нижеслѣдующіе: партизанъ въ сіе положеніе никогда придти не „можетъ, ибо обязанность его есть столько времени на одномъ „мѣстѣ оставаться, сколько ему нужно для накормленія людей и „лошадей. Марши долженъ дѣлать партизанъ скрытныя, по ма- „лымъ дорогамъ. Пришедши же къ какому нибудь селенію, никого „изъ онаго не выпускать, дабы не можно было дать о немъ „извѣстія. Днемъ скрываться въ лѣсахъ или неизвѣстныхъ мѣстахъ. „Словомъ сказать: партизанъ долженъ быть рѣшителенъ, быстръ, „неутомимъ“.

Изъ предводителей русскихъ партизанскихъ отрядовъ нѣкоторые особенно выдѣлились своими подвигами... Наибольшую смѣлостью, безстрашіемъ и хитростью отличался Фигнеръ, капитанъ артиллеріи. Питая жестокую ненависть къ Наполеону, онъ, въ первые дни по занятіи французами Москвы, бродилъ по городу переодѣтый и, по слухамъ, искалъ случая покончить однимъ ударомъ съ великимъ полководцемъ.

Затѣмъ, съ небольшимъ отрядомъ, образованнымъ изъ отчаянныхъ храбрецовъ, выбранныхъ самимъ Фигнеромъ изъ различныхъ частей войскъ, онъ все время держался въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы и бдительно выслѣживалъ французовъ, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы нанести имъ вредъ, истребляя продовольствіе, взрывая парки, захватывая плѣнныхъ и уничтожая мелкіе отряды. Фигнеръ неоднократно переодѣвался во французскій мундиръ и, пользуясь тѣмъ, что превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ, пробирался черезъ непріятельскіе сторожевые посты къ самымъ бивакамъ, гдѣ, выдавая себя за французскаго офицера, ввязывался въ разговоръ и вывѣдывалъ нужныя ему свѣдѣнія. Картина, описанная гр. Л. Н. Толстымъ въ IV томѣ „Войны и Мира“, такой смѣлой поѣздки Долохова съ Петей Ростовымъ къ французамъ въ точности воспроизводитъ то, что происходило Фигнеромъ и засвидѣтельствовано письмами Бискупскаго, одного изъ офицеровъ его отряда.

Наиболѣе крупныя предпріятія партизанскаго характера были выполнены генераль-маіоромъ Дороховымъ, особый летучій отрядъ котораго, въ составѣ полковъ Елизаветградскаго гусарскаго, лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго и трехъ казачьихъ, съ полу-

ротой конной артиллеріи, произвелъ между 9 и 14 сентября набѣгъ на Смоленскую дорогу, при чемъ истребилъ большой паркъ артиллеріи и захватилъ много плѣнныхъ.

9 сентября, въ 5 часовъ пополудни, Дороховъ выступилъ отъ авангарда Милорадовича, къ ночи былъ уже на Старо-Калужской дорогѣ, связавшись летучей почтой съ авангардомъ. Узнавъ отъ жителей и разъѣздовъ, что по Смоленской дорогѣ идетъ много обозовъ, Дороховъ на разсвѣтѣ врасплохъ налетѣлъ на опѣшившихъ французовъ, транспорты и маршевые эскадроны (шедшіе на пополненіе) которыхъ сгучились на ночлегъ въ селеніи. Въ ужасной свалкѣ и рубкѣ истреблено было множество людей и захвачено 4 офицера и около 1011 нижнихъ чиновъ плѣнными; взорвано болѣе 20 зарядныхъ ящичковъ. Ошеломленный непріятель, частью побросавъ оружіе, толпился на дорогѣ, истребляемый нашими кавалеристами, при чемъ въ атакѣ участвовало только 2 эскадрона и 2 сотни, а остальные силы Дороховъ держалъ на всякій случай сосредоточенно въ своихъ рукахъ.

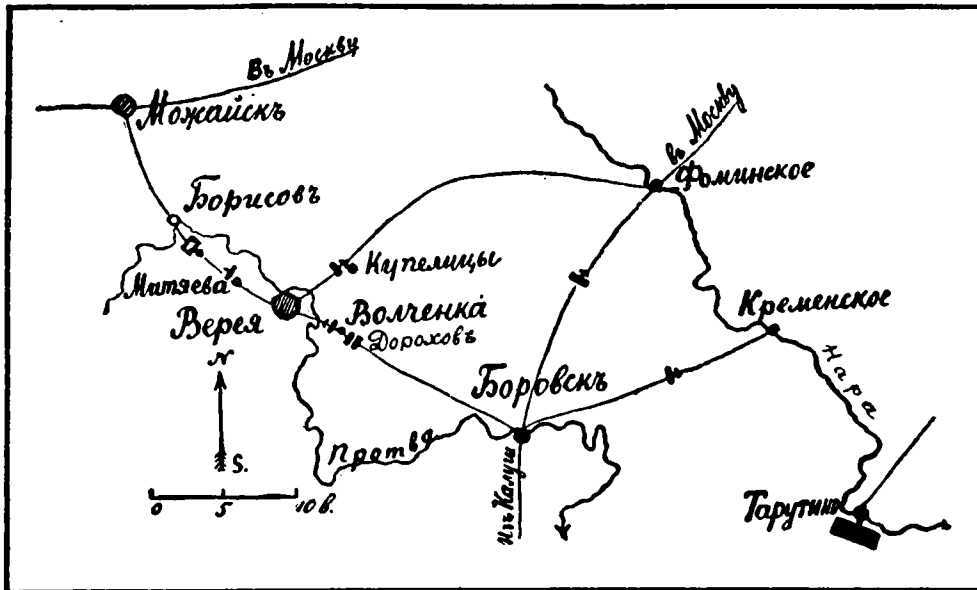
Истребивъ затѣмъ часть артиллерійскаго парка, остатки котораго, подъ прикрытіемъ батальона гвардіи, отведены были подъ укрытіе лѣса, Дороховъ долженъ былъ съ большимъ искусствомъ ускользнуть отъ спѣшившихъ на него со всѣхъ сторонъ отрядовъ противника. Укрывшись у села Брюкова, въ глухомъ мѣстѣ, между дорогами Можайской и Боровской, Дороховъ далъ роздыхъ, а затѣмъ, на обратномъ пути, смѣло атаковалъ отрядъ Марто, высланный ему наперерѣзъ и истребилъ его совершенно.

Успѣхъ этого предпріятія побудилъ Кутузова возложить на Дорохова новую задачу—захватъ Верей. Верея была, по приказанію Наполеона, укрѣплена и занята небольшимъ гарнизономъ (1 батальонъ вестфальцевъ), для того, чтобы прикрывать до нѣкоторой степени Смоленскую дорогу отъ набѣговъ нашихъ мелкихъ партизанскихъ партій. Кутузовъ сформировалъ особый отрядъ силою въ 5 батальоновъ, 4 эскадрона гусаръ, два казачьихъ полка и 8 орудій, съ присоединеніемъ еще партизанскаго отряда князя Вадбольскаго, и ввѣрилъ этотъ отрядъ Дорохову, которому приказано было идти черезъ Боровскъ къ Вереѣ, атаковать послѣднюю и, взявъ её, разрушить возведенныя тамъ французами укрѣпленія...

**Генераль-Лейтенантъ
Иванъ Семеновичъ Дороховъ.**

Схема дѣйствій Дорохова.

Дороховъ 27 сентября прибылъ въ Боровскъ, оставилъ здѣсь часть силъ для обезпеченія своей связи съ арміей, выслалъ сильныя партіи для наблюденія дорогъ на Кременское и Фоминское, а также отряды къ д. д. Купелицы и Митяевой, чтобы пересѣчь Верейскому гарнизону пути отступленія на Москву и Можайскъ и для предупрежденія о могущихъ появиться съ этой стороны подкрѣпленій.

Съ остальными силами Дороховъ пошелъ прямо къ Верею; ранцы сложилъ въ деревнѣ Волченкѣ, ночью на 28-е число перешелъ вбродъ р. Протву и еще до разсвѣта подошелъ къ городу, совершенно незамѣченный вестфальцами. Пользуясь всѣми выгодами внезапности, войска Дорохова тихо подобралась къ Верею и, бросившись прямо въ штыки, захватили врасплохъ непріятели, часть котораго, послѣ непродолжительнаго, но упornaго сопротивленія, сложила оружіе, въ числѣ 1 полковника, 13 офицеровъ и 377 нижнихъ чиновъ; кромѣ того отбито знамя. Шедшій на выручку со стороны Можайска французскій отрядъ, узнавъ о взятіи Вереи, отступилъ. Вооруженные мѣстные жители, подъ начальствомъ Верейскаго соборнаго священника о. Іоанна Ска-

бѣва, пришли на помощь Дорохову и разрушили по его указанію всѣ французскія укрѣпленія. Не имѣвшимъ еще оружія были розданы пятьсотъ ружей, отбитыхъ у вестфальцевъ, послѣ чего Дороховъ отошелъ къ селу Каменскому.

Взятіе Вереи открыло нашимъ партизанамъ выходъ на большую Смоленскую дорогу, главный коммуникаціонный путь Наполеона.

Сборъ народныхъ ополченій. Народная война. Характеръ дѣйствій народныхъ партій. Подвиги населенія въ Смоленской губерніи. Мученическая смерть помѣщиковъ Энгельгардта и Шубина. Народная война въ Московской губерніи. Попытки Наполеона привлечь русскихъ людей на свою сторону и завязать переговоры о мирѣ.

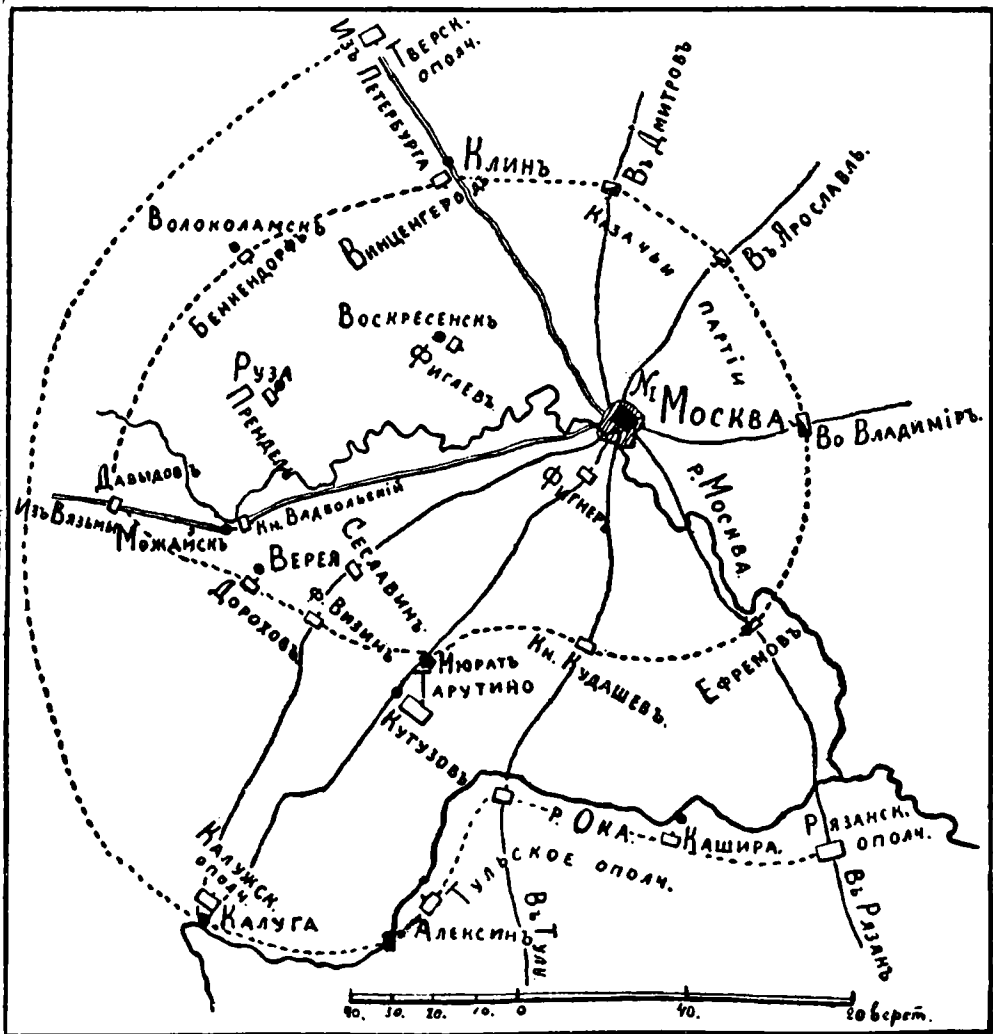
Независимо партизанскихъ отрядовъ, окружившихъ французскую армію подобно тучѣ оводовъ и неустанно жалившихъ её, въ тылу ихъ постепенно образовывалось новое, второе кольцо народныхъ дружинъ, организованныхъ ополченій, собиравшихся на мѣстахъ во исполненіе Царскаго призыва, раздавагося по всей землѣ русской еще въ іюль мѣсяцъ, какъ упомянуто было въ первой нашей книгѣ.

Изъ ополченцевъ, какъ извѣстно, было образовано три округа, при чемъ первый предназначенъ спеціально для обороны Москвы, второй—для защиты Петербурга и, наконецъ, третій—для составленія резерва.

Ратники первого округа уже вошли частью въ составъ арміи и даже участвовали въ Бородинскомъ сраженіи (ополченіе Смоленское и часть Московскаго).

Другія же ополченскія дружины, постепенно формируясь, окружили мало по малу Москву, располагаясь на соответствующихъ дорогахъ, расходящихся изъ столицы во всѣ стороны. Такъ, Тверское ополченіе располагалось на Петербургской дорогѣ, Рязанское—на Рязанской, Тульское—вдоль берега рѣки Оки отъ Алексина до Каширы, Калужское—въ Калугѣ.

Схема расположенія партизанскихъ отрядовъ и народныхъ дружинъ.

Генералъ-маіоръ кн. Кудашевъ.

Но участіе народа въ войнѣ далеко не ограничилось выставленіемъ ополченій, служившихъ какъ бы резервомъ арміи и фактически въ военныхъ дѣйствіяхъ двѣнадцатаго года прямо и непосредственно почти не участвовавшихъ, а привлеченныхъ къ нимъ преимущественно въ слѣдующемъ 1813 году. Частью подъ впечатленіемъ успѣховъ партизановъ, частью по собственному почину или по побужденію помѣщиковъ, духовенства и разнаго рода лицъ изъ своей же среды, охваченныхъ ненавистью къ врагамъ и жаждою отмщенія за раззореніе Москвы, народъ повсемѣстно возставалъ, вооружался и, окрыляемый успѣхами, все смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовалъ противъ французовъ.

Въ началѣ войны Наполеонъ настолько увѣренъ былъ въ конечномъ ея успѣхѣ, несмотря на всѣ тѣ трудности, которыя онъ все же предвидѣлъ, что не заботился совершенно о томъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе русскаго народа въ занятыхъ его войсками областяхъ. Поэтому имъ не было принято достаточно серьезныхъ мѣръ для ограниченія грабежей и своеволія, проявлявшихся все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, по мѣрѣ проникновенія непріятеля вглубь страны. Насилія и грабительства сопровождались святотатственными выходками, возмутительнымъ оскорбленіемъ святынь, что въ особенности раздражало православныхъ людей, привыкшихъ съ колыбели благоговѣйно чтить святыхъ иконы и предметы церковной утвари и облаченія...

По мѣрѣ отступленія нашихъ армій, съ тѣхъ поръ, какъ вторженіе стало захватывать мѣстности съ чисто русскимъ населеніемъ, жители очищаемыхъ нашими войсками областей прибѣгли къ исконному, древне-русскому способу раззоренія своей страны въ цѣляхъ нанесенія наибольшаго вреда непріятелю. Истребляя свое имущество, сжигая хлѣбъ на поляхъ и въ скирдахъ, а также самыя жилища, самоотверженные люди эти первоначально укрывались въ лѣсахъ, а затѣмъ, вооружившись чѣмъ попало, постепенно образовывали болѣе или менѣе крупныя партіи, которыя всячески стремились причинить тѣмъ или инымъ путемъ вредъ непріятелю. Окрыленные успѣхами партизановъ, партіи эти постепенно организовывались все сплоченнѣе и сплоченнѣе; при содѣйствіи ближайшихъ партизанскихъ отрядовъ, съ которыми приходили въ соприкосновеніе, а иногда и во взаимодействіе, они мало по малу обзавелись болѣе или менѣе приличнымъ воору-

женіемъ, изъ числа отбитаго у французовъ. Во главѣ такихъ дружинъ становились по большей части мѣстные же помѣщики, изъ числа бывшихъ военныхъ, либо—представители мѣстной администраціи или полиціи, наконецъ—даже священнослужители.

Такое участіе народа русскаго въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ началось съ первыхъ же шаговъ непріятеля въ предѣлахъ коренной русской земли—Смоленской губерніи. Жители Порѣченскаго уѣзда этой губерніи возстали съ оружіемъ въ рукахъ на защиту отечества еще прежде, чѣмъ появилось воззваніе Государя о всеобщемъ вооруженіи.

Крестьяне стали сперва перехватывать отдѣльныхъ людей—фуражировъ, шпіоновъ и мародеровъ, — которые постоянно бродили въ тылу и на флангахъ „великой арміи“. По занятіи французами Смоленска и отступленіи нашей арміи къ Москвѣ ббльшая часть Смоленской губерніи обращена была въ пустыню, устѣнную обгорѣлыми остатками жилищъ. Жители, уничтоживъ дома свои и жатву, забрали семьи свои и скоть и, естественно, перебрались въ тѣ уѣзды губерніи, которые не были заняты непріателемъ. Поэтому само собою главные города этихъ уѣздовъ, а именно Бѣлый, Сычевка, Юхновъ и Рославль сдѣлались въ Смоленской губерніи главными очагами народнаго возстанія.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ главными руководителями движенія явились дворянскій предводитель Коленовъ и городничій Адамовичъ, энергично содѣйствовавшіе образованію и вооруженію народныхъ партій. Особенно выдвинулся здѣсь отставной подполковникъ Дибичъ, который собралъ и вооружилъ отрядъ, включивъ въ него и нѣсколько дезертировъ изъ непріятельской арміи.

Въ Сычевскомъ уѣздѣ прославился въ особенности отставной маіоръ Емельяновъ, сподвижникъ Суворова. Онъ первый поднялъ сычевскихъ дворянъ и поселянъ, которые выбрали его своимъ начальникомъ. Дружину свою, первоначально вооруженную пиками, косами, вилами и топорами, онъ снабдилъ вскорѣ отобранными у непріятеля ружьями и завелъ въ ней строжайшій порядокъ и дисциплину, установивъ цѣлую систему сигналовъ для передачи своихъ распоряженій. Между сычевскими добровольцами былъ извѣстенъ также своею смѣлостью и необычайною тѣлесною силою бурмистръ села Левшина (въ 15 верстахъ отъ Сычевки).

„Не замай! -- дай подойти!“

Рис. В. В. Верещагинъ.

Многіе изъ обывателей Сычевскаго уѣзда были награждены за военные подвиги знаками отличія военнаго ордена, а горожане всѣ получили, по Высочайшему повелѣнію, по пяти рублей награды за участіе въ дѣлахъ противъ непріятели.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ предводитель дворянства Храповицкій, екатерининскій служака, образовалъ обширное ополченіе, до двухъ тысячъ человекъ, при чемъ прекрасно наладилъ у себя развѣдочную службу. На рѣкѣ Угрѣ его дружина задержала конницу французовъ, пытавшуюся проникнуть къ Калугѣ; когда же, впоследствии, въ Юхновъ прибылъ партизанскій отрядъ Дениса Давыдова, то Храповицкій оказывалъ ему полное содѣйствіе, снабжая продовольствіемъ, ведя для него развѣдку и, наконецъ, устроивъ своимъ иждивеніемъ госпиталь для призрѣнія раненыхъ и больныхъ.

Горожане Рославля сформировали конную сотню, снабженную пиками, саблями и ружьями, которой руководилъ городской голова Полозовъ и предводительствовалъ исправникъ Семичевъ, убитый въ то время, какъ онъ, со своею дружиной, преградилъ французскимъ развѣздамъ дорогу къ Брянску. Его замѣстилъ князь Тенишевъ, который на свои средства устроилъ госпиталь и переловилъ не менѣе 400 мародеровъ.

Въ Гжатскомъ уѣздѣ прославился въ качествѣ предводителя народной дружины простой рядовой—гусаръ Елизаветградскаго полка Самусь. Онъ былъ раненъ во время отступленія изъ Смоленска, остался на полѣ сраженія, гдѣ его подобралъ крестьяне сосѣдней деревни. Оправившись отъ ранъ, онъ возбудилъ все окрестное населеніе и набралъ себѣ отрядъ, численность котораго, постепенно возрастая, дошла до двухъ тысячъ человекъ. Дѣйствуя съ постоянною удачей, Самусь истребилъ не менѣе трехъ тысячъ непріятели и даже обзавелся отбитою у него пушкой. Генераль Милорадовичъ произвелъ его въ унтеръ-офицеры и выхлопоталъ его награжденіе военнымъ орденомъ.

Одними изъ первыхъ помѣщиковъ Смоленской губерніи, ставшихъ во главѣ народныхъ ополченій, были отставной подполковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ подвиговъ, французамъ удалось захватить

ихъ и привезти въ Смоленскъ. Военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, которая и была приведена въ исполненіе 15 октября надъ Энгельгардтомъ и 24-го надъ Шубинымъ.

Но предварительно каждого изъ нихъ стали уговаривать перейти на французскую службу, предлагая за измѣну повышеніе въ чинахъ. Энгельгардтъ съ презрѣніемъ отвергъ гнусное предложеніе и, сорвавъ платокъ, которымъ завязали ему глаза, самъ командовалъ стрѣлять исполнителямъ казни. Но все-таки его нарочно ранили сперва только въ ногу и продолжали уещать обѣщаніями, на которыя страдалецъ и не подумалъ поддаться; тогда дали по немъ залпъ, послѣ котораго все же пришлось его, еще дышащаго, прикончить выстрѣломъ въ високъ.

Также рѣзко отвергъ подобныя же предложенія Шубинъ, открыто выразивъ ненависть свою къ французамъ, послѣ чего палъ бездыханнымъ пронзенный пулями.

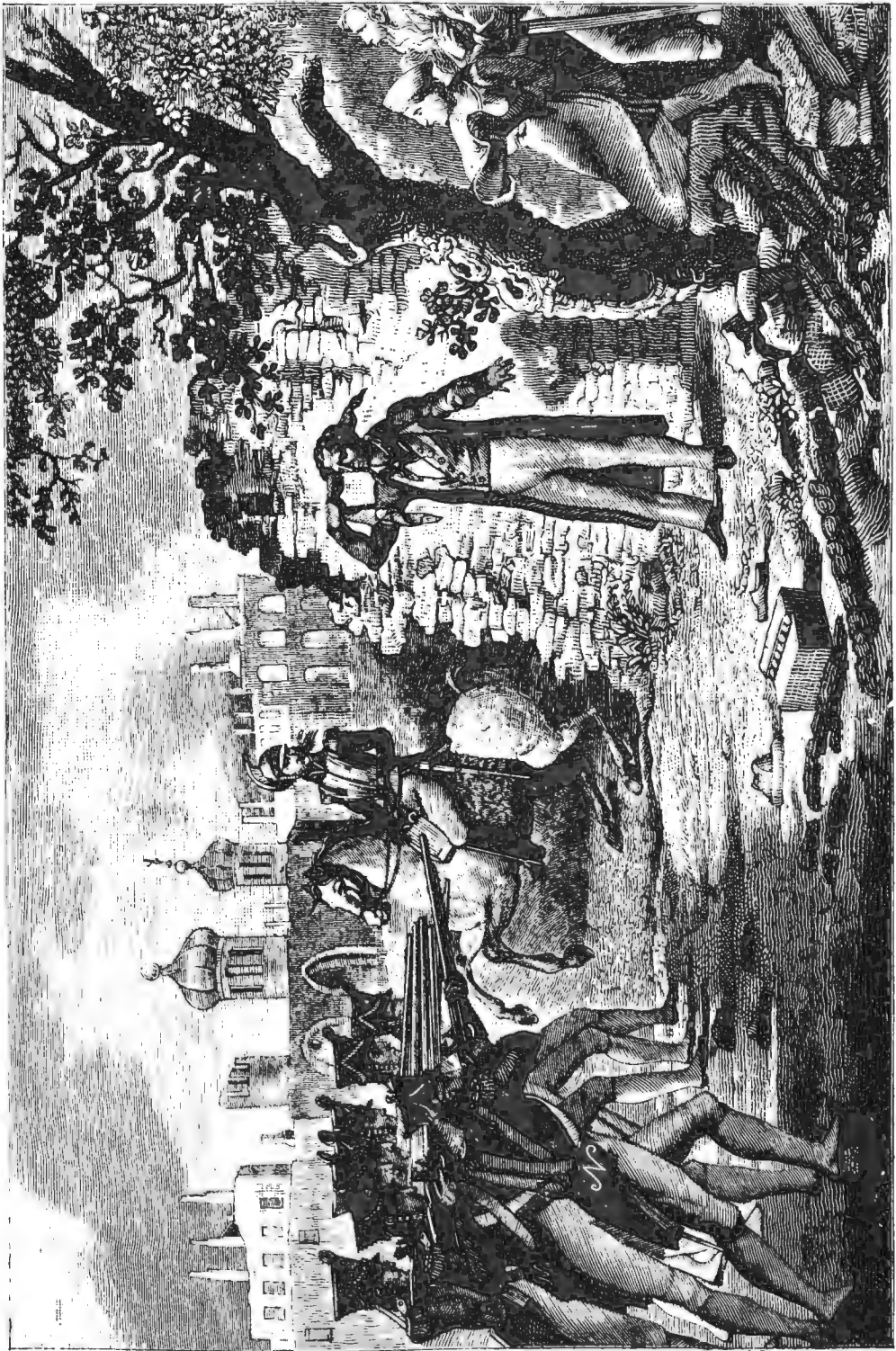
По докладѣ Императору Александру Павловичу всѣхъ обстоятельствъ геройской и мученической кончины Энгельгардта и Шубина, Государь Высочайше повелѣлъ назначить осиротѣвшимъ ихъ семействамъ значительныя пенсіи изъ государственнаго казначейства *).

Въ Московской губерніи появленіе французовъ точно также было сигналомъ къ возникновенію народнаго движенія. Здѣсь уже во главѣ дружинъ народныхъ становились не только помѣщики, служилые люди или бывшіе солдаты; сами крестьяне организовывались, и предводители выдѣлялись изъ собственной ихъ среды. Нерѣдко жители деревни или нѣсколькихъ смежныхъ деревень обязывались другъ другу взаимною клятвою — стоять крѣпко другъ за друга и истреблять нещадно французовъ. Угодливость по отношенію къ непріятелю признавалась измѣною, и такихъ людей, которые, подъ вліяніемъ страха, выказывали покорность, считали измѣнниками. Ненависть къ иноземному нашествію вселяла крайнюю подозрительность въ крестьянахъ: нерѣдко принимали своихъ офицеровъ за иностранныхъ, благодаря сходству мундировъ. Денисъ Давыдовъ въ своихъ запискахъ приводитъ

*) Брату Энгельгардта по 6000, а племяннику и племянницѣ по 3000 р. въ годъ; женѣ Шубина 9000, матери 6000 и сестрамъ по 3000 р. въ годъ.

Подвигъ Ангельгардта въ 1812 г.

Съ гравюры Ческаго, сдѣланной по рис. Иранова.

фактъ, что крестьяне близъ села Егорьевскаго (Медынскаго уѣзда) истребили шестьдесятъ казаковъ Тептярскаго полка, принявъ ихъ за непріятелей, потому только, что они нечисто говорили по-русски.

Селенія, не брошенныя жителями, были нерѣдко укрѣплены: входы баррикадировались и около нихъ выставлялись заставы, вооруженныя вилами, косами, топорами, кольями, а иногда и ружьями. Вокругъ селенія, на возвышенностяхъ располагались посты, слѣдившіе за приближеніемъ противника. Небольшія команды (напримѣръ—разѣзды) старались скрытно окружить и внезапно захватить, что и удавалось по большей части, благодаря знанію мѣстности до мельчайшихъ подробностей. Если же появлялись значительныя силы, то били въ набатъ, по которому вооруженные жители окрестныхъ селеній сходились въ заранѣ намѣченномъ сборномъ пунктѣ и, по указанію предводителя, готовились къ бою. Обыкновенно люди, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, занимали окраину селенія и встрѣчали противника огнемъ, а остальные тѣмъ временемъ старались скрытно пробраться и окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ.

Пощады по большей части не знали и враговъ подвергали истребленію, а если и захватывали плѣнниковъ, то обращеніе съ ними мягкостью не отличалось.

Мало по малу народная война все болѣе и болѣе разгоралась. Необходимость для французовъ, во время пребыванія въ Москвѣ, а также по выходѣ изъ нея, прибѣгать къ дальнимъ фуражировкамъ, особенно поощряла дѣятельность народныхъ дружинъ, такъ какъ отдалявшіяся въ сторону отъ своихъ партій непріятельскихъ фуражировъ становились въ особенности легкою для нихъ добычею. Въ концѣ концовъ все почти мужское населеніе охваченныхъ войною губерній, не исключая стариковъ и юношей, взялось за оружіе; земледѣльческія и хозяйственныя работы, а также подводная повинность, выполнялись женщинами, изъ которыхъ нѣкоторыя присоединялись къ своимъ мужьямъ и братьямъ и дѣлили съ ними славу ратныхъ подвиговъ. Исторія увѣковѣчила имя старостихи Василисы, знаменитой въ народныхъ преданіяхъ захватомъ въ плѣнъ цѣлой непріятельской партіи.

Пожаръ Москвы въ особенности разжегъ пламя народной войны. Слухи о святотатствахъ, чинимыхъ въ Московскихъ храмахъ,

которые въ устахъ народа еще преувеличивались, до крайности возбудили народную ненависть и жажду мести. По выраженію историка Отечественной войны генерала М. Богдановича (т. II, стр. 415), „вся Россія подобила огромному военному стану; „никто не заботился о своемъ имуществѣ; никто не предавался „своимъ обычнымъ занятіямъ; всѣ стремились принять какое бы „то ни было участіе въ священномъ дѣлѣ освобожденія родины: „женщины смотрѣли съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые колеба- „лись жертвовать удобствами жизни на пользу общую“.

Наполеонъ пытался привлечь населеніе на свою сторону при помощи воззваній, но безуспѣшно. Въ нихъ, между прочимъ, жители приглашались возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ; имъ обѣщались защита и обезпеченный сбытъ своихъ товаровъ по вольной цѣнѣ. Воззваніе это было отпечатано въ огромномъ числѣ экземпляровъ на русскомъ языкѣ и всѣмъ высылаемымъ на фуражировку офицерамъ было приказано распространять его въ населеніи.

Въ отвѣтъ на это наше духовенство и мѣстные власти распространяли увѣщанія, которыя читались по церквамъ и на мірскихъ сходкахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были изданы графомъ Растопчинымъ, а другія по распоряженію министерства полиціи. Воззванія Растопчина, написанныя чисто - народнымъ языкомъ, были близки сердцу населенія и, несомнѣнно, еще болѣе возбудили его патріотическое рвеніе.

* * *

Партизанскія дѣйствія и народная война наносили французамъ весьма крупный вредъ. Точное исчисленіе потерь, понесенныхъ арміей Наполеона во время пребыванія его въ Москвѣ и причиненныхъ партизанами и народными дружинами, не представляется возможнымъ; но общія ея потери за этотъ періодъ времени опредѣляются слѣдующими цифрами. Французы вступили въ Москву въ числѣ 100 тысячъ человѣкъ; за время своего пребыванія тамъ они получили подкрѣпленій около 30 тыс. человѣкъ, а выступили изъ Москвы въ числѣ 104 тысячъ человѣкъ; такимъ образомъ потеря за время мѣсячнаго съ лишнимъ *отдыха* выразилась огромною цифрою въ 26 тысячъ человѣкъ.

Въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ донесеній Кутузова упоминается, что войсками главной арміи, въ продолженіе десяти дней съ 9 по 19 сентября захвачено болѣе *пяти тысячъ плѣнныхъ*. Также и Винцингероде доносилъ, что за время съ 10 по 29 сентября, т. е. за двадцать дней, ему доставлено болѣе *полторы тысячи плѣнныхъ*. Кромѣ того, существенный вредъ причинялся непріятелю тѣмъ, что партизаны и народныя партіи не давали ему фуражировать, то есть добывать продовольствіе для арміи въ окрестностяхъ Москвы. Отряды, высылаемые съ этою цѣлью, были нещадно истребляемы, и войска Наполеона оставались въ выжженномъ и опустѣломъ городѣ безъ всякаго пропитанія.

Дѣло дошло до того, что французы въ Москвѣ стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ и даже питались мясомъ палыхъ лошадей. Соль замѣняли порохомъ; вмѣсто сала употребляли сальныя свѣчи; лошадей кормили соломою съ крышъ. Въ войскахъ развились желудочныя болѣзни, лихорадки и тифъ, но главное—упалъ совершенно духъ, и распалась дисциплина... Отсутствіе фуражныхъ средствъ и невозможность добыть ихъ вслѣдствіе дѣятельности партизановъ вызвали страшный падежъ лошадей. Дѣло дошло до того, что на фуражировки вмѣсто конницы посылали пѣхоту съ артиллеріей.

Постоянные наряды на фуражировки и для охраненія транспортовъ, при условіи вѣчной тревоги и ожиданія нападеній, а также при необходимости все болѣе и болѣе отдаляться отъ Москвы въ поискахъ за пропитаніемъ для людей и лошадей, до крайности изнурили войска. Въ результатѣ, пребываніе въ Москвѣ не только не доставило французской арміи желаннаго отдыха и успокоенія, а напротивъ того, совершенно разслабило ея силы и низвело её на степень безпорядочной толпы...

Такое положеніе вещей, конечно, не укрылось отъ проницательнаго и опытнаго взора великаго полководца. Расчетъ его на то, что съ захватомъ Москвы русскіе сами обратятся къ нему съ мирными предложеніями, не оправдывался, а намеки въ этомъ направленіи, о которыхъ мы упоминали, оставались безъ результата; наоборотъ, надвигалось что то грозное, небывалое, что то роковое...

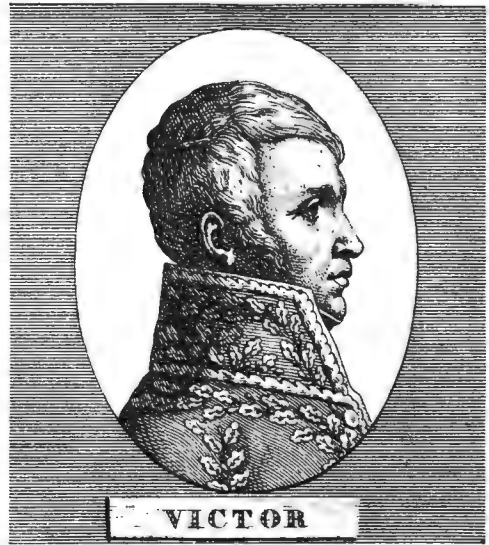
* * *

На двадцатый день пребыванія французовъ въ Москвѣ Наполеонъ рѣшился, наконецъ, самъ сдѣлать первый шагъ къ миру и сперва намѣренъ былъ войти въ непосредственныя сношенія съ Императоромъ Александромъ, но, отговоренный Коленкуромъ, рѣшилъ достигнуть той же цѣли черезъ Кутузова.

Мюрату—начальствовавшему, какъ извѣстно, авангардомъ французовъ, выдвинутымъ до соприкосновенія съ передовыми частями нашей арміи,—приказано было написать начальнику нашего авангарда письмо такого содержанія: „Императоръ, имѣя намѣреніе послать одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ къ главнокомандующему Кутузову, желаетъ знать, когда и гдѣ онъ можетъ быть принять“.

Для Кутузова, отлично знавшаго не разъ твердо высказанное Императоромъ Александромъ намѣреніе вести борьбу съ Наполеономъ до конца, не слагая оружія, „доколѣ ни единого не-пріятельскаго воина не останется“ въ предѣлахъ Россіи, что еще недавно съ новою силою подтверждено было Государемъ въ бесѣдѣ съ Мишѣ („Или онъ—или Я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“)—очевидно, не было никакихъ сомнѣній въ томъ, что подобнаго рода попытки ни къ чему рѣшительно привести не могутъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Кутузовъ, избравшій себѣ способомъ дѣйствій *постепенное истребленіе* непріятеля,—какъ самъ онъ выражался—уже оцѣнилъ всѣ выгоды для насъ отъ продолженія пребыванія въ Москвѣ французовъ. Пребываніе это только разслабляло непріятельскую армію, давая нашей время укрѣпиться; а если принять еще въ расчетъ приближеніе зимы, грозившей непривычнымъ и неприготовленнымъ къ ея холоднымъ объятіямъ французамъ новыми бѣдствіями, то желаніе Кутузова воспользоваться переговорами, чтобы усыпить вниманіе врага и продолжить его пагубное бездѣйствіе, становится вполне понятнымъ.

Первоначально Кутузовъ уклонился, однако, отъ свиданія съ посланнымъ Наполеона (это былъ генераль-адъютантъ Лористонъ), приказавъ спросить у него, съ чѣмъ онъ присланъ, и, если есть у него письмо, то взять таковое. Послѣ доклада Кутузову о томъ, что посоль имѣетъ отъ императора Наполеона порученіе лично видѣться съ русскимъ главнокомандующимъ, Кутузовъ рѣшился принять Лористона, но, для выигрыша времени, нарочно

медлилъ съ отвѣтомъ до вечера. Войскамъ нашимъ тѣмъ временемъ приказано было расположиться гораздо болѣе широко, чтобы выказаться сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности; разведено было множество большихъ костровъ; кашу варили съ мясомъ; всюду гремѣла музыка и пѣлись пѣсни. Все это должно было дать французскому посланцу картину полного довольства, достатка, духовной бодрости и силы. Распространенный среди солдатъ слухъ о предстоящемъ прибытіи посла Наполеона съ просьбою о мирѣ еще болѣе способствовалъ общему возбужденному и радостному настроенію.

Лористонъ былъ принятъ Кутузовымъ съ глазу на глазъ, но переговоры ихъ главнокомандующій немедленно донесъ Государю.

Посланный прежде всего повелъ рѣчь о размѣнѣ плѣнныхъ, на что Кутузовъ согласія не изъявилъ. Затѣмъ, перейдя къ неслыханному озлобленію, съ которымъ велась война, Лористонъ сталъ увѣрять, что разореніемъ своей страны русскіе не достигаютъ цѣли, такъ какъ французы, будто бы, имѣютъ въ Москвѣ въ изобиліи все необходимое; онъ просилъ Кутузова принять мѣры къ прекращенію жестокостей, чинимыхъ жителями надъ попадающимися имъ въ руки французами, и придать войнѣ характеръ, общій всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ. Кутузовъ отвѣчалъ на это, что „если бы даже онъ и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ бы успѣть въ этомъ, потому что „русскіе считаютъ эту войну вторымъ нашествіемъ татаръ и что „онъ не въ состояніи перемѣнить образъ мыслей цѣлаго народа“.

Наконецъ, Лористонъ перешелъ къ главной цѣли своего посѣщенія. „Дружба, существовавшая между вашимъ Государемъ и „Императоромъ Наполеономъ (началь онъ говорить), расторглась „несчастливымъ образомъ, по обстоятельствамъ постороннимъ, и „теперь удобный случай возстановить её. Эта необычная, неслыханная война—неужели должна продолжаться вѣчно? Государь „мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между „двумя великими народами и положить его навсегда“.

Кутузовъ сослался на то, что не имѣетъ никакого наставленія „на этотъ случай“ и что „при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто“. Поэтому, Кутузовъ категорически отказался содѣйствовать мирнымъ переговорамъ, добавивъ слѣдующія знаменательныя слова: „je serais maudit par

*

„la postérité, si on me regardait comme le premier moteur d'un „accommodement quelconque, car tel est l'esprit actuel de ma nation“ „(я подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы меня счи- „тали первымъ, подавшимъ поводъ къ какому бы то ни было „примиренію, ибо таковъ въ настоящее время образъ мыслей „моего народа)“.

Тѣмъ не менѣе Лористонъ вручилъ все-таки Кутузову письмо къ нему отъ Наполеона, слѣдующаго содержанія:

„Посылаю къ Вамъ одного изъ моихъ генераль-адъютантовъ, „для переговоровъ съ Вами о многихъ важныхъ предметахъ. „Прошу Вашу Свѣтлость вѣрить словамъ его, особенно, когда „онъ станетъ выражать Вамъ чувства уваженія и особеннаго „вниманія, издавна мною къ Вамъ питаемая. За симъ молю „Бога о сохраненіи Васъ подъ святымъ Своимъ кровомъ. Москва, „3 октября 1812 года“.

Дабы выждать время и возможно долѣе удержать францу- зовъ въ бездѣйствіи въ Москвѣ, хитрый Кутузовъ притворился, что сдался въ концѣ концовъ на просьбы Лористона и согласился довести до свѣдѣнія Государя о намѣреніи Наполеона послать его для переговоровъ въ Петербургъ. Кутузовъ, однако, наотрѣзъ отказалъ въ заключеніи перемирія, предлагаемаго Лористонемъ въ ожиданіи отвѣта, и не допустилъ его поѣздки въ Петербургъ лично, на что онъ усердно напрашивался, якобы для ускоренія дѣла.

Въ Петербургѣ не поняли тайнаго намѣренія Кутузова, какъ вообще не понимали его плана веденія борьбы съ Наполеономъ путемъ постепеннаго ослабленія и изнуренія его силъ; поэтому донесеніе Свѣтлѣйшаго о свиданіи съ Лористонемъ было принято съ неудовольствіемъ Императоромъ Александромъ, которое и выражено было въ нижеслѣдующемъ рескриптѣ.

„Князь Михаилъ Илларионовичъ! Изъ донесенія вашего, съ „княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился Я о бывшемъ „свиданіи вашемъ съ французскимъ генераль-адъютантомъ Лори- „стономъ.

„При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ „арміямъ, изъ личныхъ Моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ „твердое и настоящее желаніе Мое устраняться отъ всякихъ „переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріателемъ.

Генералъ - отъ - кавалеріи Балашевъ.

(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ).

„Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою же рѣшимостію повторить вамъ: дабы сіе принятое Мною правило „было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами „соблюдается.

„Равнымъ образомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ, „что генераль Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ королемъ Неаполитанскимъ и еще безъ всякой побудительной къ тому причины.

„Поставляя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую „отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій, а кольми паче „подобныхъ переговоровъ съ непріателемъ, стараясь всемѣрно „оныхъ избѣгать“.

„Всѣ свѣдѣнія отъ Меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія Мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя и однимъ „словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой Моей рѣшимости, что въ „настоящее время никакія предложенія непріателя не побудятъ „Меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: „отомстить за оскорбленное отечество. Пребываю вамъ всегда „благосклонный“

„АЛЕКСАНДРЪ“

С.-Петербургъ, октября 9 дня 1812 г.

Приведенный рескриптъ, хотя и былъ непріатень Кутузову, но въ немъ лишній разъ выразилось твердое и непоколебимое рѣшеніе Императора Александра вести борьбу до конца. Кутузовъ, въ сущности, стремился къ тому же, но разница, и притомъ весьма существенная, была въ томъ, что фельдмаршалъ думалъ *только* объ избавленіи Россіи отъ вражескаго нашествія; Императоръ же Александръ велъ, кромѣ того, борьбу съ *Наполеономъ лично* („Или онъ—или Я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ“).

Кутузовъ, видя еще по послѣдствіямъ Бородина, какой огромный рискъ заключается для насъ въ рѣшеніи вопроса помощью „генеральнаго“ боя, и оцѣнивъ успѣшность той постепенной разрушительной работы, которую одновременно совершали надъ французской арміей: истощеніе отъ недостатка средствъ, распадѣніе дисциплины, болѣзни и дружная работа партизановъ и народныхъ дружинъ, избралъ себѣ девизомъ „*терпѣніе*“ и „*время*“... Всякое средство, по его мнѣнію, было пригодно для того,

чтобы усыпить вниманіе врага, продолжить его бездѣятельность, затянуть пагубное для него пребываніе въ Москвѣ и вынудить его начать отступление въ періодъ зимнихъ холодовъ. Вотъ почему онъ искусно использовалъ въ своихъ интересахъ попытки Наполеона завязать мирные переговоры, что впоследствии было оцѣнено по всей справедливости.

Въ свою очередь Наполеонъ, рассчитывая добиться отъ насъ мира, сдѣлалъ рядъ такихъ распоряженій, которыя могли заставить думать, что онъ намѣренъ долго оставаться въ Москвѣ. Такъ, онъ началъ вооружать Кремль; войскамъ приказалъ запастись продовольствіемъ на шесть мѣсяцевъ, что, разумѣется было невыполнимо. Уловки эти, однако не повліяли нисколько на рѣшимость Императора Александра; но въ войскахъ самого Наполеона произвели неблагопріятное впечатлѣніе, такъ какъ надежда на скорое возвращеніе на родину изъ негостепріимной Россіи ослаблялась.

Чтобы устранить это впечатлѣніе Наполеонъ приступилъ, тотчасъ же послѣ свиданія Лористона съ Кутузовымъ, къ мѣрамъ на случай отступленія изъ Москвы.

Маршалу Виктору было приказано расположить свой корпусъ между Смоленскомъ и Оршею, служа резервомъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Волыни и на Двинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ опорой „великой арміи“, которой онъ долженъ былъ двинуться навстрѣчу. Ему же поручалось заготовить въ Литвѣ и Бѣлоруссіи провіантъ и фуражъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы обезпечить свой корпусъ мѣсячнымъ запасомъ и, сверхъ того, установить постоянный притокъ продовольствія къ арміи. Для обезпеченія пути своего отступленія, Наполеонъ, кромѣ уже выдѣленнаго къ Можайску корпуса Жюно и отрядовъ между Можайскомъ и Москвою, приказалъ нарядить значительныя части къ Гжатску, Вязьмѣ и Дорогобужу, для чего Смоленскому коменданту, генералу Бараге д'Илье, предписано было выдѣлить изъ числа слѣдовавшихъ къ арміи маршевыхъ частей—двѣнадцать батальоновъ. Артиллерійскіе парки и обозы, слѣдовавшіе къ арміи, велѣно было конвоировать не сборными командами, а цѣлыми батальонами или ротами. Точно также приняты были энергичныя мѣры по очисткѣ всѣхъ временныхъ госпиталей, образованныхъ вдоль Смоленской дороги

Александр Семенович Шишковъ.

въ Можайскѣ, Рузѣ, Колоцкомъ монастырѣ и Гжатскѣ, и вывозѣ изъ нихъ раненыхъ на собранныхъ съ населенія обывательскихъ подводахъ поглубже въ тылъ.

Маршалу Жюно, оставшемуся съ своимъ корпусомъ, какъ извѣстно, въ Можайскѣ, предписано было направлять всѣ прибывающіе къ нему маршевые батальоны и эскадроны къ Вереѣ; туда же передвинуты оставленная въ Можайскѣ артиллерія гвардіи и части армейскихъ корпусовъ. Войска VIII корпуса Жюно получили приказаніе, истребивъ въ Можайскѣ и Колоцкомъ монастырѣ всѣ ружья и боевые припасы которыхъ нельзя было увезти съ собою, изготовиться къ немедленному выступленію въ Вязьму. Въ свою очередь генераль Тестъ, начальствовавшій французскими войсками въ этомъ послѣднемъ городѣ, получилъ приказаніе выслать сильный отрядъ изъ трехъ рядовъ войскъ для того, чтобы черезъ Юхновъ войти въ связь съ арміей и учредить рядъ укрѣпленныхъ и снабженныхъ гарнизонами этапныхъ пунктовъ между Юхновымъ и Вязьмою.

Такимъ образомъ, Наполеонъ заранѣе подготовлялъ себѣ возможность отойти на Смоленскъ не по старой, разоренной Можайской дорогѣ, а по новому, болѣе южному, нетронутому направленію черезъ Юхновъ и Вязьму.

Покаместъ Наполеонъ готовился къ выступленію изъ развалинъ опустошенной Москвы, наши партизаны ни на одинъ день не прерывали своей пагубной для французовъ дѣятельности. Между прочимъ, почти одновременно съ выходомъ Наполеона изъ Москвы, партизанъ подполковникъ Давыдовъ совершилъ новый блестящій подвигъ въ окрестностяхъ Вязьмы...

Въ ночь съ 7 по 8 октября Давыдовъ получилъ отъ своихъ развѣдчиковъ свѣдѣніе о прибытіи изъ Москвы въ Вязьму огромнаго транспорта, подъ прикрытіемъ трехъ полковъ, изъ которыхъ два кавалерійскихъ, конскій составъ которыхъ находился въ очень плохомъ состояніи.

Несмотря на сравнительную слабость своего отряда, Давыдовъ рѣшился совершить на транспортъ нападеніе, какъ только послѣдній выступитъ изъ Вязьмы.

Расположившись между Вязмою и Семлевымъ, онъ разбилъ свой отрядъ на 3 партіи, изъ коихъ первая (казаки, 13-го Донского полка) ударила близъ самой Вязьмы въ хвостъ колонны и разсѣяла бывшую тутъ часть прикрытія; вторая (казаки Бугскаго полка ротмистра Чеченскаго) напала на средину колонны и загнавъ въ лѣсъ бывшую здѣсь часть прикрытія, совершенно ее истребила; наконецъ, третья партія (гусары), у Семлева обрушилась на голову колонны и захватила въ плѣнъ почти всѣ повозки и ббольшую часть прикрытія. Всего отбито 40 большихъ фуръ съ продовольстіемъ, освобождено 66 русскихъ плѣнныхъ, часть которыхъ вошла въ составъ отряда Давыдова. Въ плѣнъ взято до 500 человекъ, а убито 375 человекъ, при чемъ у насъ убито всего четверо и ранено 38 нижнихъ чиновъ.

Мѣры, принятыя въ отношеніи ополченія. Дѣятельность по сбору ополченій въ 1-мъ (Московскомъ), 2-мъ (Петербургскомъ) и 3-мъ (Казанскомъ) округахъ. Числительность ополченныхъ силъ и пожертвованій, сдѣланныхъ шестнадцатью губерніями. Участіе прочихъ русскихъ губерній въ защитѣ государства.

Мѣры Наполеона по устройству управленія занятаго имъ края. Попытки формированія войскъ въ Литвѣ.

тобы въ полной мѣрѣ имѣть возможность какъ должно оцѣнить участіе русскаго народа въ защитѣ государства въ славную годину Отечественной войны, необходимо привести данныя объ исполненіи того призыва къ поголовному вооруженію, который, какъ намъ извѣстно, сдѣланъ былъ Императоромъ Александромъ еще въ началѣ іюля мѣсяца, а затѣмъ облекся въ распоряженіе по созыву и формированію ополченія.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, Государь, убѣдившись въ полной готовности всѣхъ классовъ населенія къ самопожертвованію на благо отечества, призналъ вполне достаточнымъ

ограничить земскія вооруженія шестнадцатью губерніями (поименованными нами въ своемъ мѣстѣ), раздѣливъ ихъ на 3 округа: Московскій, Петербургскій и Казанскій.

Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 31 іюля было затѣмъ постановлено учредить при Государѣ особый комитетъ „для сосредоточенія и совокупнаго соображенія всѣхъ дѣлъ, до вновь образуемаго внутренняго ополченія относящихся“.

Въ составъ этого комитета вошли: генераль-отъ-артиллеріи Аракчеевъ, министръ полиціи генераль-лейтенантъ Балашовъ и государственный секретарь вице-адмиралъ Шишковъ.

Высочайшій манифестъ 6 іюля о всеобщемъ ополченіи (см. т. I) былъ, по распоряженію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, обнародованъ чтеніемъ во всѣхъ церквахъ, и сверхъ того особое воззваніе самого Синода, призывавшее всѣ сословія именемъ Божиимъ на защиту церкви православной, Государя и отечества. Въ то же время Синодъ постановилъ пожертвовать полтора миліона на Петербургское и Московское ополченія изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи въ церквахъ свѣчей; призвать къ жертвованіямъ духовенство и прихожанъ и, наконецъ, разрѣшить церковнослужителямъ и ученикамъ семинаріи поступать въ ополченіе, снабжая ихъ за счетъ церкви одеждою.

Вышеупомянутый, состоящій при Особѣ Государя, комитетъ по дѣламъ ополченія объявилъ, между прочимъ, слѣдующія свои постановленія, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія.

Во-первыхъ, всѣ жертвуемая на ополченіе денежныя суммы должны были составлять особый запасный капиталъ, который, безъ Высочайшаго разрѣшенія, ни на какіе предметы нельзя было расходовать. Продовольствіемъ надлежало ратниковъ обезпечивать только на три мѣсяца; все же сверхъ того поставленное количество продовольствія засчитывать взамѣнъ подушной подати. Губернаторамъ тѣхъ губерній, которыя не вошли въ составъ ополченныхъ округовъ, предоставлено было предложить и своимъ дворянамъ поступать, по желанію, на службу въ ополченіе другихъ губерній. Всѣмъ чиновникамъ, обвиняемымъ въ маловажныхъ преступленіяхъ по службѣ разрѣшено было поступать въ ополченіе, дабы имѣть случай загладить свою вину, даже если слѣдствіе по

**Генераль-лейтенантъ
Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.**

ихъ дѣламъ и не окончилось. При опредѣленіи въ ополченіе гражданскіе чины переименовывались въ военные, но рангомъ ниже.

Въ 1-мъ, Московскомъ округѣ, тотчасъ же по обнародованіи манифеста 6 іюля, было учреждено два комитета—одинъ для пріема, вооруженія и продовольствованія людей, а другой—для сбора и распредѣленія пожертвованій деньгами, оружіемъ и продовольствіемъ.

Еще во время пребыванія Государя въ Москвѣ *Московское* дворянство постановило выставить по одному ратнику съ каждыя десяти ревизскихъ душъ. Къ половинѣ августа съ одной Московской губерніи было собрано свыше 25.000 ополченія. Ополченіе это сформировало полки: пѣшіе егерскіе, пѣшіе казачьи и конные казачьи. Каждый изъ конныхъ казачьихъ полковъ состоялъ изъ десяти сотенъ; пѣшіе же полки, какъ казачьи, такъ и егерскіе, состояли изъ четырехъ батальоновъ каждый, при чемъ въ батальонѣ было по 4 сотни.

Составъ коннаго казачьяго ополченнаго полка: командиръ полка, 10 сотенныхъ командировъ, 24 оберъ-офицера, 120 урядниковъ, 1.200 казаковъ.

Составъ пѣшаго егерскаго (или казачьяго) полка: командиръ полка, 4 батальонныхъ командира, 41 оберъ-офицеръ, 176 урядниковъ, 2.400 егерей.

Полки, батальоны и сотни были занумерованы, полковые командиры, избираемые изъ генераловъ и штабъ-офицеровъ дѣйствительной службы, утверждались въ своихъ должностяхъ Высочайшею властью; батальонные командиры—начальникомъ всего ополченія округа, а прочіе офицеры—полковыми командирами.

Въ теченіе августа мѣсяца изъ собранныхъ людей было сформировано и отправлено по назначенію двѣнадцать полковъ: одинъ конный казачій, три егерскихъ и восемь пѣшихъ казачьихъ. Кромѣ пожертвованнаго частными лицами оружія въ каждый полкъ было отпущено изъ арсенала по 500 ружей и по 60 патроновъ на cadaго ратника.

Начальникомъ Московскаго ополченія былъ назначенъ генераль-лейтенантъ графъ Марковъ.

Сверхъ вышеупомянутыхъ двѣнадцати полковъ губернскаго ополченія, четыре наиболѣе богатыхъ помѣщика Московской губерніи вызвались сформировать на свой счетъ по полку: графы Дмитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ—конные, а Демидовъ и князь Гагаринъ — пѣшіе.

Полкъ Дмитріева-Мамонова былъ сформированъ пяти-эскадронный, на подобіе уланскаго; онъ включенъ былъ въ составъ резервной арміи, участвовалъ въ заграничномъ походѣ 1813—1814—1815 годовъ и въ 1815 году расформированъ.

Графъ Салтыковъ началъ формировать свой десяти-эскадронный полкъ, подъ названіемъ Московскаго гусарскаго, въ самой Москвѣ; потомъ формированіе продолжалось въ Казани, а по смерти графа Салтыкова онъ былъ присоединенъ къ Иркутскому гусарскому полку.

Формированіе прочихъ двухъ полковъ не состоялось вовсе.

Нижніе чины Московскаго ополченія были обмундированы въ кафтаны русскаго покроя изъ сѣраго крестьянскаго сукна, рубахи-косоворотки, сапоги и фуражки. Кафтаны строились широкіе, чтобы подъ нихъ можно было поддѣвать полушубки.

На фуражкахъ были мѣдные кресты съ вензелемъ Государя и надписью: „За Вѣру и Царя“.

Полковые ополченные командиры жалованья не получали; батальоннымъ только недостаточнымъ выдавалось пособіе, а офицеры получали: сотенные—по 30 руб., а прочіе—по 20 руб. въ мѣсяць. Нижнимъ чинамъ выдавалось: урядникамъ по 1 р. 25 к., а рядовымъ—по 1 р. въ мѣсяць и сухари. Боевыя награды офицерскимъ чинамъ положены были тѣ же, что и въ дѣйствующей арміи; нижнимъ же чинамъ за храбрость присвоена была особая медаль, получившіе которую, а равно ставшіе неспособными къ труду по причинѣ ранъ и увѣцій, становились пенсіонерами въ размѣрѣ жалованья, положеннаго за временную службу.

Пожертвованія Московскихъ дворянъ и купцовъ деньгами и вещами были весьма обильны и, несомнѣнно, были бы еще гораздо больше, если бы Москва не была занята противникомъ, что волей-неволей пріостановило эту патріотическую ревность. Въ упомянутый выше спеціальныи комитетъ для сбора пожертвованій,

по день его закрытія 30 августа, поступило всего *три милліона двѣсти девяносто три тысячи семьсотъ девяносто* рублей, не считая множества самыхъ разнообразныхъ предметовъ (въ томъ числѣ около 5 т. аршинъ сукна и столько же холста, оружіе, вино, бинты, корпія и т. п.).

Московское ополченіе, какъ извѣстно, частью успѣло принять участіе въ Бородинскомъ сраженіи, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ бояхъ второй половины кампаніи.

Въ *Тверской* губерніи дворянство постановило собрать по 20 ратниковъ съ каждыѣхъ 500 душъ, въ томъ числѣ одного коннаго, что давало 12.366 пѣшихъ и 665 конныхъ ополченцевъ. Изъ нихъ образовано было пять пѣшихъ полковъ и одинъ конный. Во главѣ Тверскаго ополченія сталъ генераль-лейтенантъ Тыртовъ, командовавшій полкомъ въ Итальянскомъ и Швейцарскомъ Суворовскихъ походахъ.

Кромѣ помянутыхъ полковъ, въ Твери былъ сформированъ особый батальонъ изъ удѣльныхъ крестьянъ великой княгини Екатерины Павловны.

Одежда и снаряженіе ратниковъ были сходны съ Московскими, но вооружить ихъ оказалось возможнымъ только пиками.

Кромѣ выставленія ополченія, Тверское дворянство пожертвовало 75 тысячъ четвертей муки и столько же четвертей овса, собравъ по 2 пуда муки и по 2 четверти овса съ каждой души, при чемъ весь этотъ провіантъ былъ доставленъ въ города Тверь и Ржевъ. Что же касается пожертвованій денежныхъ, то въ общемъ Тверская губернія внесла на нужды защиты отечества около двухъ милліоновъ рублей, считая въ томъ числѣ и стоимость пожертвованныхъ припасовъ.

Въ *Ярославской* губерніи выставлено было по одному ратнику съ каждыѣхъ 25 ревизскихъ душъ, что дало нѣсколько болѣе 11 тысячъ человекъ, изъ которыхъ сформировано было 5 полковъ, изъ нихъ одинъ конный. Дворянство губерніи обязалось содержать и довольствовать ополченіе въ теченіе цѣлаго года. Кромѣ того, пожертвованія деньгами и припасами отъ губерніи простирались на сумму до 500 тысячъ рублей.

Владимірская губернія дала 15 тысячъ человѣкъ (шесть пѣшихъ полковъ) и на 800 тысячъ рублей пожертвованій деньгами и припасами.

Рязанская губернія выставила семь полковъ, изъ нихъ одинъ конный, числомъ около 16 тысячъ человѣкъ. Лошади для коннаго полка собраны были по разверсткѣ между помѣщиками. Общая сумма разнаго рода пожертвованій простиралась и здѣсь до 800 тысячъ рублей.

Тульскіе дворяне внесли на алтарь отечества весьма значительныя пожертвованія. Кромѣ 15 тысячъ ратниковъ, которые образовали 2 конныхъ и 5 пѣшихъ полковъ, дворяне, по выступленіи этого ополченія изъ уѣздовъ, вооружили всѣхъ остальныхъ своихъ крестьянъ, кто чѣмъ могъ. Такимъ образомъ, кромѣ обязательнаго губернскаго ополченія, созданнаго въ силу манифеста, дворяне Тульскіе образовали изъ всего почти мужского населенія губерніи конныя и пѣшія команды, содержавшія караулы и высылавшія разъѣзды. Также и въ уѣздныхъ городахъ образованы были дружины подъ начальствомъ городничихъ. Такимъ образомъ, можно безошибочно сказать, что вся Тульская губернія вооружилась поголовно.

Что касается денежныхъ и другихъ пожертвованій, то дворяне-туляки, прежде всего, внесли 700 тысячъ рублей на покупку для арміи порціоннаго скота; затѣмъ, когда потребовалось для нея же заготовить провіантъ и фуражъ *за плату*, тѣ же дворяне поставили около 70 тыс. четвертей сухарей, крупъ и овса *безъ всякаго вознагражденія*.

Когда, въ началѣ сентября, потребовались въ армію лошади, и Кутузовъ предписалъ Тульскому губернатору спѣшить конные ополченныя полки, а лошадей прислать въ армію, туляки положили, чтобы сохранить свои полки, отправить въ главную квартиру 150 тысячъ рублей на покупку нужной тысячи коней.

Затѣмъ потребовались для арміи къ зимѣ полушубки и сапоги; губернатору поручено было заготовить по двадцати тысячъ того и другого, за плату. Дворянство послало потребное количество на свой счетъ; когда же поступили отъ казны деньги въ уплату,

Е. И. Марковъ 1-й.

оно ихъ пожертвовало Тульскому Александровскому училищу на содержаніе въ немъ стипендій имени фельдмаршала Кутузова (тогда уже покойнаго) для немущихъ дворянъ.

Огромный запасъ сухарей (болѣе 200 тыс. пудовъ) и крупы (до 4 тыс. четвертей) былъ собранъ Тульскими дворянами и доставленъ къ арміи, опять-таки безо всякаго вознагражденія; кромѣ того, подъ конецъ войны, послано 15 тыс. четвертей хлѣба; доставлялся постоянно фуражъ; выставлялись подводы въ огромномъ количествѣ—всего до 105 тысячъ...

Въ городахъ: Туль, Одоевъ и Бѣлевъ были устроены временные госпитали, каждый на шесть тысячъ мѣсть; на ихъ первоначальное обзаведеніе купцы и мѣщане этихъ городовъ пожертвовали 25 тысячъ рублей, а дворянство приняло на себя продовольствіе всѣхъ вообще раненыхъ, оставшихся въ предѣлахъ губерніи.

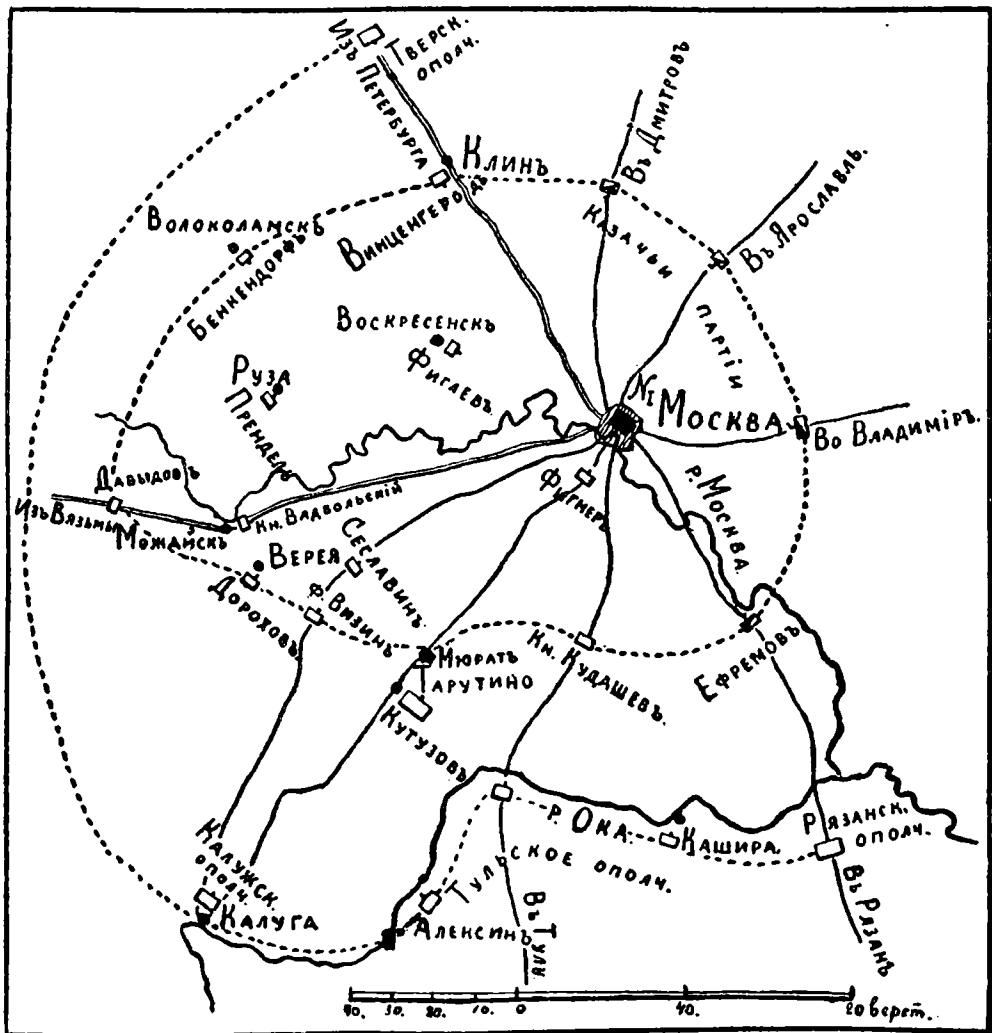
Если сосчитать всѣ денежныя пожертвованія и бесплатныя поставки, сдѣланныя дворянами, купцами и мѣщанами Тульской губерніи, то общая сумма ихъ достигнетъ *пяти милліоновъ рублей*.

Калужане также выставили шесть ополченныхъ полковъ, изъ коихъ одинъ конный, въ числѣ до 15 тысячъ ратниковъ. Назначенную въ Калугѣ большую заготовку провіанта для арміи на счетъ казны, на сумму 1.125.000 рублей, Калужское дворянство приняло на свой счетъ, при чемъ доставило еще излишекъ провіанта въ 10 тысячъ четвертей. Кромѣ того калужане пожертвовали болѣе 700 лошадей для артиллеріи; общая же цифра деньгами и бесплатными поставками достигала 1.600.000 рублей.

Смоленскіе дворяне, какъ извѣстно, подали первый сигналъ къ вооруженію еще прежде Высочайшаго манифеста. Но послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ вторженіе непріятельской арміи въ предѣлы губерніи фактически весьма затруднило образованіе Смоленскаго ополченія, и въ немъ могли принять участіе только тѣ уѣзды, которые не были заняты противникомъ. Тѣмъ не менѣе, кромѣ 12 тыс. ратниковъ, показанныхъ отъ губерніи официально, къ нимъ присоединилось множество добровольно вооружившихся смолянъ; поэтому общая численность выставленнаго губерніей ополченія никакъ не менѣе 20 тысячъ.

Сюда не входят всѣ тѣ отдѣльныя партіи и дружины, которыя образовались въ губерніи для народной войны.

Москва, окруженная партизанскими отрядами и ополченіями.

Что касается матеріальныхъ пожертвованій, то безошибочно можно сказать, что смоляне пожертвовали буквально всѣмъ своимъ достояніемъ. Если подвести итогъ всему тому, что дано смолянами деньгами, провіантомъ и всякаго рода припасами, поставкою подводъ и ихъ содержаніемъ и т. п., то общая сумма близка къ 10 милліонамъ рублей; и то сюда не вошли запасы сельскихъ

магазиновъ и многія поставки отдѣльныхъ жителей непосредственно войскамъ, которыя миновали губернскую администрацію и потому учету не подверглись.

Общее число ратниковъ ополченія въ 1-мъ округѣ вообще доходило до 120 тысячъ человѣкъ. Вся эта масса земской силы была собрана и готова къ выступленію въ назначенные сборные пункты *) уже къ концу августа и началу сентября.

Быстрота, съ которою было образовано ополченіе губерній 1-го округа, конечно, отразилась на степени его боевой готовности. Его не успѣли снарядить и вооружить надлежащимъ образомъ и, главное, не могли ему дать должнаго обученія. Ратники лишь въ видѣ исключенія были вооружены ружьями — изъ которыхъ, къ тому же, не умѣли стрѣлять; большинство имѣло только пики; обуто было въ лапти. Поэтому ихъ нельзя было примѣнять въ качествѣ серьезной боевой силы, а пользовались ими преимущественно для подачи помощи раненымъ или для земляныхъ работъ. Впослѣдствіи, однако, Смоленское и Тверское ополченія, частью вовлечены были въ народную войну и, разбившись на мелкіе отряды, принесли извѣстную пользу.

Во 2-мъ округѣ ополченія первоначальнымъ его устроителемъ былъ Кутузовъ, начальствовавшій этимъ ополченіемъ передъ своимъ назначеніемъ на постъ главнокомандующаго.

Общее число ратниковъ, выставленное отъ *Петербургской* губерніи (какъ и въ *Московской* — по одному съ десяти человѣкъ) достигло $13\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ. Кутузовъ раздѣлилъ ихъ не на полки, а на дружины, каждая числомъ въ 820 человѣкъ, которая въ свою очередь подраздѣлялась на сотни. Дружины составлялись изъ людей одного уѣзда, а по сотнямъ распредѣлялись такъ, чтобы односельчане были вмѣстѣ. Чтобы быстрѣе обучить ополченцевъ, дѣло это возложено было на Петербургскаго коменданта генераль-маіора Башуцкаго, который взялъ для этой цѣли людей изъ полковъ своей дивизіи — Воронежскаго пѣхотнаго и 2-го Морского. На каждую дружину дано было по 700 ружей и по 42 тысячи

*) Московское ополченіе — къ Воскресенску, Звенигородску, Можайску и Подольску; Тверское — къ Клину; Ярославское — къ Дмитровску; Владимірское — къ Богородску; Рязанское — къ Каширѣ; Тульское — къ Серпухову; Калужское — къ Верѣ; Смоленское — къ Можайску.

боевыхъ патроновъ. Мало того, къ каждой дружинѣ придано по 5 унтеръ-офицеровъ учебнаго батальона и по 25 старыхъ солдатъ изъ корпуса внутренней стражи.

Благодаря всѣмъ этимъ исключительнымъ мѣрамъ, Петербургское ополченіе выдѣлялось среди другихъ своимъ обученіемъ. На Высочайшемъ смотрѣ 1 сентября Государь выразилъ полное свое удовольствіе начальству ополченія за образцовое его устройство и обученіе. Англійскій посланникъ лордъ Каткарти, тутъ же присутствовавшій, обращаясь къ Императору Александру, сказалъ при этомъ: „Государь! Это войско выросло изъ земли“.

Кромѣ ополченныхъ пѣшихъ дружинъ, которыхъ было въ Петербургскомъ ополченіи всего 16, образовавшихъ 5 бригадъ, изъ коихъ сформировано было впослѣдствіи два отряда: одинъ — сенатора Бибикова, и другой — генераль-маіора Бѣгичева, были созданы еще два конныхъ казачьихъ полка, изъ охотниковъ.

Всѣ сословія Петербургской губерніи состязались между собою въ обширныхъ денежныхъ и иныхъ пожертвованіяхъ. Братья Нарышкины изъявили готовность вносить ежегодно, пока существуетъ ополченіе, сверхъ положенныхъ со всѣхъ сборовъ, по 20 тысячъ рублей; графъ Литта — по 50 тысячъ и многіе другіе, что въ общемъ составило свыше 100 тысячъ рублей ежегодно. Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, при особомъ рескриптѣ на имя Кутузова, предоставила въ пользу ополченія 50 тысячъ рублей и приказала вносить по стольку же ежегодно, пока будетъ длиться война. Общая сумма только денежныхъ пожертвованій отъ губерніи, къ исходу 1812 года, достигла 4 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ 2 милліона отъ Петербургскаго купечества. Не одни богачи жертвовали; находились такіе, которые не щадили послѣдняго достоянія. Такъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Воейковъ, поступивъ вмѣстѣ съ сыномъ въ ополченіе, пожертвовалъ на военныя нужды свою пенсію...

Петербургское ополченіе впослѣдствіи оказало не мало выдающихся подвиговъ въ бояхъ корпуса Витгенштейна, о чемъ будетъ въ своемъ мѣстѣ упомянуто.

Новгородское ополченіе, въ числѣ 10¹/₂ тысячъ человекъ, было раздѣлено на четыре бригады, по 3 пѣшія дружины въ каждой. На снаряженіе его дворянство израсходовало болѣе милліона руб-

Мадонна *Великая*
И. *Великая* *Великая* *Великая*

МРИК. ФЕОДОРОВА
Impératrice de toutes
les Russies

лей, при чемъ купечество Новгородское внесло свою долю, въ размѣръ 200 тыс. рублей. Кроме того, различными сословіями губерніи сдѣлано пожертвованій не менѣе какъ на 1.255.000 руб.

Что касается ополченія 3-го (Казанскаго) округа, то здѣсь, какъ извѣстно, рѣшено было не отрывать людей отъ сельскихъ работъ преждевременнымъ сборомъ, а ограничиться только расчисленіемъ ихъ и назначеніемъ въ различныя ополченныя части. Такимъ образомъ этотъ округъ долженъ былъ служить какъ бы резервомъ первымъ двумъ. Начальникъ округа, графъ Толстой, просилъ разрѣшенія все же формировать постепенно ополченныя полки и взять для ихъ обученія всѣ воинскія части, расположенныя въ округѣ. Наборъ былъ назначенъ по 4 человѣка съ каждыя ста душъ, а потомъ—еще по 2 человѣка; дополнительный сборъ этотъ былъ названъ „резервнымъ ополченіемъ 3-го округа“, которое было, однако, распущено по домамъ.

Изъ числа губерній, вошедшихъ въ составъ 3-го округа, *Костромская* выставила 16 тыс. ратниковъ, которые выступили въ походъ въ декабрь 1812 г. и приняли участіе въ заграничномъ походѣ. Дворянство и другія сословія губерніи, въ общей сложности, пожертвовали до 1.300.000 рублей. *Нижегородская* губернія дала 13 тыс. ратниковъ перваго призыва и еще 6 тыс. резервныхъ. Всѣ они участвовали въ заграничномъ походѣ. Пожертвованія губерніи превысили миллионъ рублей. *Казанская* губернія дала всего 3 тыс. воиновъ и почти 1 тыс. резервныхъ. Къ этимъ ратникамъ присоединилось и 500 чел. отъ *Вятской* губерніи. Денежныя пожертвованія обѣихъ этихъ губерній составили 346 тыс. рублей. *Симбирская* губернія выставила около 14 тыс. ратниковъ и израсходовала 1.276 тыс. рублей; *Пензенская* губернія дала около 9 тыс. ратниковъ и 2.468 тыс. рублей деньгами и бесплатными поставками.

Въ общей сложности, 1-й ополченный округъ (Московскій) выставилъ 123.359 ратниковъ, не считая Смоленскихъ, присоединившихся по частямъ; съ послѣдними же число ихъ, примѣрно, дошло до 130 тысячъ. 2-й (Петербургскій) округъ выставилъ 24.927 человѣкъ; 3-й (Казанскій) — 45.690 человѣкъ, да сверхъ того 22.671 чел. резервнаго ополченія. Общая численность ополченія, такимъ образомъ, составляла 220 тысячъ человѣкъ.

*

Что же касается матеріальныхъ пожертвованій, то, при всемъ ихъ разнообразіи и трудности учета, во всякомъ случаѣ является несомнѣннымъ, что общая ихъ сумма въ губерніяхъ, участвовавшихъ въ поставкѣ ратниковъ, никакъ не менѣе *шестидесяти милліоновъ рублей*.

Кромѣ расходовъ по снаряженію, содержанію и снабженію выставляемыхъ ополченій, губерніи брали на себя затраты по покупкѣ порціоннаго скота, поставкѣ хлѣба и фуража, доставкѣ лошадей, сапогъ, теплой одежды, устройству и содержанію госпиталей, а также по снабженію всѣмъ необходимымъ вновь формирующихся регулярныхъ полковъ.

Кромѣ того жертвовалось всякаго рода оружіе, даже пушки; драгоцѣнные металлы — иногда фамильное серебро и золото; плотно въ изобиліи, всевозможные съѣстные припасы. Свѣдѣнія, сохранившіяся объ этомъ, весьма неполны, а потому можно безошибочно утверждать, что показанная выше общая сумма всякаго рода пожертвованій — ниже дѣйствительной.

Но этимъ далеко не ограничилось. Всѣ тѣ губерніи и области Россіи, которыя, согласно манифеста 18 іюля, оказались освобождены отъ сбора ополченія, добровольно приняли участіе въ защитѣ отечества, кто только пожертвованіями, а кто и участіемъ въ вооруженіяхъ.

Такъ, *Псковская* губернія, въ которой производился сборъ запасовъ для войскъ графа Витгенштейна, взяла это продовольствованіе, а равно и поставку необходимыхъ подводъ, на полное свое иждивеніе, израсходовавъ въ общей сложности до 14 милліоновъ рублей. *Лифляндія* и *Эстляндія*, въ общей сложности, внесли болѣе 3 милліоновъ; сверхъ этого первая выставила добровольно около 5 тыс. ратниковъ, часть которыхъ образовала особый „Лифляндскій конный казачій полкъ“, который несъ сторожевую службу вдоль береговъ Двины.

Финляндія, несмотря на недавнее свое включеніе въ составъ Имперіи, испросила разрѣшеніе на сформированіе 3 егерскихъ полковъ, которые и были впослѣдствіи двинуты въ Петербургъ для содержанія тамъ карауловъ. *Олонецкая* губернія набрала около 600 стрѣлковъ и пожертвовала около 11 тыс. рублей. *Архангель-*

ская губернія выставила, еще до манифеста 18 іюля, около 400 ратниковъ-добровольцевъ, а затѣмъ собрала пожертвованій на 86 тыс. рублей. *Вологодскіе* дворяне рѣшили выставить 5.000 ратниковъ, когда же сборъ ополченія былъ ограниченъ 16 губерніями, они собрали по подпискѣ 9 тыс. рублей, полъ пуда серебра и 100 кулей муки; кромѣ того, 500 стрѣлковъ-добровольцевъ было отослано въ Петербургъ. *Пермяки* тоже собрались выставить 4 тыс. ополченія, но замѣнили это денежнымъ пожертвованіемъ на обмундированіе и снаряженіе полка, формировавшагося въ Костромѣ, всего до 150 тыс. рублей. *Оренбургская* губернія дала, въ лицѣ своихъ казаковъ, 23 полка и пожертвовала болѣе 65 тыс. рублей. *Саратовская* губернія дала много добровольцевъ въ Симбирское и Пензенское ополченія и пожертвовала на обмундированіе егерскаго полка, формировавшагося въ Воронежѣ, 125 тыс. рублей. Въ *Астраханской* губерніи пожертвовано болѣе 500 тысячъ и сформировано 2 калмыцкихъ полка, которые участвовали во всѣхъ дѣлахъ заграничнаго похода 1813—14 годовъ. *Земля войска Донского* сформировала съ необычайной быстротою, еще до манифеста 6 іюля, шестьдесятъ полковъ съ двумя артиллерійскими ротами, а къ концу сентября выслала еще 26 полковъ. Торговые казаки собрали на подмогу своимъ свыше 93 тыс. рублей, а дворяне пожертвовали 1.500 лошадей для немущихъ казаковъ. *Таврическая* губернія пожертвовала 756 тыс. рублей; *Херсонская*—болѣе 300 тыс.; *Екатеринославская*—378 тысячъ; *Тамбовская* и *Орловская* губерніи добровольно выставили, на свой счетъ, ополченія для защиты своихъ границъ, хотя и были свободны отъ этой обязанности. *Нуряне* еще до начала войны пожертвовали для арміи лошадей болѣе чѣмъ на 160 тыс. рублей и сверхъ того, деньгами и всякаго рода запасами почти до милліона рублей. *Харьковское* дворянство рѣшило выставить ополченіе въ 13 тыс. человекъ; когда же этого не потребовалось, ходатайствовало о рекрутскомъ наборѣ по одному съ 50 душъ. *Полтавцы* успѣли даже собрать и вооружить 16 тысячъ человекъ, которые впоследствии были привлечены къ участию въ заграничномъ походѣ. Денежныя пожертвованія губерніи, включая содержаніе ополченія, превысили 2 милліона. *Черниговцы* тоже выставили 26 тыс. ополченія съ 40 орудіями. Кромѣ того, казаки этихъ двухъ губерній сформировали 15 конныхъ полковъ, всего 18 тысячъ всадниковъ, изъ коихъ 10 тысячъ привле-

чено было къ участию въ военныхъ дѣйствіяхъ. *Ніевская* губернія выставила 3 украинскихъ казачьихъ полка, поставила болѣе 1000 артиллерійскихъ лошадей и пожертвовала деньгами и припасами болѣе, чѣмъ на 100 тыс. рублей. *Подольская* губернія дала одинъ казачій полкъ и поставила въ армію всего около 7000 лошадей и болѣе 3000 повозокъ. Даже и отдаленныя *Сибирскія* губерніи приняли участіе въ общемъ дѣлѣ, и ихъ пожертвованія деньгами, золотыми и серебряными слитками и пушнымъ товаромъ простирались до 300 тыс. рублей.

Въ общемъ губерніи, не вошедшія въ составъ 3 ополченныхъ округовъ, выставили до 100 тыс. человекъ воиновъ и пожертвовали до 35—40 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ, несмотря на нѣсколько послѣдовательныхъ наборовъ 1811 и первой половины 1812 года и на разореніе неприятелемъ части Имперіи, Россія, въ короткое время, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, выставила добровольно не менѣе 320 тысячъ воиновъ — въ томъ числѣ до 50 тысячъ конныхъ — и внесла на алтарь отечества не менѣе *ста милліоновъ рублей*.

* * *

По мѣрѣ занятія имъ русской территоріи, Наполеонъ, кромѣ мѣръ по устройству своего тыла, пытался также установить подобіе гражданскаго управленія въ завоеванныхъ областяхъ. Но только въ Литвѣ и Могилевской губерніи ему удалось осуществить кое что въ этомъ направленіи.

По занятіи Вильны, Наполеонъ учредилъ въ ней „временное управленіе Литвы“ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но при комиссарѣ-французѣ, при чемъ комиссія эта была подчинена Литовскому генераль-губернатору (одному изъ генераль-адъютантовъ Наполеона). Хотя на бумагѣ комиссіи ввѣрялось управленіе страной и распоряженіе ея финансовыми средствами, но фактически она являлась чѣмъ то вродѣ интендантскаго органа для продовольствованія французской арміи и для устройства формируемыхъ Наполеономъ литовскихъ войскъ.

Такія же комиссіи образованы были въ каждой губерніи и подчинены главной; но предсѣдателями въ нихъ были французскіе интенданты. Въ уѣздахъ учреждены были подпрефектуры, а въ городахъ — муниципалитеты.

А. И. Марковъ 2-й.

Въ Варшавѣ была попытка образовать конфедерацію, для побужденія населенія къ возстанію и къ соединенію воедино всѣхъ земель, прежде образовавшихъ польское королевство. Актъ о конфедераціи былъ подписанъ въ Вильнѣ 2 іюля и къ ней присоединились прочіе города по мѣрѣ ихъ занятія французами. Польскій писатель Солтыкъ, вообще пристрастный къ своимъ соотечественникамъ, самъ признаетъ, что варшавская конфедерація выразилась только въ прокламаціяхъ и возгласахъ.

Одною изъ первыхъ заботъ „временнаго правленія Литвы“ было образованіе мѣстныхъ вооруженныхъ силъ. Наполеона вначалѣ увѣряли мѣстные магнаты, что все населеніе Литвы поголовно возстанетъ противъ Россіи; въ дѣйствительности же оказалось нѣчто иное.

Во время пребыванія въ Вильнѣ, Наполеонъ велѣлъ сформировать въ Литвѣ пять пѣхотныхъ и четыре кавалерійскихъ полка. Раскладка необходимыхъ для того рекрутъ сдѣлана была по губерніямъ, сообразно населенію каждой, при чемъ набираемые обязывались шестилѣтнею службою. Обмундированіе и устройство намѣчалось по образцу польскихъ войскъ, изъ которыхъ взяты кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; полковые же командиры взяты изъ мѣстныхъ магнатовъ, большинство которыхъ о военной службѣ не имѣло никакого понятія.

Кромѣ этого, чтобы привлечь подъ свои знамена многочисленную Литовскую шляхту, Наполеонъ поручилъ бригадному генералу графу Красинскому набрать изъ Литовскихъ дворянъ, уланскій полкъ для Императорской гвардіи; изъ охотниковъ и лѣсной стражи набирались стрѣлковые батальоны, а въ уѣздахъ, для поддержанія внутренняго порядка, изъ осѣдлой шляхты велѣно сформировать жандармскія команды.

Привести всѣ эти предположенія въ исполненіе оказалось не такъ то легко. Край былъ опустошенъ до нельзя по проходѣ черезъ него полчищъ „великой арміи“, а разореніе его довершалось массою мародеровъ, скитавшихся въ ея тылу. Первоначальный восторгъ и упоеніе мечтами о возстановленіи Польши быстро охладѣли, когда выказала себя во всей своей наготѣ оборотная сторона войны и когда на населеніе занятыхъ областей легла вся

тяжесть управленія на началахъ страны, покоренной силою оружія. Участіе въ этомъ управленіи мѣстныхъ жителей было лишь фиктивное; въ дѣйствительности же всѣмъ распоряжались только французскія власти, которыя безъ всякаго зазрѣнія совѣсти выжимали изъ края всѣ соки. Введенъ былъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ налоговъ, начиная съ подоходнаго и включительно до обложенія напитковъ (не исключая уксуса!), рогатаго скота, мяса, рыбы, масла, табаку и пр.

Наборъ людей вначалѣ, впрочемъ, шель довольно успѣшно, особенно въ Гродненской губерніи; но гораздо больше затрудненій встрѣтилось при снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ, такъ какъ средства были скудны. Въ особенности трудно было сформировать конницу, по недостатку коннаго состава и по неспособности къ этой службѣ литовцевъ. Поэтому къ половинѣ сентября пѣхотные полки были набраны и почти обмундированы; кавалерійскихъ же полковъ составилось только три, и то ко времени окончанія войны.

Въ Гродненской губерніи собрано было, все-таки, около 6.000 разнаго рода войскъ и на расходы по нимъ—около 135 тыс. рублей. Что же касается Минской губерніи, то тамъ съ большими трудностями набрали одинъ полкъ, который при первой же встрѣчѣ съ нашими войсками былъ почти вовсе уничтоженъ (графомъ Ламбертомъ). Въ жандармы набрано на губернію не болѣе 70 челоувѣкъ, а въ стрѣлки—лишь нѣсколько лѣсничихъ.

Конечная судьба всѣхъ этихъ ополченій, была, по большей части, печальная. Гвардейскій уланскій полкъ былъ совершенно истребленъ русскою конницею Чаплица въ Слонимѣ 8 октября. Часть пѣхоты разсѣяна въ Минскѣ графомъ Ламберта; остальные полки примкнули къ 5-му корпусу Понятовскаго и въ 1813 году вошли въ составъ гарнизона крѣпости Модлинъ.

Особенно тяжкимъ бременемъ для края были поборы всякаго рода запасовъ для потребностей „великой арміи“. Съ дѣйствительными средствами населенія страны совершенно не считались и не стѣснялись ничуть совершенно ее оголять. Такъ, на примѣръ, король Іеронимъ вестфальскій, занявъ Гродно, потребовалъ полмилліона порцій хлѣба, мяса и водки и, сверхъ того, забралъ полностью все, что было въ мѣстныхъ магазинахъ и окрестныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Въ тысяча восемьсотъ двѣнадцатомъ году

Рис. И. М. Прянишниковъ.

Для пополненія складовъ, устраиваемыхъ на случай прохода войскъ, съ каждаго двора, подъ именемъ „добровольнаго пожертвованія“, было взято по 40 гарнцевъ ржи, столько же овса, 2 гарнца гороха, 2 пуда сѣна и столько же соломы. Но, мало этого, были еще огромные дополнительные поборы всякаго рода продуктовъ и, въ довершеніе всего, въ концѣ октября, образованъ былъ особый „резервный магазинъ“ въ 50 тыс. четвертей ржи, 73 тыс. четвертей овса и по 6.500 берковцевъ сѣна и соломы...

Рогатаго скота въ губерніи на мясную порцію истреблено было болѣе трети всего наличнаго въ ней количества его.

Такіе же, примѣрно, поборы произведены были въ губерніяхъ Виленской, Минской и въ Бѣлостокской области. Независимо поставокъ въ натурѣ, вимались и деньги (напримѣръ, въ Минской губерніи по $9\frac{1}{2}$ золотыхъ, или по 1 руб. 42 коп. съ души); кромѣ того, потребованы, въ семидневный срокъ, всѣ недоимки русскому правительству.

Содержаніе учрежденныхъ въ губернскихъ городахъ большихъ госпиталей, на 1.200 и болѣе больныхъ каждый, возложено было также на счетъ населенія и обошлось въ каждомъ городѣ не менѣе полумилліона рублей.

Поставка дровъ для хлѣбопеченія и для отапливанія госпиталей также составила тяжелую повинность. Въ Гроднѣ, гдѣ ежедневно изготовлялось сто тысячъ порцій сухарей, за лѣто сожжено 27 тыс. возовъ дровъ, а на отопку госпиталей пошло 19 тысячъ кубическихъ сажень, да еще сверхъ того собрано по одному возу съ каждаго жителя...

Но всѣми этими поборами не ограничились бѣдствія занятой страны, такъ какъ грабежи мародеровъ, скитающихся повсюду, превосходили всякое вѣроятіе. Никакія жалобы административнымъ властямъ не имѣли ни малѣйшаго результата. Общее число мародеровъ, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, доходило до пятидесяти тысячъ человекъ! Случалось нерѣдко, что грабежу предавались цѣлыя войсковыя части. Особенно отличались въ этомъ отношеніи вестфальскія войска.

Опредѣленіе сколько нибудь точно общаго размѣра ущерба, нанесеннаго занятымъ нашествіемъ губерніямъ—невозможно. Но характернымъ показателемъ могутъ служить цифры рѣзкаго умень-

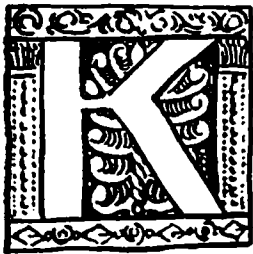
шенія населенія въ этихъ губерніяхъ послѣ войны. Такъ, въ Могилевской губерніи ревизскихъ душъ мужского пола въ 1811 году считалось почти 360 тысячъ, а въ 1816 году стало только 287 съ небольшимъ тысячъ...

Такимъ образомъ, Наполеону, кромѣ указанныхъ нами въ своемъ мѣстѣ обширныхъ мѣропріятій по устройству подвоза продовольственныхъ запасовъ съ базы, пришлось въ самой широкой степени воспользоваться средствами занятыхъ областей, доведя ихъ почти до полного оголенія. И однако, несмотря на это, задача прокормленія полумилліонной арміи, при тогдашнихъ условіяхъ и техническихъ средствахъ, оказалась настолько трудно выполнимою, что войска Наполеона терпѣли, какъ извѣстно, почти все время кампаніи лишенія, такъ какъ собираемая въ тылу обширные запасы не успѣвали доходить по назначенію...

Положеніе сторонъ къ началу октября. Рѣшеніе Наполеона оставить Москву. Различныя предположенія его о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Расположеніе авангардовъ Милорадовича и Мюрата. Планъ нечаяннаго нападенія на Мюрата. Несочувствіе этому плану Кутузова.

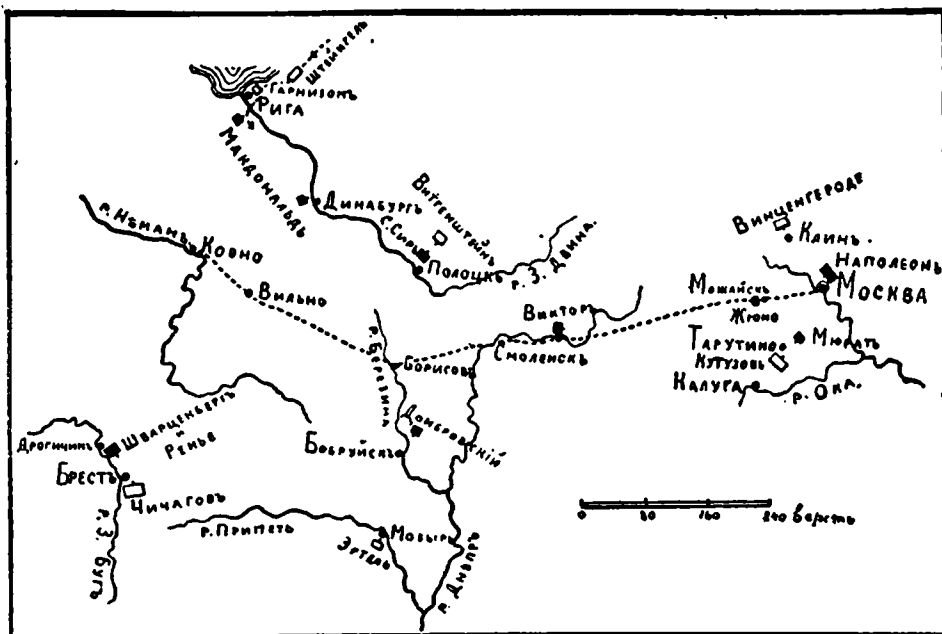
ь началу октября распредѣленіе силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ на весь театръ войны было слѣдующее.

Главная масса нашихъ войскъ подъ начальствомъ Кутузова, была расположена у Тарутина, имѣя впереди, у д. Глодовой, авангардъ Милорадовича. У Клина находился отрядъ Винцингероде, прикрывавшій дорогу на Петербургъ. Партизанскіе отряды, и народныя дружины, а за ними—губенскія ополченія, образовали кольцо вокругъ Москвы.

Третья армія и Дунайская, успѣвшія соединиться, двинулись противъ Шварценберга и находились у Бреста, корпусъ Витгенштейна, усиленный прибывшими къ нему подкрѣпленіями, стоялъ противъ Полоцка. Высланный для взаимодействія съ нимъ изъ

Финляндіи корпусъ графа Штейнгеля былъ перевезенъ моремъ въ Ревель и черезъ Ригу двинулся вдоль Западной Двины. Въ Мозырѣ находился корпусъ резервныхъ войскъ подъ начальствомъ генерала Эртеля.

Схема положенія къ началу октября.

Въ цѣляхъ упорядоченія организаціи нашихъ вооруженныхъ силъ, Дунайская армія Чичагова была слита воедино съ третьей арміей, подъ общимъ начальствомъ адмирала; графъ же Тормасовъ былъ вызванъ въ главную квартиру Кутузова, гдѣ и замѣстилъ Баркляя-де-Толли, уволенного по болѣзни въ отпускъ. При этомъ въ главныхъ силахъ совершенно было перемѣщеніе корпусовъ, и въ главныя силы, подъ начальствомъ Тормасова, включены были пѣхотные корпуса III, V, VI, VII и VIII, а равно I кавалерійскій корпусъ и обѣ кирасирскія дивизіи; Милорадовичу же были подчинены II и IV пѣхотные корпуса и II и IV кавалерійскіе.

Что касается французовъ, то главная масса ихъ войскъ, съ Наполеономъ во главѣ, находилась въ Москвѣ, выдвинувъ противъ Кутузова авангардъ Мюрата; но, какъ мы видѣли, эта главная масса была уже нѣсколько ослаблена за время стоянки

въ Москвѣ выдвигеніемъ части силъ для прикрытія ближайшихъ участковъ своей коммуникаціонной линіи. Всѣ остальныя войска Наполеона, разбросанныя по всему обширному театру войны, такъ или иначе выполняли все одну и ту же задачу: они обеспечивали эту непомерно удлинившуюся коммуникаціонную линію, эту многоверстную тонкую нить, связывавшую Наполеона и его армію съ главной базой въ предѣлахъ Пруссіи, а затѣмъ, съ отечествомъ.

На самой этой линіи находились цѣликомъ *два* корпуса: Виктора—центромъ расположенія котораго являлся Смоленскъ, и Жюно—въ Можайскѣ. Съ сѣвера сообщенія прикрывались еще *тремя* корпусами—С. Сира и Удино въ Полоцкѣ и Макдональда, занимавшаго нижнее теченіе р. Западной Двины отъ Динабурга до Риги. Съ юга тѣ же сообщенія прикрывались *двумя* корпусами, *Шварценберга* и *Ренье*, расположенными у Дрогичина на рѣкѣ Западномъ Бугѣ, и дивизіей Домбровскаго, наблюдавшей за крѣпостью Бобруйскомъ и корпусомъ Эртеля.

Такимъ образомъ, изъ общаго числа *двѣнадцати* корпусовъ (считая въ томъ числѣ и гвардію), *семь* корпусовъ и одна дивизія (т. е. *болѣе половины*) приходилось Наполеону расходовать для выполненія второстепенной цѣли—обеспеченія своихъ сообщеній; если же къ этому прибавить XI корпусъ Ожеро, оставленный въ предѣлахъ Германіи и служившій для обеспеченія глубокаго тыла „великой арміи“, то разница между силами, предназначенными для активныхъ дѣйствій и служащими для прикрытія коммуникаціонныхъ путей станетъ еще ощутительнѣе.

Видя, что занятіе Москвы не только не приводитъ къ желанному миру, но, наоборотъ, только усиливаетъ ожесточеніе русскихъ и можетъ надолго затянуть борьбу, Наполеонъ сталъ серьезно обдумывать вопросъ объ оставленіи Москвы, тѣмъ болѣе, что продолжительное въ ней пребываніе, при сложившихся условіяхъ, могло привести, рано или поздно, лишь къ окончательной гибели французской арміи.

Сперва, какъ мы уже упоминали, великій полководецъ рассчитывалъ повліять на Императора Александра путемъ демонстративнаго движенія къ Петербургу, но вскорѣ оставилъ эту мысль, убѣдясь въ полной бесполезности такого маневра. Второю комбинаціей было фланговое движеніе къ Западной Двинѣ. Этимъ

способомъ онъ рассчитывалъ сблизиться съ резервами, шедшими изъ Германіи и, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ значительныя силы, перезимовать на Двинѣ, послѣ чего, слѣдующею весною, предпринять, если удастся, наступленіе къ Петербургу. Для выполненія этого плана предполагалось передвинуть корпусъ Виктора, доведенный при помощи маршевыхъ батальоновъ до сорока тысячъ человѣкъ, на поддержку С. Сира и Удино; такимъ путемъ на Двинѣ образовалось бы до 70 тысячъ человѣкъ. Самъ же Наполеонъ, съ корпусами вице-короля, Даву и гвардіей, т. е. тоже съ 70 тысячами, думалъ двинуться на Волоколамскъ, Зубцовъ, Бѣлой и Велижъ, къ Великимъ Лукамъ; корпусу Нея и конницѣ Мюрата при этомъ давалось направленіе по Смоленской дорогѣ, для прикрытія этого флангового марша со стороны войскъ Кутузова.

Сказаннымъ путемъ Наполеонъ рассчитывалъ сосредоточить у Великихъ Лукъ и Велижа *сто сорокъ тысячъ*, не считая *тридцати тысячъ* Мюрата и Нея; къ веснѣ онъ надѣялся собрать здѣсь уже не менѣе *трехсотъ* тысячъ, съ которыми и наступать на Петербургъ.

Но почти всѣ главные сподвижники Наполеона, призванные имъ на совѣщаніе для обсужденія этого плана, отнеслись къ нему отрицательно. Многіе, въ томъ числѣ и главный интендантъ, графъ Дарю, совѣтывали перезимовать въ Москвѣ. Но къ этому времени всѣ трудности, сопряженныя съ продовольствіемъ арміи во время ея стоянки въ пустынной столицѣ успѣли настолько выясниться, что на этомъ предположеніи едва ли можно было серьезно останавливаться...

Если бы даже и удалось обезпечить провіантомъ людей, то уже во всякомъ случаѣ снабженіе конскаго состава фуражемъ и сборъ въ достаточномъ количествѣ скота для мясной порціи являлись препятствіями неодолимыми.

Наполеонъ ясно видѣлъ всю невозможность не только зимовки въ Москвѣ, но и вообще затягиванія въ ней пребыванія. Съ другой стороны, уходъ изъ Москвы, не добившись выгоднаго мира, страшно ронялъ престижъ французовъ; ихъ ореолъ необходимости, на которомъ держалась вся власть Наполеона надъ подчиненными имъ себѣ въ Европѣ народами и государствами, долженъ былъ въ значительной степени поблекнуть...

Наполеону необходимо было измыслить такой исходъ, который, избавляя его отъ опасной необходимости оставаться въ Москвѣ, давалъ бы возможность снять съ задуманнаго движенія характеръ *отступленія*. Такимъ исходомъ именно и явилось вновь избранное великимъ полководцемъ направленіе на Калугу. Это направленіе, въ противоположность намѣченному прежде, приводило французовъ къ столкновенію съ Кутузовымъ; но зато, въ случаѣ успѣха этого столкновенія, давало Наполеону надежду проникнуть въ богатая, еще незатронутая войною области и, либо перезимовать тамъ, либо отойти за Днѣпръ.

Заслуживаетъ вниманія, что Кутузовъ, своимъ гениальнымъ маршемъ послѣ оставленія Москвы, заранѣе какъ бы предвосхитилъ и предупредилъ этотъ планъ Наполеона; въ дальнѣйшемъ же, какъ только обнаружилось, что Наполеонъ вышелъ изъ Москвы, всѣ заботы и помыслы Кутузова направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы *не пропустить Наполеона въ южномъ направленіи...*

Наполеонъ приступилъ къ приготовленіямъ для выступленія изъ Москвы. Прежде всего, раненые, находившіеся въ Москвѣ, и такъ называемые трофеи (т. е. турецкія знамена, вызолоченный крестъ съ колокольни Ивана Великаго и найденное въ Москвѣ старинное оружіе) были вывезены по Смоленской дорогѣ; корпуса Даву, Нея и вице-короля, расквартированные въ окрестностяхъ Москвы, были собраны въ городъ, и всѣмъ имъ, а также гвардіи, приказано готовиться къ выступленію. Маршалъ Мортъе, съ одною дивизіей молодой гвардіи, къ которой приданы были: кавалерійская бригада, четыре батальона, сформированныхъ изъ кавалеристовъ, лишившихся лошадей, двѣ саперныхъ и одна артиллерійская роты, назначенъ былъ оставаться нѣкоторое время въ Москвѣ, для прикрытія движенія части обозовъ, направленныхъ на Смоленскъ; самое же необходимое оставлено было непосредственно при войскахъ.

Мортъе велѣно было усилить вооруженіе Кремля и занять нѣсколько подходящихъ позицій въ самомъ городѣ; онъ долженъ былъ, кромѣ того, немедленно по выходѣ арміи изъ Москвы, обнародовать особое воззваніе, цѣлю котораго было опровергнуть слухи объ окончательномъ оставленіи французами Москвы

и убѣдить жителей въ томъ, что Наполеонъ вышелъ лишь на время для того, чтобы овладѣть Тулою, Калугою и Брянскомъ, по исполненіи чего возвратится назадъ. Возложенное на Мортъе вооруженіе Кремля имѣло главною цѣлью вѣрнѣе обмануть населеніе; онъ долженъ былъ также дѣятельно свозить въ Кремль запасы, а затѣмъ быстро отойти къ Вереѣ, служа связью между корпусомъ Жюно, находящимся въ Можайскѣ, и главными силами французовъ.

Тѣмъ временемъ Мюрать прислалъ Наполеону донесеніе объ опасности своего черезчуръ выдвинутаго впередъ (на 60 верстъ отъ Москвы) положенія, особенно въ виду крайняго ослабленія конскаго состава его конницы, что препятствовало какъ слѣдуетъ нести развѣдочную службу. Наполеонъ далъ Мюрату разрѣшеніе, если понадобится, отступить къ Воронову и занять здѣсь позицію пѣхотой, прикрывъ ею конницу, чтобы дать ей отдыхъ. Но этого новаго расположенія Мюрату занять не пришлось: онъ прежде того подвергся нападенію съ нашей стороны.

Выдвинутое впередъ положеніе авангарда Мюрата невольно вводило въ соблазнъ попытаться нанести ему отдѣльное пораженіе.

Подъ командою Мюрата находилось около *двадцати тысячъ*, со 187 орудіями, въ томъ числѣ до восьми тысячъ конницы; въ составъ авангарда входилъ польскій корпусъ Понятовскаго, резервная кавалерія и часть легкой конницы, выдѣленной изъ корпуса Даву.

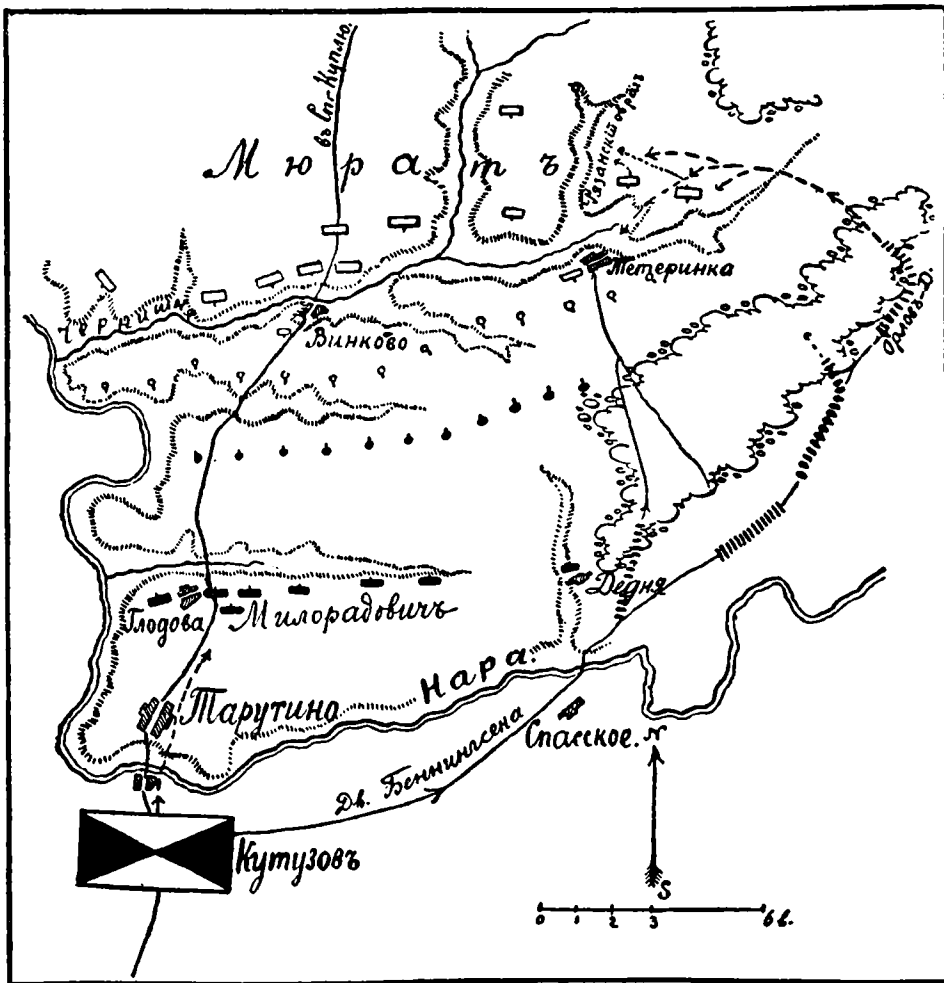
Мѣстность, гдѣ располагались войска Мюрата, не давала никакихъ выгодъ въ смыслѣ обороны и облегчала, наоборотъ, скрытное приближеніе наступающаго.

Впадающая въ рѣку Нару рѣчка Чернишня, повсюду проходящая вбродъ, не представляла собою никакого препятствія, такъ что силы Мюрата располагались по обѣимъ ея берегамъ, растянувшись отъ устья Чернишни до д. Тетеринки. Большой лѣсъ примыкалъ къ лѣвому флангу расположенія французовъ и облегчалъ скрытный обходъ этого фланга.

Мы уже упоминали, что несеніе развѣдочной службы у французовъ, вслѣдствіе плохого состоянія конскаго состава, производилось очень небрежно. Охраненіе бивака авангарда ограничи-

валось высылкою цѣпи передовыхъ постовъ, которая выдвинута была впереди линіи Винково—Тетеринка, упираясь лѣвымъ флангомъ въ Дедневскій лѣсъ; послѣдній совершенно не охранялся и даже не наблюдался непріателемъ. Кромѣ того и самая служба сторожевыхъ частей отправлялась спустя рукава; двухнедѣльное затишье въ серьезныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и свойственная Мюрату безпечность были тому причиною.

Схема передъ Тарутинскомъ боемъ.

При такомъ положеніи французскаго авангарда партизанскіе наши отряды безпрестанно свободно хозяйничали въ тылу у Мюрата и доходили до самой Москвы. Казачьи разъѣзды отъ главныхъ

нашихъ силъ пробирались безнаказанно чуть ли не къ самому непріятельскому лагерю и сообщали нашей главной квартирѣ всѣ подробности расположенія французовъ, въ томъ числѣ о томъ, что лѣсъ къ сѣверу отъ деревни Дедневой оставленъ безъ наблюденія. Получивъ эти свѣдѣнія, генераль-квартирмейстеръ арміи Толь, съ однимъ изъ своихъ офицеровъ, произвелъ нѣсколько разъ подробную развѣдку этого лѣса и, на основаніи сдѣланныхъ изслѣдованій, составилъ планъ атаки непріятельскаго авангарда.

Но привести въ исполненіе это намѣреніе оказалось не такъ легко, такъ какъ Кутузовъ отнесся къ этому предположенію несочувственно. Фельдмаршалъ находилъ, что не слѣдуетъ предпринимать ничего такого, что могло бы ускорить выступленіе Наполеона изъ Москвы, а было несомнѣнно, что нападеніе наше на Мюратовскій авангардъ, даже и при удачномъ исходѣ, должно было привести къ такому результату.

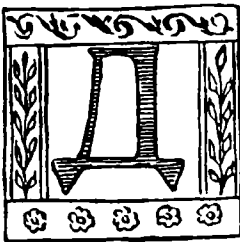
Сторонники предпріятія, и во главѣ ихъ составитель плана атаки Толь, доказывали, наоборотъ, что выступленіе Наполеона въ скоромъ времени изъ Москвы все-равно неминуемо и, поэтому, упускать благоприятный случай для ослабленія его силъ частичнымъ ударомъ, не слѣдуетъ.

Особенно горячо поддерживали Толя Коновницынъ и Багговутъ; Беннигсенъ, несмотря на нерасположеніе свое къ Толю, также одобрилъ его предложеніе и указывалъ при этомъ, что слѣдуетъ спѣшить съ приведеніемъ его въ исполненіе, пока не прибудетъ еще къ непріятелю на поддержку корпусъ Виктора. Въ этомъ смыслѣ составлена была Беннигсеномъ особая записка, которую онъ подалъ Кутузову. Послѣдній, въ концѣ концовъ, сдался на всѣ эти настоянія, поручивъ Беннигсену начальствованіе правымъ крыломъ, на которое возлагалась главная задача.

Тарутинское сраженіе. Диспозиція, составленная Толемъ. Ходъ сраженія. Дѣйствія Орлова-Денисова. Степень участія прочихъ войскъ. Результаты и значеніе Тарутинскаго боя.

испозиція для атаки расположенія Мюратовскаго авангарда была составлена Толемъ и въ существѣ своемъ заключалась въ слѣдующемъ. Вся армія раздѣлена была на двѣ части: *правое крыло*, подъ начальствомъ Беннигсена, въ составѣ II, III и IV пѣхотныхъ корпусовъ, I кавалерійскаго корпуса, 2-й кирасирской дивизіи и 10 казачьихъ полковъ, должно было нанести главный ударъ въ лѣвый флангъ непріятеля, скрытно продвинувшись черезъ Дедневскій лѣсъ, а *главныя силы* (VI, VII, VIII и V пѣхотные и II, III и IV кавалерійскіе корпуса) должны были поддержать атакою съ фронта главный ударъ праваго крыла. Главнымъ силамъ приказано было состоять подъ командою Милорадовича, но, какъ сказано было въ диспозиціи, „при оныхъ и главнокомандующій арміей находится будетъ“.

Распредѣленіе каждой группы было слѣдующее. Правое крыло раздѣлено было на три колонны и резервъ. *Правая* колонна графа Орлова-Денисова, состоявшая почти исключительно

*

изъ конницы (10 казачьихъ полковъ, полки л.-гв. Драгунскій, Уланскій, Гусарскій и Нѣжинскій драгунскій, Конная батарея и 20-й егерскій полкъ) должна была выйти въ тылъ лѣваго фланга Мюрата. *Средняя* колонна (II корпусъ Багговута) направлена была на фронтъ лѣваго крыла противника, также какъ *лѣвая* колонна (IV корпусъ и 2-я кирасирская дивизія), подъ общимъ начальствомъ графа Остермана-Толстого, при чемъ обѣ онѣ должны были развернуться на сѣверо-западной опушкѣ лѣса. Въ *резервъ* (за средней колонной) назначенъ III пѣхотный и I кавалерійскій корпуса.

Всѣ войска Беннигсена, согласно диспозиціи, должны были съ вечера направиться къ селу Спасскому, переправиться здѣсь по наведеннымъ мостамъ черезъ рѣку Нару и затѣмъ, распредѣлившись по колоннамъ, двинуться ночнымъ маршемъ черезъ лѣсъ съ такимъ расчетомъ во времени, чтобы произвести нападеніе на разсвѣтъ.

Что же касется до главныхъ силъ, то изъ нихъ V корпусъ назначенъ былъ въ резервъ, а VI корпусъ Дохтурова направленъ правѣе всѣхъ съ тѣмъ, чтобы держать связь между главными силами и правымъ крыломъ. Всѣ корпуса главныхъ силъ должны были переправиться черезъ рѣку Нару у Тарутина и еще до разсвѣта подойти къ линіи нашихъ сторожевыхъ постовъ, имѣя конницу впереди, при чемъ послѣдняя, какъ только завяжется бой въ войскахъ праваго крыла, должна была броситься въ атаку, поддерживаемая быстро слѣдующею за ней пѣхотой.

Егерскимъ полкамъ приказано было идти въ головѣ всѣхъ колоннъ, прикрывая ихъ наступленіе.

„Всѣ движенія должны быть быстры и безъ всякаго шума „(говорилось въ диспозиціи); дѣйствовать болѣе холоднымъ оружіемъ, а ружейною стрѣльбою много не заниматься“. Запрещено было курить, громко разговаривать, выскать огонь. Всѣ барабанщики и музыканты оставлены были въ лагерѣ, и имъ приказано обычнымъ порядкомъ пробить зарю, а ночью въ лагерѣ разведены были какъ всегда и въ обыкновенномъ количествѣ бивачные огни.

Партизанскимъ отрядамъ Дорохова и Фигнера поручено было захватить въ тылу у Мюрата тѣснину у деревни Вороновой и этимъ затруднить ему отступленіе.

Баронъ Карлъ Федоровичъ Толь.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

Планъ, составленный Толемъ, былъ, по идеѣ, прекрасенъ. Нельзя не обратить вниманія и на то, что раздѣленіе силъ атакующаго на двѣ группы, изъ коихъ одна предназначалась для нанесенія главнаго удара, другая же для поддержанія этого удара съ фронта, вполне сходится съ современными на этотъ счетъ воззрѣніями. Но сложность выполненія этого плана, при раздѣленіи арміи на нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ, особенно при условіи ночного движенія по закрытой лѣсистой мѣстности, требовала самой тщательной подготовки, особенно въ смыслѣ подробнаго изученія самими войсками колонныхъ путей, чего, къ сожалѣнію, несмотря на продолжительное пребываніе арміи на стоянкѣ въ Тарутинѣ, сдѣлано не было.

Въ особенности важно было согласовать между собою наступленіе колоннъ праваго крыла. Съ этой цѣлью Беннигсенъ отдалъ по своимъ войскамъ отдѣльную диспозицію, согласно которой Орловъ-Денисовъ, со своею кавалерійскою колонною, долженъ былъ дойти до опушки Дедневскаго лѣса и пріостановиться у деревни Страшиловой; то же должны были сдѣлать 2-я и 3-я колонны лѣвѣе его, на одной съ нимъ высотѣ, достигнувъ всѣхъ этихъ пунктовъ еще ночью. Съ разсвѣтомъ атаку долженъ былъ начать II корпусъ Багговута (т. е. 2-я колонна), на деревню Тетеринку, послѣ чего 1-й колоннѣ надлежало броситься въ тылъ противнику, на деревню Воронову.

Несмотря на то, что для указанія путей 1-й и 2-й колоннамъ праваго крыла прибылъ самъ полковникъ Толь, прекрасно изучившій мѣстность въ лѣсу, ночное движеніе не удалось такъ, какъ было задумано. Колонны Беннигсена сбились съ пути, блуждали, полки пересѣкали другъ другу дорогу. Въ результатѣ II корпусъ для перехода менѣе 15 верстъ употребилъ 12 часовъ и вышелъ на опушку лѣса у деревни Хоросиной около 7 час. утра; IV же корпусъ настолько отсталъ, что Багговутъ не рѣшился начать нападеніе прежде, чѣмъ онъ не выровняется съ нимъ. Повторилась, словомъ, приблизительно, та же исторія, какъ при отступленіи отъ Смоленска.

Что же касается первой колонны Орлова-Денисова, то она, единственная изъ всѣхъ, во-время и безъ помѣхъ прошла еще

до разсвѣта село Дмитріевское. Орловъ-Денисовъ укрылся со своими казаками въ лѣсу, поджидая появленія остальныхъ колоннъ и условленнаго начатія боя II корпусомъ.

Тѣмъ временемъ совершенно разсвѣло; на бивакѣ непріятеля началось движеніе, и Орловъ-Денисовъ, опасаясь, что будетъ съ минуты на минуту обнаруженъ, рѣшился начать атаку, надѣясь на то, что остальные колонны близко и не замедлятъ къ нему присоединиться.

Ближе всѣхъ къ Орлову-Денисову былъ бивакъ кирасирской дивизіи Себастьяни. Съ громкими криками налетѣли лихіе донцы на ничего не подозрѣвавшихъ и почти что по-мирному стоявшихъ французовъ. Ошеломленный непріятель, едва успѣвъ сдѣлать нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ, въ полномъ разстройствѣ перебѣжалъ на другую сторону Рязанскаго оврага, бросивъ свой лагерь и 38 орудій. Налетъ казаковъ былъ настолько стремителенъ, что на кострахъ найдены были кофейники съ горячимъ кофе, а въ котлахъ—какъ доказательство лишеній, уже переносимыхъ французами,—палая конина... Раздраженіе казаковъ достигло высочайшей степени, когда они увидѣли огромные образа, похищенные изъ сосѣдней церкви, которыми нечестивые враги пользовались вмѣсто столовъ и скамеекъ!

Къ сожалѣнію, вмѣсто неотступнаго продолженія столь удачно начатой атаки въ томъ же направленіи, станичники увлеклись, по всегдашнему своему обыкновенію, добычей. Это позволило кирасирамъ Себастьяни успѣть оправиться, выстроиться у Рязанскаго оврага въ боевой порядокъ и въ свою очередь атаковать казаковъ. Контръ-атака эта была отражена огнемъ казачьей конной батареи. Подъ прикрытіемъ завязавшагося у Рязанскаго оврага кавалерійскаго боя непріятельскіе обозы стали вытягиваться на дорогу и отходить назадъ, въ направленіи на Спасъ-Куплю.

Тѣмъ временемъ на опушку лѣса вышла голова IV пѣхотнаго корпуса (Тобольскій пѣхотный полкъ), при которой находился принцъ Евгенийъ Виртембергскій, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его Толемъ. Видя смятеніе въ тылу у противника (куда пробралась часть казаковъ), а также слыша пушечные выстрѣлы тамъ, гдѣ долженъ былъ появиться корпусъ Багговута, принцъ Евгенийъ, посовѣтовавшись съ Толемъ, рѣшилъ ввести въ дѣло и свои войска.

Багговуть вышелъ изъ лѣса съ двумя головными егерскими полками и прямо повелъ ихъ въ атаку. Какъ только они вышли изъ лѣса на поляну, тотчасъ же французская батарея, стоявшая у деревни Тетеринки, осыпала ихъ жаркимъ огнемъ и нанесла сильныя потери, при чемъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ сраженъ самъ же Багговуть.

Гибель корпуснаго командира, отличавшагося мужествомъ и хладнокровіемъ, въ самомъ началѣ боя, крайне невыгодно отразилась на ходѣ атаки II пѣхотнаго корпуса, который, между тѣмъ, по мысли Беннигсена, долженъ былъ нанести самый главный ударъ. Егеря, разсыпавшись густою цѣпью, чтобы избавиться отъ потерь, увлеклись наступленіемъ, не дождавшись резервовъ; этимъ воспользовался противникъ и перешелъ въ контръ-атаку; французская конница нанесла сильный уронъ 48-му егерскому полку. Эта частная неудача произвела слишкомъ сильное впечатлѣніе на бывшаго тутъ же Беннигсена, такъ что онъ прилагалъ всѣ старанія только къ тому, чтобы удержаться впереди лѣса, притянувъ сюда не только всѣ силы II корпуса, но и остальные полки лѣвой колонны принца Виртембергскаго. Распоряженіе это привело къ тому, что на сравнительно тѣсномъ пространствѣ, войска въ большомъ количествѣ оставались въ бездѣйствіи подъ губительнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій.

Ему противопоставленъ былъ огонь нашихъ батарей. Такъ какъ IV корпусъ графа Остермана все еще не достигъ до назначеннаго ему мѣста, то графъ Беннигсенъ передвинулъ вмѣсто него влѣво III корпусъ изъ резерва. Такимъ образомъ сила удара на непріятельскій лѣвый флангъ, куда по первоначальному замыслу должны были обрушиться два корпуса и вся конница, оказалась значительно ослаблена: на рѣшительномъ мѣстѣ поля сраженія въ бою приняли участіе только конница Орлова-Денисова и Тобольскій полкъ.

Такое передвиженіе частнаго резерва праваго крыла къ центру оказалось къ тому же излишнимъ, такъ какъ въ это время уже приближались съ фронта главныя силы.

Для разысканія заплутавшагося въ Дедневскомъ лѣсу IV корпуса отправился лично генераль Коновницынъ, который сперва напоролся на отступавшую къ рѣчкѣ Чернишнѣ польскую пѣхоту, бывшую въ сторожевомъ охраненіи, выстрѣлами которой былъ

раненъ одинъ изъ его адъютантовъ (Михайловскій-Данилевскій, впоследствии одинъ изъ историковъ войны 1812 года). Обѣхавъ непріятельскую колонну по кружной дорогѣ, Коновницынъ съ большимъ трудомъ разыскалъ въ лѣсу Остермана-Толстого и передалъ ему требованіе графа Беннигсена—спѣшить какъ можно скорѣе къ сѣверо-западной опушкѣ лѣса, куда и направилъ его.

По выходѣ IV корпуса на эту опушку, Беннигсенъ расположилъ его *львѣ* III корпуса, такъ что противъ деревни Тетеринки оказалось сосредоточено 46 батальоновъ. Но, по причинѣ вышеизложеннаго, сосредоточеніе это оказывалось не своевременнымъ: непріятельскія войска уже успѣли сняться съ мѣстъ своего расположенія и находились въ полномъ отступленіи.

Произошло это вслѣдствіе атаки принца Евгенія Виртембергскаго, который, правильно оцѣнивая всю первостепенную важность *времени* при данныхъ условіяхъ, рѣшилъ, съ бывшими у него въ рукахъ двумя Тобольскими батальонами, броситься на врага, не выжидая подхода остальныхъ силъ своей дивизіи, въ надеждѣ, что либо они, либо весь IV-й корпусъ, не замедлятъ подойти и поддержать его.

Перейдя вбродъ притокъ Чернишни, рѣчку Десенку, тобольцы произвели рѣшительный натискъ въ направленіи на Рязанскій оврагъ, за которымъ устранивались отступившіе туда кирасиры Себастьяни; слѣва къ нимъ примкнулъ 4-й егерскій полкъ, который дѣйствовалъ противъ Тетеринки, гдѣ укрылась отступившая польская пѣхота. Послѣдняя, выбитая оттуда при содѣйствіи жаркаго огня трехъ орудій, бывшихъ въ распоряженіи принца, начала отходить въ западномъ направленіи, за рѣчку Чернишню; кирасиры же приведены были въ порядокъ вдоль самой дороги на Москву. Къ войскамъ, бывшимъ въ рукахъ Евгенія Виртембергскаго, примкнулъ еще 20-й егерскій полкъ, входившій, какъ извѣстно, въ составъ правой колонны Орлова-Денисова. Всего образовалось, такимъ образомъ, шесть слабыхъ батальоновъ, которые, хотя и съ поддержкою казаковъ, конечно не могли рѣшительно потѣснить лѣвый флангъ противника; благодаря этому войскамъ Мюрата удалось благополучно вытянуться на дорогу къ Москвѣ. Нѣсколько попытокъ помѣшать безпрепятственному отступленію этой колонны было все-таки сдѣлано. Самъ Толъ схватилъ конную батарею пол-

ковника Геринга, перевелъ её у деревни Кручи черезъ рѣчку и вывелъ на такую дистанцію, съ которой можно было обстрѣлять непріятельскую конницу, прикрывавшую движеніе французовъ по дорогѣ. Орловъ-Денисовъ, съ нѣсколькими казачьими полками, и Меллеръ-Закомельскій (командиръ I кавалерійскаго корпуса, бывшаго въ резервѣ праваго крыла) со своею конницею продвинулись восточнѣе деревни Гриневой и у села Богородскаго завязали бой съ французской кавалеріей Латуръ-Мобура; здѣсь особенно отличился беззавѣтною смѣлостью своихъ контръ-атакъ 6-й французскій кирасирскій полкъ; но тѣмъ не менѣе, въ конечномъ результатѣ, французская конница была отброшена.

Подъ прикрытіемъ этого кавалерійскаго боя, пододвинулась и пѣхота принца Евгенія. Молодцы-егеря 20-го полка съ пѣснями бросились на французскую батарею и взяли ее; но французская конница выбила нашихъ егерей съ большими потерями и отбила захваченныя орудія.

Пока мѣсть разыгрывались эти боевыя дѣйствія, Мюратъ успѣлъ вывести всѣ свои войска, бывшія у Винкова, черезъ лѣсъ, въ обходъ оврага у Богородскаго, на Московскую дорогу, послѣ чего они достигли села Спасъ-Купли, гдѣ и были вновь собраны и устроены Неаполитанскимъ королемъ.

Наше лѣвое крыло, при которомъ находился самъ главнокомандующій, такъ и не приняло совершенно никакого участія въ бою. Переправясь черезъ Нару и приблизясь къ рѣчкѣ Чернишнѣ, войска получили отъ фельдмаршала приказаніе остановиться. Милорадовичъ и Ермоловъ всячески упрашивали Кутузова, чтобы онъ дозволилъ атаковать противника, но получили въ отвѣтъ рѣшительный отказъ.

Объясненіе этому нѣкоторые видѣли въ донесеніи, доставленномъ партизаномъ полковникомъ княземъ Кудашевымъ, который перехватилъ предписаніе, данное маршаломъ Бертье генералу Аржану о направленіи всѣхъ обозовъ къ Можайску. Изъ этого распоряженія Наполеона Кутузову стало ясно, что французы готовятся съ минуты на минуту оставить Москву. Очевидно, что энергично преслѣдуя Мюрата, мы рисковали либо наткнуться на всѣ силы Наполеона, либо, что было бы еще хуже—пропустить ихъ на югъ.

Въ то же время Кутузовъ вполне успѣлъ убѣдиться въ неудачѣ обходнаго движенія праваго крыла, предводимаго Беннигсеномъ, и, слѣдовательно, рѣшительное наступленіе [съ фронта оказывалось уже бесполезнымъ...

Казачи Орлова-Денисова все-таки преслѣдовали французовъ до села Спасъ-Купли; корпуса II и IV, а также конница главныхъ силъ, дошли до Богородскаго; всѣ остальные силы были отведены обратно въ Тарутинскій лагерь.

Соединенный партизанскій отрядъ Дорохова не успѣлъ выйти на Московскую дорогу такъ, чтобы преградить Мюрату путь на Москву; только одна изъ казачьихъ партій этого отряда приняла участіе въ преслѣдованіи противника. Мюратъ спокойно отвелъ свои войска къ Воронову и занялъ тамъ довольно сильную позицію.

Въ Тарутинскомъ сраженіи непріятель понесъ урону около 1.000 человекъ убитыми и ранеными и болѣе 1.500 плѣнными. У французовъ былъ отбитъ казаками почетный штандартъ 1-го кирасирскаго полка съ надписями: Ульмъ, Ауэрштедтъ, Іэна, Эйлау и Ваграмъ. Кромѣ того взято 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ и множество повозокъ.

Наши потери были немного болѣе 1 тысячи человекъ.

Такимъ образомъ Тарутинское сраженіе разыгралось совершенно несогласно съ замысломъ составителей его плана, и французскому авангарду, вмѣсто задуманнаго полнаго разгрома, нанесено было только частичное пораженіе.

Но пораженіе это, если сосчитать только дѣйствительно участвовавшія въ бою наши войска, было нанесено *меньшими* силами... Сраженіе было наступательное; были взяты трофеи, плѣнные... Ясно, что такой результатъ поднялъ до чрезвычайности духъ нашихъ войскъ и настроеніе всей Россіи; поэтому съ точки зрѣнія духовно-нравственной—Тарутинскій бой былъ для насъ чрезвычайно важенъ...

Кутузовъ, который, какъ извѣстно, чутко относился ко всѣмъ явленіямъ, помощью которыхъ можно было играть на струнахъ человѣческаго сердца, торжествовалъ Тарутинскій бой, какъ полную

и рѣшительную побѣду. 7 октября въ войскахъ отслужень былъ благодарственный молебенъ, на которомъ присутствовалъ фельд-маршалъ со всѣми начальствующими лицами.

Донесеніе Кутузова о Тарутинскомъ боѣ было послано Государю, вмѣстѣ съ отбитымъ у французовъ штандартомъ, съ тѣмъ самымъ полковникомъ Мишб, который, по волѣ Императора Александра, какъ сообщившій печальное извѣстіе объ оставленіи Москвы, долженъ былъ быть и первымъ вѣстникомъ побѣды.

Отражая въ своемъ словесномъ докладѣ, дополнившемъ краткое донесеніе Свѣтлѣйшаго, то недовольство образомъ дѣйствій Кутузова, которое, со времени Тарутинскаго сраженія, возникло въ нашихъ штабахъ и среди большинства пылкихъ генераловъ нашихъ, стремившихся какъ можно скорѣе покончить съ непріятелемъ, Мишб горячо убѣждалъ Императора Александра лично стать во главѣ войскъ.

„Побѣда, нами одержанная,—говорилъ онъ—прекрасное состояніе нашихъ войскъ, ихъ духъ и общая преданность Вамъ, „подирѣпленія, ежедневно подходящія къ арміи, бѣдственное положеніе Наполеона, мѣры, принятыя Вашимъ Величествомъ для „отрѣзанія ему отступленія (объ этомъ планѣ Императора Александра см. далѣе),—все подаетъ несомнѣнную надежду, что „Наполеонъ будетъ со срамомъ изгнанъ изъ Россіи. Войска, увѣренныя въ успѣхѣ, знаютъ, что они всѣмъ обязаны усиліямъ „Вашего Императорскаго Величества и просятъ единственной „милости, чтобы Вы лично приняли начальство надъ арміей. „Присутствіе Вашего Величества сдѣлаетъ ихъ непобѣдимыми“.

Тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ, несмотря на личное свое нерасположеніе къ Кутузову, не остывшее въ немъ еще съ 1805 года, несмотря на то, что самъ только что выразилъ свое недовольство главнокомандующему по поводу бездѣйствія нашихъ главныхъ силъ въ особомъ рескриптѣ (приводимомъ нами ниже), имѣлъ въ себѣ настолько твердости и скромности, что уклонился отъ непосредственнаго управленія военными операціями, оставивъ ихъ по прежнему въ рукахъ избранника народнаго, каковымъ являлся Кутузовъ.

Какъ свидѣтельствуется въ своей собственноручной запискѣ Мишб, отвѣтъ ему Императора заключался въ слѣдующемъ:

„Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и Я не „менѣ другихъ и, если бы теперь увлекся этимъ чувствомъ, то „сѣлъ бы въ коляску съ вами и отправился въ армію. Принимая „во вниманіе невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли „непріятеля, отличный духъ арміи, неисчерпаемая средства Имперіи „и направленіе, данное Мною Дунайской арміи (объ этомъ см. въ „XVIII главѣ), Я несомнѣнно увѣренъ, что мы побѣдимъ, и „что намъ, послѣ всего сдѣланнаго, останется только, какъ вы „говорите, пожинать лавры. Знаю, что если Я буду при арміи, то „вся слава успѣха отнесется ко Мнѣ и что Я займу мѣсто въ „исторіи. Но, когда подумаю, какъ мало опытенъ Я въ военномъ „дѣлѣ въ сравненіи съ Наполеономъ и что, не взирая на добрую „волю мою, Я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется „драгоценная кровь дѣтей Моихъ, тогда, несмотря на Мое често- „любіе, Я готовъ охотно пожертвовать личною славою для „блага арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе Меня „достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его „съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ изгналъ непріятеля изъ „Россіи“.

Скромность Императора Александра тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что онъ несомнѣнно обладалъ, по свидѣтельству многихъ позднѣйшихъ военныхъ авторитетовъ (напримѣръ, ген. Н. П. Михневича), весьма выдающимся военнымъ талантомъ и стратегическими способностями. Способности эти выразились, между прочимъ, въ планѣ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, а также проявлены были неоднократно въ послѣдующей борьбѣ съ Наполеономъ 1813—14 годовъ на поляхъ Германіи и самой Франціи.

Въ то же время сдержанность Императора и оставленіе имъ командованія въ рукахъ Кутузова, несмотря на многочисленныя жалобы и навѣты по адресу фельдмаршала, доходившія до Государя, заслуживаетъ быть отмѣченною.

Кутузовъ, какъ мы уже не разъ указывали, таилъ свои планы и думы глубоко въ себѣ, никому ихъ не повѣряя; поэтому, естественно, что современники, не исключая и самого Государя, не понимали иногда его поступковъ и приписывали его медлительность чуть ли не дряхлости.

Находившійся при арміи въ качествѣ великобританскаго комиссара сэръ Робертъ Вильсонъ¹⁾ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Государю считалъ своимъ долгомъ „съ прискорбіемъ объявить“, что войска русскія „достойны имѣть и имѣють нужду „въ искуснѣйшемъ предводителѣ“. Вильсонъ обвинялъ Кутузова въ бездѣйствии послѣ Тарутинской побѣды (а также, впоследствии, и послѣ боя подъ Малоярославцемъ) и считалъ, что только „лѣта фельдмаршала и его физическая дряхлость могутъ нѣсколько послужить ему въ извиненіе“... Ключъ къ этимъ сѣтованіямъ Вильсона находится въ слѣдующей же фразѣ его письма, въ которой онъ „сожалѣеть“ о „той слабости, которая заставляеть его (Кутузова) говорить, что онъ не имѣеть иного желанія, какъ только того, чтобы непріятель оставилъ Россію, когда отъ него зависить избавленіе цѣлаго свѣта“.

Что же касается врага и завистника Кутузова, графа Беннигсена, всячески домогавшаго спихнуть Свѣтлѣйшаго и занять его мѣсто²⁾,—то онъ въ письмахъ къ женѣ прямо обвинялъ его въ трусости („Sa poltronerie passe déjà la permission d'être poltron“)... Беннигсенъ не ограничился этимъ: онъ лично написалъ Государю (послѣ полученія награды за Тарутино) и прямо обвинялъ Кутузова въ умышленномъ неподдержаніи его праваго крыла въ этомъ бою и вообще въ пагубномъ бездѣйствии, несмотря на всѣ сдѣланныя имъ, Беннигсеномъ, представленія. Беннигсенъ унижился до того, что приводилъ въ этомъ письмѣ подробности домашней жизни фельдмаршала, стараясь выставить его лѣнливымъ, распущеннымъ сибаритомъ.

Императоръ Александръ не только не придалъ значенія этому доносу, но прямо переслалъ это письмо фельдмаршалу, слѣдствіемъ чего было удаленіе Беннигсена изъ арміи.

¹⁾ Сэръ Робертъ Вильсонъ получилъ дозволеніе писать Императору Александру обо всемъ, заслуживающемъ вниманія. Будучи увлекающимся и не вполне безпристрастнымъ человѣкомъ, притомъ оцѣнивающимъ все исключительно съ точки зрѣнія однихъ англійскихъ интересовъ, Вильсонъ (письма котораго собраны А. Н. Дубровинымъ въ изданіи: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“) не можетъ отнюдь считаться источникомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія; но переписка его даетъ много характерныхъ подробностей, зачастую проливающихъ свѣтъ на событія войны.

²⁾ Между прочимъ, Беннигсена въ своихъ письмахъ къ Государю усердно выдвигалъ тотъ же Вильсонъ.

Мы упоминали выше о рескриптѣ Императора Александра, полученномъ Кутузовымъ уже послѣ Тарутина, въ которомъ высказывалось недовольство по поводу бездѣтельности арміи. Въ этомъ рескриптѣ, несомнѣнно навѣянномъ вѣстями, доходившими до Государя изъ арміи помимо фельдмаршала, прямо указывалось, что „когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы“ и „когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ съ своею гвардіею, „возможно ли, чтобы силы непріятельскія, находящіяся передъ „вами, были значительны и не позволяли вамъ дѣйствовать наступательно...“

„Вспомните (заклучалъ свой рескриптѣ Императоръ Александръ), что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству „въ потерѣ Москвы.

„Вы имѣли опыты Моей готовности васъ награждать. Сія „готовность не ослабнетъ во Мнѣ, но Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которыхъ умъ вашъ, воинскіе таланты ваши и храбрость войскъ, „вами предводительствуемыхъ, намъ предвѣщаютъ“.

Изъ всего вышеизложеннаго очевидно, до какой степени трудно и тяжело было въ этотъ критическій періодъ войны положеніе фельдмаршала, которому приходилось одному выносить на своихъ плечахъ все огромное бремя отвѣтственности за послѣдующія событія и который не находилъ въ данное время почти ни въ комъ изъ своихъ приближенныхъ сочувствія. Избранный имъ лозунгъ „терпѣніе и время“ не могъ быть по сердцу пылкимъ, увлекающимся, молодымъ умамъ его ближайшихъ сподвижниковъ, которые охвачены были пламенемъ патріотической ревности, жаждою славы и стремленіемъ къ отличіямъ.

Отлагая до конца нашего труда общую оцѣнку дѣятельности Кутузова, какъ полководца, въ 1812 году, мы ограничимся здѣсь приведеніемъ оцѣнки нашего маститаго военнаго мыслителя, Г. А. Леера, который говоритъ о Кутузовѣ слѣдующее:

„Видя, что непріятельская армія разлагается, что окончательное разрушеніе ея есть только вопросъ времени и предпочитая „скромное „върнов“ блеску „невѣрнаго“, Кутузовъ, въ союзѣ со „временемъ, отчасти съ зимой, и превосходными мѣрами, приня-

„тими для преслѣдованія, безпрестаннаго тревоженія непріятелиа „и угроженія его пути отступленія, не рискуя битвой, остался „вѣренъ идеѣ дѣйствія всѣми силами и способами на сообщенія „непріятелиа. И онъ былъ вполнѣ правъ“.

Этой идеей прежде всего объясняется нежеланіе Кутузова и подѣ Тарутинымъ, и во всѣхъ положительно дальнѣйшихъ обстоятельствахъ послѣдующаго періода войны, рисковать рѣшительнымъ боемъ, при чемъ всякій разъ приходилось у него вырывать согласіе на рѣшительныя дѣйствія, и онъ всѣми мѣрами старался удерживать войска отъ напрасныхъ, по его мнѣнію жертвъ.

„Все это развалится и безъ меня“, неустанно повторялъ престарѣлый фельдмаршалъ, который, съ прозорливостью русскаго ума и глубокаго государственнаго человѣка, стремился только къ изгнанію непріятелиа изъ Россіи, а вовсе не къ „избавленію цѣлаго свѣта“.

* * *

По полученіи извѣстія о Тарутинской побѣдѣ Императоръ Александръ тотчасъ же щедро наградилъ Кутузова и прочихъ участниковъ боя. Кутузову была пожалована золотая, усыпанная брилліантами, шапага, съ лавровымъ вѣнкомъ, при чемъ въ собственноручномъ Высочайшемъ рескриптѣ было сказано:

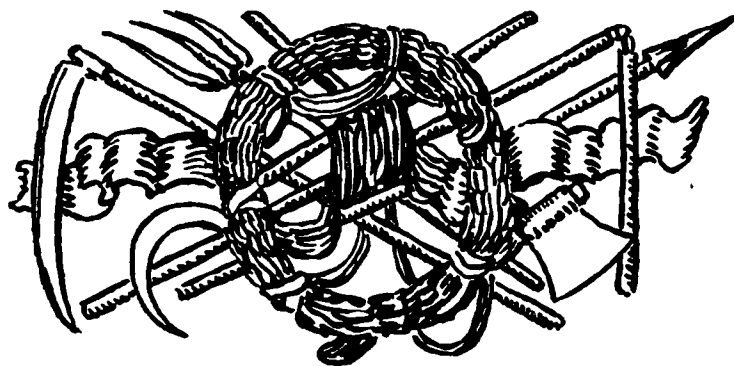
„Побѣда, одержанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала не- „сказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, „долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. „Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и со спасе- „ніемъ Европы“.

Несомнѣнно, что Тарутинское сраженіе, несмотря на неполноту достигнутаго успѣха, имѣло одно, огромное для насъ, значеніе: это значеніе общаго *подъема духа*. Послѣ шести недѣльнаго перерыва въ крупныхъ военныхъ операціяхъ, первый серьезный бой ведень былъ нами наступательно и, если не завершился, какъ можно было рассчитывать, полнымъ разгромомъ непріятелиа, то все же привелъ къ спѣшному его отступленію и доставилъ намъ солидные трофеи.

Наполеонъ получилъ извѣстіе о сраженіи подѣ Тарутинымъ въ тотъ же самый день, во время производства имъ въ Кремль

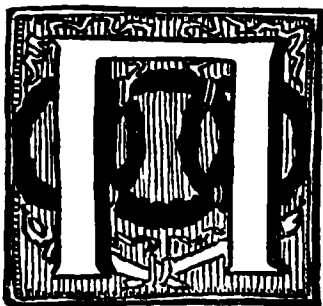
смотря корпусу Нея. Это заставило Императора тотчас же прекратить смотръ и заняться спѣшными распоряженіями по немедленному выступленію арміи изъ Москвы.

Таковъ былъ стратегическій результатъ Тарутинскаго боя, результатъ для насъ, въ сущности, невыгодный, какъ это и предвидѣлъ Кутузовъ, ибо затягиваніе пребыванія въ Москвѣ разслабляло французскую армію.

Заключительные выводы о втором периодъ кампаніи.

ервый периодъ отечественной войны закончился съ соединеніемъ нашихъ армій подъ Смоленскомъ, что измѣнило въ благопріятную сторону наше стратегическое положеніе.

Второй периодъ войны можно считать до выступленія французовъ изъ Москвы, такъ какъ этотъ периодъ характеризуется общимъ стремленіемъ Наполеона добиться захвата этой столицы въ цѣляхъ понужденія насъ къ миру и для доставленія матеріальныхъ удобствъ своей арміи.

Въ томъ и въ другомъ великому полководцу пришлось разочароваться, что и повлекло за собою третій периодъ: „отступленіе великой арміи“.

Приостановка Наполеона передъ Смоленскомъ въ самое благопріятное время года породила у насъ намѣреніе перейти въ наступленіе. Намѣреніе это, возникшее подъ давленіемъ извнѣ

со стороны общественнаго мнѣнія и явно выраженнаго желанія самого Государя, не соответствовало, однако, обстановкѣ и потому выполнялось вяло и неувѣренно, съ постоянными колебаніями.

Наполеонъ отвѣтилъ смѣлымъ стратегическимъ обходомъ всѣми силами, съ направленіемъ удара прямо на Смоленскъ, стараясь отрѣзать насъ отъ Москвы. Изъ положенія, близкаго къ критическому, мы вышли благодаря самоотверженію отряда Невѣровскаго, доблести и самодѣятельности Раевского, Дохтурова, принца Виртембергскаго и другихъ генераловъ, на долю которыхъ выпало отстаивать Смоленскъ, а также необычайной стойкости и упорству войскъ, не щадившихъ себя въ борьбѣ за старую русскую твердыню.

Защитники Смоленска приняли на грудь свою всю тяжесть удара всей Наполеоновой арміи и дали возможность остальнымъ силамъ нашимъ возвратиться и обезпечить путь на Москву. Дальнѣйшее отступленіе, несмотря на рядъ отдѣльныхъ неблагопріятныхъ случайностей, удалось благополучно выполнить, и выходъ арміи на Московскую дорогу былъ успѣшно прикрытъ, благодаря находчивости нашихъ частныхъ начальниковъ съ одной и ошибкамъ французскихъ маршаловъ съ другой стороны.

Овладевъ Смоленскомъ, Наполеонъ колеблется нѣкоторое время — продолжать ли преслѣдованіе русской арміи, или ограничиться на этотъ годъ достигнутыми огромными территоріальными пріобрѣтеніями и прочно обосноваться въ захваченной части русской земли, подготовивъ за зиму свой тылъ къ дальнѣйшему наступленію. Но болѣе благоразумный планъ этотъ имъ оставленъ. Онъ рассчитываетъ непрерывнымъ продолженіемъ преслѣдованія вынудить таки русскихъ принять рѣшительный бой, который долженъ дать ему побѣду, а за ней—Москву, какъ ключъ къ желанному выгодному миру. Добиться такого мира съ Россіей и притомъ безъ проволочки во времени необходимо ему для поддержанія своей власти и своего престижа въ Европѣ; пріостановка наступленія и отсрочка его до слѣдующаго года въ противность доселѣ привычному Наполеону образу веденія войны, произвели бы, несомнѣнно, крайне невыгодное впечатлѣніе, не только на всю Европу, но и во Франціи, а также въ средѣ его собственныхъ войскъ, дѣйствуя въ то же

время ободряюще на Россію и русскую армію и давая имъ въ руки время для подготовки новыхъ средствъ въ цѣляхъ усиленія защиты отечества...

Поэтому Наполеонъ вознамѣрился рискнуть покончить дѣло безотлагательно и неотступно насъ преслѣдовать. У насъ сложилось къ этому времени рѣшеніе, какъ разъ соответствующее его видамъ. Генеральный бой въ принципѣ принятъ рѣшено: этого требуетъ вся Россія, хотя, въ сущности, это рѣшеніе идетъ въ разрѣзъ съ общей идеей завлеченія Наполеона возможно дальѣе вглубь страны, идеей, которая, пожалуй еще безсознательно, но уже начинаетъ управлять нашими дѣйствіями.

Для русскихъ людей и русскаго воинства мысль объ отдачѣ безъ боя Москвы съ ея искони чтимыми всѣмъ православнымъ русскимъ людомъ святынями, была нестерпима; поэтому Бородинскій бой, данный нами Наполеону, былъ неизбеженъ, въ качествѣ искупительной жертвы за уступку противнику первопрестольной столицы.

Бородинской битвѣ предшествовала смѣна у насъ главнокомандующаго, вѣрнѣе — объединеніе власти въ рукахъ одного лица, намѣченнаго голосомъ народнымъ.

Съ осуществленіемъ этой мѣры наши дѣйствія постепенно принимаютъ характеръ планомерности, а со времени уступки Москвы окончательно усваивается нами правильная и единственно при данныхъ условіяхъ возможная система борьбы съ нашествіемъ: „*постепенное истребленіе непріятеля*“. Мысль объ этомъ, какъ мы и указывали въ своемъ мѣстѣ, несомнѣнно была у Кутузова и притомъ съ самаго начала; но способы достиженія этой цѣли вытекали, такъ сказать, изъ хода самыхъ событій, за которыми зорко слѣдилъ проницательный умъ главнокомандующаго, который и пользовался ими, согласуя наши дѣйствія съ этой руководящей идеей.

Бородинскій бой былъ данъ Кутузовымъ, какъ и наступленіе Барклая отъ Смоленска, въ видѣ уступки общественному мнѣнію; но фельдмаршалъ приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы добиться наивысшаго напряженія энергіи со стороны войскъ и, если не вырвать у врага полную побѣду, то, по крайней мѣрѣ нанести ему невозможно большій вредъ.

*

Съ этой точки зрѣнія Бородинское сраженіе доставило намъ болѣе выгодъ, чѣмъ нашему противнику, такъ какъ невѣроятныя усилія и тяжкія потери, понесенныя въ немъ французами, не окупили собою плодовъ его, а между тѣмъ настолько потрясли армію Наполеона, что ей потребенъ былъ основательный отдыхъ для уврачеванія ея ранъ.

Бородинскій бой, несмотря на допущенныя въ немъ съ нашей стороны ошибки, является вѣковѣчнымъ памятникомъ русской доблести, русской способности къ самопожертвованію и русскаго творчества. Въ этомъ безпримѣрномъ по кровопролитію боевомъ столкновеніи проявлены отдѣльными начальниками находчивость и искусство, а войсками оказано столько подвиговъ, что одинъ этотъ бой самъ по себѣ уже составляетъ блестящую страницу нашей боевой славы.

Со стороны французовъ и ихъ геніальнаго предводителя выказано было не меньше доблести и искусства, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ; но всѣ усилія, какъ о стальную стѣну, разбились въ прахъ о несокрушимую стойкость русскаго воинства, сила духа котораго достигла въ этотъ день такого напряженія, которое едва ли повторяется въ исторіи.

Отдача Москвы, съ которой такъ трудно и тяжело было мириться русскому народу и за которую такъ жестоко упрекали Кутузова такіе близорукіе люди, какъ графъ Растопчинъ, была, въ сущности, предрѣшена еще до Бородинскаго боя; поэтому жертвы, понесенныя въ немъ „великою арміей“, были, въ сущности, для нея бесполезны. Русскіе въ этомъ бою, несмотря на то, что уложили въ немъ едва не половину своихъ силъ, не были въ такой степени потрясены и поколеблены, какъ французы. Пополненіе потерь для насъ, при близости и достаточной степени готовности нашихъ почти что неисчерпаемыхъ подкрѣпленій, не представляло особыхъ затрудненій: это являлось только вопросомъ *времени*. А его предвидѣлось въ достаточномъ количествѣ, ибо противникъ тянулся къ желанному отдыху въ Москвѣ.

Разъ отдача послѣдней была неизбѣжна, то, слѣдовательно, исходя изъ усвоенной Кутузовымъ общей руководящей идеи, надлежало стремиться теперь къ одному: сдѣлать этотъ вождедѣльный отдыхъ въ Москвѣ наименѣе успѣшнымъ для противника.

Въ этомъ отношеніи наблюдается поразительное, едва ли гдѣ въ исторіи повторяющееся явленіе: единодушныя и согласныя дѣйствія всего безъ исключенія населенія страны, направленныя къ тому, чтобы всѣми возможными средствами, цѣною всяческихъ жертвъ и при полномъ отрѣшеніи отъ личныхъ интересовъ добиться той цѣли, которая выражена Кутузовымъ въ приведенныхъ выше словахъ: „*постепенное истребленіе*“ врага.

Замѣчательнѣе всего то, что въ этомъ отношеніи главную роль играла не правительственная инициатива, не призывъ сверху, не руководящая дѣятельность лицъ и чиновъ, облеченныхъ властью, а самопочинъ народный, въ лицѣ прежде всего тѣхъ двухъ главныхъ сословій, на которыхъ держится наша земледѣльческая держава: помѣстнаго дворянства и крестьянства.

То, что Кутузовъ, избранникъ народный, положилъ въ основу своихъ дѣйствій по зрѣломъ размышленіи, народъ понялъ чутьемъ и немедленно сталъ приводить въ исполненіе. Пожаръ Москвы, систематическое разореніе страны, партизанская и народная война— все въ общей совокупности своей направлено было къ тому, чтобы истощить, обезсилить врага, дабы довести его до такого состоянія, которое дозволило бы съ нимъ вѣрнѣе справиться. Всѣ отдѣльныя, по внѣшности разрозненныя дѣйствія этого періода войны, повидимому между собою нисколько не согласованныя, въ дѣйствительности объединены одною общою мыслью и строго логически послѣдовательны.

Такъ, мнимая готовность Кутузова принять посланнаго Наполеона и его искусное веденіе съ нимъ переговоровъ, которое, при полномъ сохраненіи достоинства Россіи, все же давало противнику нѣкоторый намекъ на возможность осуществленія его вождедѣній — скрывали за собою опредѣленную цѣль: удержать какъ можно дольше французовъ въ Москвѣ, пребываніе въ которой именно и вело къ „постепенному истребленію“.

По той же причинѣ Кутузовъ не сочувствовалъ Тарутинскому наступленію, опасаясь, что нанесеніе серьезнаго пораженія Мюрату всполошитъ Наполеона и ускоритъ его выходъ изъ Москвы.

Наряду съ этимъ стремленіемъ постепенно истощить силы противника самъ Императоръ Александръ разрабатываетъ (какъ видно будетъ изъ слѣдующей главы) обширный планъ перехвата Наполеону путей отступленія, загражденія ему выхода изъ Россіи.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ основной идеей истощенія и изнуренія противника находится и та основная мысль Кутузова— не пропустить Наполеона въ наши обильныя запасы южныя губерніи,— которую онъ неуклонно проводитъ съ момента своего знаменитаго фланговаго марша за Красной Пахрой и вплоть до самаго окончанія войны.

Передвиженіе нашей арміи съ Рязанской дороги на Калужскую уже какъ бы предрѣшало весь тотъ образъ дѣйствій, котораго неизмѣнно въ послѣдующемъ держался Кутузовъ. Стремясь только къ „постепенному истребленію“ непріятели и къ вынужденію его покинуть предѣлы Россіи, фельдмаршалъ противился, насколько могъ, всякому сколько нибудь рискованному шагу, считая армію послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ козыремъ въ игрѣ, пускать который въ дѣло слѣдуетъ только въ крайнемъ случаѣ; а пока мѣсть подготовлялъ такую обстановку, которая *вынудила бы* Наполеона, при выходѣ его изъ Москвы, вернуться на прежнюю, уже разоренную имъ же, Смоленскую дорогу...

Въ противоположность единодушію и логической послѣдовательности всѣхъ дѣйствій у насъ, Наполеонъ, какъ только расчеты его на скорый миръ не оправдались, начинаетъ предаваться колебаніямъ.

Первоначальное и наиболѣе благоразумное рѣшеніе — перезимовать въ Смоленскѣ — бросается; надежда на быстрый миръ толкаетъ Наполеона скорѣе къ Москвѣ, и онъ пускается, собственно говоря, въ авантюру. До Смоленска онъ, все-таки, методически подвигался впередъ и систематически обезпечивалъ свой тылъ; отъ Смоленска уже онъ бросается за нами очертя голову, ища только побѣдоноснаго боя; проницательный же Кутузовъ, быть можетъ даже и съ сознательнымъ умысломъ, дотягиваетъ его до Бородина, близость котораго къ Москвѣ дѣлала силу притяженія къ ней для французовъ непреодолимой...

Наполеонъ былъ увѣренъ, что если займетъ Москву, то „поразитъ Россію въ сердце“ и что вся страна, во главѣ съ Императоромъ Александромъ, будетъ настолько потрясена, что къ нему не замедлятъ обратиться съ мирными предложеніями.

То, что случилось вмѣсто этого, было для него полнѣйшей неожиданностью. Москва оказалась сдана пустынной и разоренной, а вслѣдъ затѣмъ — и сожженной. Вмѣсто отдыха и доволь-

„Съ оружіемъ въ рукахъ? — разстрѣлять!“

Рис. В. В. Верещагинъ.

ства, пребываніе здѣсь довершило только истощеніе и разстройство арміи, деморализованной грабежомъ. Притокъ всего необходимаго извнѣ былъ до крайности труденъ, такъ какъ точно изъ подъ земли выростали повсемѣстно партизаны, смѣлость и назойливость которыхъ переходила всякія границы. А за ними слѣдомъ шель озлобленный, бездомный народъ, поднявшійся чуть не поголовно, съ оружіемъ въ рукахъ. Французская армія внезапно очутилась въ Москвѣ въ положеніи осажденной, несмотря на полное бездѣйствіе собиравшейся съ силами русской арміи.

Наконецъ, въ тылу у французовъ назрѣвала для нихъ великая опасность. Съ приходомъ на театръ войны Дунайской арміи адмирала Чичагова, а также съ усиленіемъ подкрѣпленіями корпуса Витгенштейна, силы нашихъ фланговъ настолько возросли, что стали превосходить собою оставленныя Наполеономъ для обезпеченія его сообщеній. Предотвратить ударъ съ этой стороны ему было нечѣмъ; самому руководить дѣйствіями этихъ разрозненныхъ силъ было невозможно; полагаться же на искусство и находчивость своихъ частныхъ начальниковъ, между собою рѣдко согласныхъ, было дѣломъ крайне сомнительнымъ.

Грозное значеніе такого положенія вещей и печальное состояніе „великой арміи“, въ которомъ онъ ежечасно убѣждался, не скрылись отъ сознанія великаго полководца. Онъ почувствовалъ, что близокъ къ уtratѣ всего своего величія, всей своей власти.

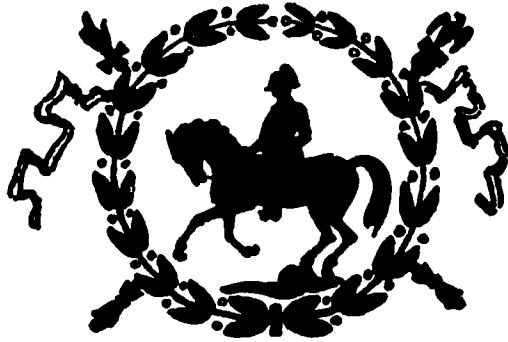
Рядъ смѣняющихся другъ за другомъ рѣшеній и плановъ свидѣтельствуеетъ о пережитыхъ имъ колебаніяхъ. Наконецъ, онъ, выставлявшій себя передъ всей Европой побѣдителемъ Россіи, вынужденъ первый сдѣлать попытку къ мирнымъ переговорамъ и вскорѣ потерпѣть жестокой ударъ по самолюбію, такъ какъ предложенія эти даже не удостоились отвѣта.

Последнее рѣшеніе, принятое Наполеономъ еще прежде и приведеніе въ исполненіе котораго ускорилося вѣстью о Тарутинскомъ сраженіи, было: выступать изъ погибельной для него Москвы.

Но направленіе дальнѣйшаго движенія еще вполне не уяснилось.

Во всякомъ случаѣ, если благоразуміе и требовало отступленія, хотя бы сперва къ Смоленску, то надлежало всячески скрыть это по моральнымъ соображеніямъ: такое извѣстіе подѣйствовало бы подавляюще на духъ войскъ, а въ Европѣ потрясло бы престижъ и власть Наполеона.

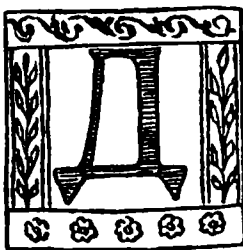
Мы увидимъ въ послѣдствіи, какими мѣрами пытался Наполеонъ какъ можно долѣе скрывать эту убійственную для него истину....

Планъ Императора Александра. Распоряженія для его осуществленія.

Положеніе дѣлъ въ тылу французской арміи со времени занятія ею Москвы. Мѣры, принятыя Наполеономъ для обезпеченія сообщеній.

ля выясненія обстоятельствъ, при которыхъ возникъ тотъ, лично составленный Императоромъ Александромъ, стратегическій планъ, при помощи котораго предполагалось окончательно сокрушить „великую армію“ и, въ случаѣ полного успѣха, довести дѣло до совершеннаго низложенія власти Наполеона, необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

Первое извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, пришедшее въ Петербургъ, произвело впечатлѣніе побѣды. Дѣйствительно, какъ мы знаемъ, Кутузовъ съ поля сраженія доносилъ, что упорныя атаки превосходнаго въ числѣ непріятели разбились о стойкость русской арміи, которая удержала за собою всѣ пункты занимаемой ею позиціи.

Тотчасъ по полученіи этихъ свѣдѣній и еще прежде, чѣмъ дошла до Петербурга вѣсть объ оставленіи Москвы, въ главную квартиру Кутузова былъ отправленъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, представившій фельдмаршалу Высочайшій рескриптъ Императора съ планомъ дѣйствій, изложеннымъ въ формѣ повелѣній, данныхъ главнокомандующимъ арміями, дѣйствовавшими на флангахъ.

Вынужденный, вслѣдствіе занятія Москвы французами, слѣдовать кружнымъ путемъ, Чернышевъ попалъ въ главную квартиру незадолго до Тарутинскаго сраженія.

Сущность этого плана заключалась въ сосредоточеніи значительныхъ силъ противъ корпусовъ, оставленныхъ Наполеономъ для обезпеченія своего тыла съ тѣмъ, чтобы, разбивъ и вытѣснивъ ихъ изъ предѣловъ Россіи, преградить путь отступленія главной арміи самого Наполеона и поставить её между двухъ огней. Сосредоточеніе это достигалось усиленіемъ нашихъ фланговыхъ армій, Витгенштейна и Торماسова (вскорѣ смѣненнаго Чичаговымъ). Означенный Высочайшій рескриптъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Князь Михаиль Илларионовичь! Изъ послѣдняго донесенія „вашего усматриваю, съ какимъ постояннымъ мужествомъ войска, „вамъ ввѣренныя, преодолѣвали быстрое на нихъ нападеніе 24 и „26 августа, и сколь значительна должна простираться потеря „непріятеля убитыми и ранеными.

„Основываясь на семъ заключеніи, остаюсь въ надеждѣ, что „военная прозорливость ваша, преградивъ успѣхи непріятеля, удержитъ и дальнѣйшее его вторженіе.

„Въ сіе самое время, счелъ я полезнымъ препроводить къ „вамъ нѣкоторыя примѣчанія для операціоннаго плана наступа- „тельныхъ дѣйствій армій генерала Тормасова, адмирала Чичагова „и корпусовъ графа Витгенштейна и графа Штейнгеля, отдѣляе- „маго изъ Риги, гдѣ состоящій нынѣ корпусъ усилится прибыв- „шими изъ Финляндіи войсками.

„Есть-ли вы, по соображенію вашему, найдете исполненіе „сего плана удобнымъ, на таковой случай, для произведенія сего „въ дѣйство, предлагаю вамъ проекты и самыхъ по сему пред- „писаній.

„Изъ сего плана усмотрите вы, что главныя дѣйствія пред-
 „полагается произвести арміею адмирала Чичагова, то слѣдующее
 „ему на сей случай повелѣніе доставляю вамъ за Моей подписью,
 „въ которомъ не опредѣлено время его дѣйствія, ибо сіе подле-
 „жить собственному соображенію вашему, а для сего въ пове-
 „лѣніи семъ и выставлены означающія сіе время числа единственно
 „на карандашѣмъ.

„Къ удобнѣйшему выполненію сего плана сдѣланы слѣдующія
 „распоряженія.

„Состоящія нынѣ войска въ Ригѣ усиливаются перевезеннымъ
 „изъ Финляндіи въ Ревель корпусомъ въ числѣ 14 тысячъ со-
 „стоящимъ.

„Корпусъ сей, находящійся подъ командою генераль-лейте-
 „нанта графа Штейнгеля, прибывъ уже въ Ревель 26 числа сего
 „мѣсяца, выступитъ изъ онаго черезъ Перновъ въ Ригу.

„Корпусъ же графа Витгенштейна усиливается отправля-
 „ющимися 3 и 5 сентября изъ С.-Петербурга войсками, состоя-
 „щими въ числѣ 19 тысячъ человекъ, кои придутъ въ Себежъ
 „25-го, а въ Великіе Луки 24 сентября.

„О составѣ же сихъ войскъ и о настоящемъ ихъ числѣ, при-
 „лагается у сего особая подробная записка.

„Наконецъ, прилагаю вамъ копіи съ донесеній адмирала Чи-
 „чагова, таковыхъ же въ подлинникѣ отъ генераль-лейтенанта
 „Эртеля и вѣдомости о числѣ войскъ, въ ихъ командѣ со-
 „стоящихъ.

„Все сіе отправляю я вамъ съ флигель-адъютантомъ Моимъ,
 „полковникомъ Чернышевымъ, коему, по извѣстной Мнѣ его
 „скромности въ испытанныхъ уже прежде сего порученіяхъ,
 „прочтенъ Мною проектъ сего плана, дабы онъ могъ, по требо-
 „ванію вашему, дать вамъ всѣ нужныя разъясненія. Есть-ли планъ
 „сей вами признанъ будетъ полезнымъ, то отправьте флигель-
 „адъютанта Чернышева къ адмиралу Чичагову“.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

С.-Петербургъ,
 августа 31 дня 1812 года.

Въ планѣ предполагалось, что послѣ Бородинскаго боя французская армія отступила по Смоленской дорогѣ. Такое предположеніе не сходилось съ дѣйствительностью: французы заняли Москву и сохраняли, повидимому, угрожающее для насъ положеніе. Но главныя данныя, ложившіяся въ основаніе плана, т. е. значительная длина сообщеній противника и крайняя ихъ чувствительность, не только существовали въ полной силѣ, но значеніе ихъ, за время пребыванія французовъ въ Москвѣ и съ момента возникновенія партизанской и народной войны, еще болѣе возросло.

Поэтому Кутузовъ, которому, какъ видно изъ вышензложеннаго, предоставлена была Императоромъ Александромъ полная свобода рѣшенія, призналъ возможнымъ принять къ исполненію предложенный Государемъ планъ въ неизмѣненномъ видѣ, за исключеніемъ только чиселъ въ предписаніяхъ, которыя были имъ отсрочены на 5 сутокъ.

Въ донесеніи своемъ о вызванныхъ планомъ распоряженіяхъ Кутузовъ, между прочимъ, писалъ:

„Я оставилъ планъ сей, объясненный мнѣ подробно Чернышевымъ, въ полной его силѣ. Сказать должно, что *отдаленныя диверсіи отъ главнаго дѣйствія войны не могутъ имѣть надъ нею такою вліянія, какъ ближнія*; для того, если бы случились препятствія въ подробномъ исполненіи плана, даннаго адмиралу Чичагову, то въ такомъ случаѣ все однакожь не долженъ онъ потерять изъ вида перейти на непріятельскую операціонную линію, или соображаясь съ арміею графа Витгенштейна, или, сколь можно скорѣе приблизиться къ окрестностямъ Могилева; симъ заботливѣе сдѣлается положеніе непріятельскихъ силъ, и тѣмъ скорѣе вынужденнымъ онъ будетъ оставить сердце „Россіи“.

Подробности исполненія плана Императора Александра намѣчались слѣдующимъ образомъ.

Главныя дѣйствія возлагались на Дунайскую армію адмирала Чичагова, которая, тотчасъ по заключеніи мира съ Турціей, выступила 19 іюля изъ Валахіи и къ 9 сентября прибыла къ линіи р. Стырь.

Чичаговъ долженъ былъ, подъ прикрытіемъ третьей западной арміи Тормасова, двинуться съ Волини черезъ Пинскъ на Несвижъ и, обойдя лѣвый флангъ австро-саксонцевъ, грозить ихъ сообщеніямъ. Соединясь затѣмъ съ третьей арміей и выдѣливъ часть силъ въ качествѣ заслона противъ Шварценберга, Чичаговъ долженъ былъ черезъ Минскъ направиться къ линіи рѣки Березины, притянувъ къ себѣ по пути отъ Мозыря корпусъ генерала Эртеля. На Березинѣ онъ долженъ былъ подготовить линію рѣки къ оборонѣ, устроить у Борисова укрѣпленный лагерь и войти въ связь съ Витгенштейномъ, который къ этому времени уже долженъ былъ овладѣть линіей рѣки Уллы.

Чичагову указывалось также, что ему не слѣдуетъ ограничиваться укрѣпленіями у Борисова, а что необходимо усилить всѣ удобныя позиціи между Березиной и Бобромъ, дабы имѣть возможность еще *впереди* Березины оказать французамъ сопротивленіе и затруднить ихъ отступленіе.

Содѣйствовать Чичагову должна была третья армія, прикрывая его тылъ со стороны австро-саксонцевъ и наблюдая теченіе Березины въ направленіи къ Бобруйску.

Корпусу графа Витгенштейна по плану Императора Александра назначалась также весьма выдающаяся роль. На усиленіе корпуса направлены были сильныя подкрѣпленія *), по присоединеніи которыхъ онъ долженъ былъ овладѣть Полоцкомъ, отбросить С. Сира на западъ и совершенно разобщить его отъ главныхъ силъ французовъ. По выполненіи этой ближайшей задачи, Витгенштейнъ долженъ былъ быстро продвигнуться въ направленіи на Докшицы и, занявъ теченіе рѣки Уллы, войти въ связь съ Чичаговымъ и преградить французамъ доступъ на западъ въ промежутокъ между Березиной и Двиной.

Содѣйствовать Витгенштейну долженъ былъ корпусъ Штейнгеля (15 тыс. чел.), который, будучи перевезенъ моремъ въ Ревель и продвигнутъ къ Ригѣ, по соединеніи съ гарнизономъ послѣдней, направленъ былъ вдоль лѣваго берега Двины, чтобы сперва оттѣснить Макдональда къ югу, а затѣмъ принять на себя отброшенный корпусъ С. Сира и постараться, продолжая его пре-

*) Объ этомъ подробно сказано ниже.

слѣдованіе, оттѣснить его за Нѣманъ. По выполненіи всего этого, Штейнгель долженъ былъ оставаться въ Вильнѣ, служа резервомъ обѣимъ арміямъ, направленнымъ въ тылъ Наполеона.

Точно также оставленной противъ Ренье и Шварценберга части войскъ третьей арміи назначалось оттѣснить австро-саксонцевъ за Бугъ, послѣ чего оставаться у Несвижа, служа резервомъ Чичагову.

Что же касается главныхъ силъ Кутузова, то на нихъ, согласно того же плана, возлагалось преслѣдованіе „великой арміи“ съ фронта.

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ, предполагалось преградить Наполеону выходъ изъ Россіи путемъ занятія войсками Чичагова съ одной (южной) и Витгенштейна съ другой (сѣверной) стороны оборонительной линіи рѣкъ Березины и Уллы; самое сосредоточеніе этихъ войскъ, которыхъ, по расчетамъ Императора Александра, должно было собраться до 160 тысячъ, намѣчалось къ 20 октября.

Оцѣнивая этотъ грандіозный планъ, нельзя не замѣтить прежде всего, что, отличаясь широтою и смѣлостью замысла, онъ совершенно соотвѣтствовалъ условіямъ сложившейся обстановки, ибо билъ въ самую чувствительную точку противника, въ его, такъ сказать, Ахиллесову пята.

Дѣйствительно, пока Наполеонъ наступалъ до Смоленска, его сообщенія, не будучи еще чрезмѣрно удлинены и будучи достаточно прочно прикрыты выдѣленными для этой цѣли войсками, могли считаться довольно хорошо обезпеченными *). Но съ дальнѣйшимъ углубленіемъ „великой арміи“ внутрь Россіи опасность быстро росла, такъ какъ коммуникаціонная линія удлинялась, а численность арміи быстро падала, и новыхъ крупныхъ силъ для обезпеченія сообщеній уже выдѣлено быть не могло. Находясь же въ Москвѣ, Наполеонъ со своими главными силами былъ уже въ 400 верстахъ отъ послѣдней своей промежуточной базы — Смоленска.

*) О мѣрахъ, принятыхъ имъ въ этомъ отношеніи, изложено подробно ниже въ этой же главѣ.

Назначенныя Императоромъ Александромъ силы для приведенія въ исполненіе его замысла, повидимому, вполне обеспечивали успѣхъ. Благодаря подкрѣпленіямъ, а также привлеченію на театръ войны Дунайской арміи и финляндскаго корпуса Штейнгеля, рѣшительный перевѣсъ надъ войсками, прикрывавшими тылъ Наполеона, былъ, повидимому, внѣ сомнѣнія.

Самый выборъ стратегической позиціи для прегражденія французамъ пути отступленія сдѣланъ былъ весьма искусно, соображаясь въ полной мѣрѣ съ условіями мѣстности.

Дѣйствительно, отъ Смоленска къ Вильнѣ операционная линія (направленіе дѣйствій) Наполеона проходила черезъ промежутокъ между теченіями рѣкъ Западной Двины и Днѣпра, первой — отъ Велижа до Бѣшенковичъ и второго — отъ Смоленска до Орши. Для своего отступленія отъ Смоленска Наполеонъ могъ избрать одну изъ двухъ слѣдующихъ главныхъ дорогъ: или черезъ Витебскъ—Бочейково—Глубокое (какъ наступалъ онъ самъ лѣтомъ) или черезъ Оршу—Борисовъ и Минскъ (какъ шелъ его корпусъ Даву). Послѣдній путь былъ болѣе важенъ, такъ какъ именно на немъ были устроены главные склады продовольствія, и онъ былъ, такъ сказать, оборудованъ въ качествѣ коммуникаціоннаго пути. Первая изъ этихъ дорогъ пересѣкалась теченіемъ рѣки Уллы, вторая—теченіемъ рѣки Березины; обѣ эти рѣки, образуя общую оборонительную линію, пересѣкали вообще всѣ дороги, ведущія съ востока на западъ въ промежуткѣ между вышеназванными участками Западной Двины и Днѣпра.

Итакъ, по смѣлости и правильности идеи, положенной въ его основаніе, по силамъ, назначеннымъ для его выполненія, наконецъ — по выбору стратегической позиціи для войскъ, отряжаемыхъ въ тылъ Наполеону, планъ Императора Александра вполне соотвѣтствовалъ сложившимся условіямъ и сулилъ самыя рѣшительныя послѣдствія.

Но были въ немъ, кромѣ достоинствъ, и отрицательныя стороны. Прежде всего — сложность плана. Весь успѣхъ былъ обоснованъ на взаимодействіи отдѣльныхъ группъ (въ сущности—армій), удаленныхъ другъ отъ друга на огромныя разстоянія и, при тогдашней скудости техническихъ средствъ, лишенныхъ почти

что до самой послѣдней минуты возможности установить между собою должную связь. Частная неудача, понесенная одною изъ этихъ группъ легко могла скомпрометировать успѣхъ всего плана; если же принять во вниманіе, что имѣть дѣло приходилось съ такимъ противникомъ, какъ Наполеонъ, который въ особенности постигъ тайну дѣйствій „по внутреннимъ операціоннымъ линиямъ“, т. е. искусство бить *по частямъ* отдѣльныя непріятельскія группы, бросаясь то противъ одной, то противъ другой ихъ нихъ, то опасность подобной неудачи еще болѣе возрастала.

Другимъ важнымъ недостаткомъ плана было то, что, не ограничиваясь постановкою отдѣльнымъ начальникамъ общихъ цѣлей, онъ входилъ въ подробности исполненія. Такъ, напримѣръ, Витгенштейну указывались, при овладѣніи Полоцкомъ, такія детали, какъ то, что войска слѣдуетъ раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одну переправить на лѣвый берегъ Двины, для атаки Полоцка съ юга; при этомъ указывался самый составъ этого корпуса, даже намѣчался пунктъ переправы. И все это предписывалось „къ непремѣнному и точному исполненію“ по отношенію къ такому генералу, какъ графъ Витгенштейнъ, который успѣлъ уже достаточно доказать свои способности къ самостоятельному командованію. Правда, въ письмѣ къ адмиралу Чичагову, написанномъ 5 сентября 1812 г., Императоръ Александръ и высказывалъ: „Я вовсе не предполагаю, чтобы все это могло быть исполнено съ буквальною точностью; это только основа, и ваше собственное благоразуміе укажетъ вамъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать“; но это поясненіе сдѣлано было одному только Чичагову и, все-таки, оно только нѣсколько ослабляло то общее впечатлѣніе, которое производилъ планъ, а именно — что начальники отдѣльныхъ группъ были чрезмерно связаны имъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Наконецъ, и самое главное, — это то, что планъ не принадлежалъ главнокомандующему Кутузову, а исходилъ свыше, при чемъ ставилъ фельдмаршала въ роль одного изъ отдѣльныхъ исполнителей намѣченного плана, и притомъ не самаго важнаго, а вовсе не въ роль высшаго руководителя всей операціей.

Хотя, какъ уже указано, Кутузовъ и не сдѣлалъ противъ плана никакихъ возраженій, однако все же онъ далъ понять, что „отдаленныя диверсіи отъ главнаго дѣйствія войны не могутъ

„имѣть такого вліянія, какъ ближнія“, и, прозорливостью своего огромного опыта и ума, предугадывалъ *возможность препятствій* въ „подробномъ исполненіи плана, даннаго адмиралу Чичагову“.

Хотя самый планъ и былъ переданъ къ исполненію черезъ Кутузова и хотя ему Высочайшимъ рескриптомъ и предоставлялось право признать или не признать планъ „полезнымъ“, но вполне очевидно, что трудно было бы въ подобномъ случаѣ возражать, тѣмъ болѣе, когда положительныя стороны плана говорили сами за себя. Но тотъ фактъ, что творцомъ плана являлся самъ Монархъ, не командовавшій арміями и даже не пребывавшій на театрѣ войны, а главнокомандующій только исполнителемъ его предназначеній, при чемъ несомнѣнно было, что Государь, какъ создатель плана, будетъ давать непосредственно отъ себя и впредь указанія ближайшимъ исполнителямъ, несомнѣнно ронялъ престижъ Кутузова, какъ главнокомандующаго и долженъ былъ въ начальникахъ частныхъ армій,—Витгенштейнъ и Чичаговъ—развивать чрезмѣрное стремленіе къ самостоятельности.

* * *

Для того, чтобы ярче обрисовать положительныя стороны замысла Императора Александра, сведемъ здѣсь вкратцѣ все, что сдѣлано было Наполеономъ за истекшій періодъ войны для обезпеченія своихъ опасныхъ сообщеній.

Мы уже упоминали въ самомъ началѣ нашего труда, что, готовясь къ войнѣ съ Россіей, Наполеонъ съ особенною, необывалою у него доселѣ, тщательностью разработалъ важный вопросъ объ устройствѣ тыла. Подготовка его главной базы по Вислѣ была сдѣлана настолько продуманно и систематично, что не вызываетъ никакихъ критическихъ замѣчаній. Точно также послѣдовательно-методически разрѣшались имъ всѣ вопросы по устройству и обезпеченію тыла на всемъ пространствѣ отъ главной базы до Смоленска.

Такъ, по занятіи Вильны, онъ тотчасъ приступилъ къ устройству первой промежуточной базы по Нѣману. Главнѣйшимъ здѣсь пунктомъ была Ковна, усиленная укрѣпленіями, возведенными

на обоихъ берегахъ рѣки. Въ Олитѣ, Меречѣ и Гроднѣ были учреждены обширные продовольственные магазины, госпитали и всякаго рода склады.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ черезъ Нѣманъ устроены были постоянныя переправы, прикрытыя предмостными укрѣпленіями. Магазины здѣшніе пополнялись подвозомъ съ главной базы.

Одновременно съ этими мѣрами Наполеонъ рѣшилъ приступить къ подготовкѣ второй промежуточной базы въ Вильнѣ. Мѣропріятія въ этомъ отношеніи были осуществлены въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Огромнѣйшіе магазины были заложены въ древней литовской столицѣ и пополнены подвозомъ изъ Данцига черезъ Кенигсбергъ и Ковну водою, а затѣмъ обширными реквизиціями въ предѣлахъ Литвы. Устроено хлѣбопеченіе въ широкихъ размѣрахъ; всѣ малѣйшія потребности арміи обезпечивались огромными складами всякаго рода запасовъ и предметовъ укрѣпленій и интендантскаго, артиллерійскаго, инженернаго и медицинскаго довольствія.

Придавая Вильнѣ важное политическое и стратегическое значеніе, Наполеонъ рѣшилъ превратить её въ могущественный укрѣпленный лагерь. Онъ лично намѣтилъ мѣста для расположенія укрѣпленій и приказалъ приступить къ ихъ сооруженію еще во время своего пребыванія въ Вильнѣ.

Постройка этихъ укрѣпленій производилась нарядомъ рабочихъ отъ населенія, при содѣйствіи войскъ, являвшихся ихъ руководителями. Ко времени обратнаго занятія нами Вильны (въ ноябрѣ 1812 года) внѣшняя оборонительная линія состояла изъ 9 укрѣпленій, не считая сооруженій для непосредственной защиты мостовъ.

Третья промежуточная база была устроена Наполеономъ подъ прикрытіемъ вышеуказанной оборонительной линіи рѣкъ Березины и Уллы. Сперва склады сосредоточены были въ селѣ Глубокомѣ, но потомъ признано было болѣе выгоднымъ направить коммуникаціонный путь южнѣе, черезъ Борисовъ—Минскъ. Тогда послѣдній и былъ избранъ главнымъ складочнымъ пунктомъ на этомъ направленіи, съ устройствомъ въ немъ обширныхъ складовъ про-

довольствія и госпиталей. Укрѣпленъ Минскъ, однако, не былъ, а равно не было произведено работъ по усиленію оборонительной линіи Улла—Березина.

Когда французская армія остановилась въ іюль на квартирахъ по линіи Витебскъ—Могилевъ, то Наполеонъ приступилъ къ закладкѣ четвертой промежуточной базы между Двиной и Днѣпромъ. Магазины были учреждены въ Витебскѣ, Оршѣ и Могилевѣ; въ Оршѣ открытъ большой госпиталь; на рѣкахъ Двинѣ и Днѣпрѣ у Могилева, Орши и Бѣшенковичей (въ мѣстахъ мостовыхъ переправъ) сооружены предмостныя укрѣпленія.

Наконецъ, пятою и послѣднею промежуточною базой Наполеона явился Смоленскъ, укрѣпленіями котораго воспользовались.

Для пополненія магазиновъ на промежуточныхъ базахъ прибѣгли къ реквизиціямъ — т. е. насильственному сбору мѣстныхъ средствъ — въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Назначено было собрать 3 милліона пудовъ ржи, $2\frac{1}{2}$ милліона пудовъ сѣна, $2\frac{1}{2}$ милліона пудовъ соломы и 60 тысячъ головъ рогатаго скота. Но ко времени начатія отступленія французской арміи количество запасовъ въ магазинахъ далеко не достигало намѣченныхъ цифръ. Только въ Вильнѣ и Минскѣ собрано было довольно много продовольствія. Въ Вильнѣ имѣлось 4 милліона раціоновъ муки, 3,6 милліоновъ раціоновъ мяса и много фуража. Въ Минскѣ (когда онъ былъ занятъ Чичаговымъ) оказалось около 7 тыс. пудовъ сухарей, 5,5 тыс. четвертей муки, 800 четвертей ржи и болѣе 4 тыс. четвертей овса.

Сперва коммуникаціонная линія Наполеона шла отъ Вильны на Глубокое—Витебскъ; по занятіи Смоленска Наполеонъ предпочелъ спрямить её черезъ Минскъ—Оршу. Здѣсь, въ этапныхъ магазинахъ все-таки собрано было настолько продовольствія, что его хватило не только для прокормленія маршевыхъ командъ, но и для пополненія запасовъ арміи при ея отступленіи.

Чтобы охранять сообщенія между главной базой и Смоленскомъ, Наполеону пришлось выдѣлить изъ состава своей арміи весьма значительныя силы.

Какъ извѣстно, при самомъ началѣ развертыванія своего онъ назначилъ два корпуса — X Макдональда и VII Ренье — для обезпеченія фланговъ своего наступленія.

*

Макдональдъ былъ направленъ въ Курляндію, на Ригу и, какъ извѣстно, совершенно не принялъ участія въ главныхъ операціяхъ французской арміи.

Ренье долженъ былъ прикрывать герцогство Варшавское со стороны арміи Торماسова и, какъ извѣстно, впоследствии дѣйствовалъ совместно съ корпусомъ Шварценберга.

По занятіи Вильны и по мѣрѣ углубленія внутрь страны, Наполеону пришлось постепенно все болѣе и болѣе увеличивать число войскъ для обезпеченія своихъ сообщеній.

Какъ только на среднемъ теченіи Западной Двины былъ обнаруженъ оставленный нами для прикрытія путей на Петербургъ корпусъ Витгенштейна, тотчасъ же Наполеонъ принужденъ былъ, какъ извѣстно, выдѣлить противъ него II корпусъ Удино, а когда этихъ силъ оказалось недостаточно — добавить къ нему еще и VI баварскій корпусъ Сень-Сира.

Саксонскій корпусъ Ренье, какъ извѣстно, былъ также усиленъ австрійскимъ корпусомъ Шварценберга.

По занятіи Смоленска, для прикрытія Минска и Могилева и для наблюденія за Бобруйскомъ, изъ состава арміи была выдѣлена еще дивизія Домбровскаго съ бригадой легкой конницы.

Но всѣ эти силы оказались недостаточными, какъ только потребовалось, послѣ боевъ подъ Смоленскомъ, продолжать наступленіе къ Москвѣ. Операціонную линію приходилось удлинить еще на 400 верстъ, и Наполеонъ, какъ мы знаемъ, сдѣлалъ распоряженіе о привлеченіи на театръ войны оставленнаго на базѣ корпуса Виктора, на смѣну которому изъ Германіи пришелъ корпусъ Ожеро.

Мы уже упоминали (во II томѣ нашего труда) о томъ огромномъ значеніи, которое придавалъ Наполеонъ корпусу Виктора. Онъ долженъ былъ играть роль главной опоры, какъ для арміи, пребывающей въ Москвѣ, такъ и для фланговыхъ корпусовъ.

Виктору, какъ извѣстно, были подчинены всѣ отдѣльные отряды, оставленные на этапахъ; но ему не были подвѣдомственны ни фланговые корпуса (Макдональда, С. Сира, Ренье, Шварценберга), ни тѣ ближайшія къ Москвѣ группы войскъ (какъ,

напримѣръ, оставленный въ Можайскѣ корпусъ Жюно и другія, въ своемъ мѣстѣ упомянутыя, части), охранявшія сообщенія; главнымъ образомъ, отъ партизановъ и народныхъ партій.

Такимъ образомъ власть надъ всѣми оставленными въ тылу войсками, общею задачею которыхъ было обезпечивать тылъ Наполеона, объединена не была. Великій полководецъ, однако, предвидѣлъ, что ему лично не окажется возможнымъ руководить изъ Москвы всѣми тремя независимыми другъ отъ друга группами, находящимися у него въ тылу, т. е. войсками С. Сира, Шварценберга и Виктора. Поэтому, въ цѣляхъ согласованія между собою дѣйствій этихъ трехъ отдѣльныхъ группъ, онъ вмѣнилъ въ обязанность министру внѣшнихъ сношеній (т. е. иностранныхъ дѣлъ) Франціи, Марэ, герцогу Бассано, оставленному въ Вильнѣ, быть посредникомъ при обмѣнѣ свѣдѣній между начальниками этихъ группъ, находившимися въ Полоцкѣ, на Волыни и въ Смоленскѣ. Черезъ Марэ, посвященнаго во всѣ данныя о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, сообщалъ обыкновенно тѣмъ же начальникамъ свои собственныя указанія и самъ Наполеонъ.

Но такой порядокъ до нѣкоторой степени обезпечивалъ только ориентированіе каждаго изъ этихъ начальниковъ въ положеніи дѣлъ—и то это ориентированіе могло быть значительно запоздалымъ; но не было ни малѣйшаго ручательства въ согласованности ихъ дѣйствій. Разъ объединяющей и отвѣтственной власти не было, то нельзя было питать и твердой увѣренности въ томъ, что, если возникнетъ для сообщеній французской арміи серьезная опасность, то всѣ силы, оставленныя для ихъ защиты, получатъ стройное и вполнѣ цѣлесообразное употребленіе. Наоборотъ, легко было предвидѣть, что постоянно существовавшія между маршалами соперничество и зависть, сдержанъ которыхъ не всегда удавалось даже стальной десницѣ самого ихъ повелителя, при данной имъ самостоятельности проявятся въ наивысшей степени и, въ критическую минуту, могутъ оказать даже роковое вліяніе.

„Въ эту эпоху—пишетъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ „участникъ войны генераль Марбо— всѣ маршалы Имперіи, ка- „залось, рѣшились не признавать старшинства, ибо ни одинъ изъ „нихъ, какъ бы ни были важны обстоятельства, не хотѣлъ слу- „жить подъ командой товарища“.

Такое положеніе вещей, при невозможности для Наполеона руководить дѣйствіями тыловыхъ корпусовъ, несомнѣнно, грозило серьезными осложненіями.

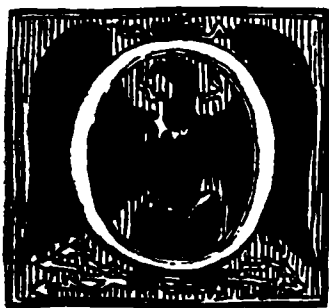
Поэтому, тревожныя извѣстія изъ тыла могли заставить Наполеона отказаться отъ рѣшительныхъ и сулящихъ успѣхъ плановъ въ сердцѣ Россіи для того, чтобы самолично спѣшить предотвратить полную катастрофу.

Положеніе корпуса Витгенштейна послѣ боевъ подъ Полоцкомъ.

Прибытіе Дунайской арміи на театръ войны и соединеніе ея съ третьей Западной арміей. Первоначальныя дѣйствія адмирала Чичагова.

братимся теперь къ положенію дѣлъ въ нашихъ фланговыхъ арміяхъ за то время, пока происходили описанныя событія въ окрестностяхъ Москвы.

Мы оставили графа Витгенштейна (см. томъ I) послѣ перваго сраженія при Полоцкѣ. По начало октября обѣ стороны здѣсь не предпринимали ничего существеннаго. Графу Витгенштейну необходимо было выждать приведенія въ порядокъ и прибытія въ его распоряженіе сильныхъ поддѣрпленій, подготовляемыхъ преимущественно въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Расположеніе I корпуса за этотъ періодъ времени было слѣдующее. Главныя силы его располагались на позиціи по правую сторону рѣки Дриссы, у Сивошина; авангардъ—у Бѣлаго; корпусный резервъ—у мызы Соколищи—Щить. Всѣ позиціи были усилены укрѣпленіями, а городъ Себежъ, въ которомъ сосредоточены были обозы и склады продовольствія, былъ приведенъ въ оборонительное состояніе.

Для наблюденія за Макдональдомъ выдвинутъ былъ къ Каменцу (на дорогѣ Динабургъ—Рѣжица) конный отрядъ полковника Бедряги, а пространство впереди фронта охранялось, кромѣ авангарда, еще особыми отрядами, высланными вверхъ по рѣкѣ Свольнѣ, одинъ — къ деревнѣ Филипповой, другой — къ селенію Грамоши, и на дорогу Полоцкъ—Невель.

Такимъ образомъ, прикрывая главные пути, ведущіе отъ Двины къ Новгороду и Пскову, графъ Витгенштейнъ обезпечивалъ съ этой стороны сѣверную столицу. Имя „Героя Петрополя“, послѣ одержанныхъ имъ успѣховъ, пользовалось большою извѣстностью. Купцы города Пскова, желая выразить ему свою благодарность, поднесли ему, 1 сентября 1812 года, икону Св. Чудотворца Великаго князя Гавріила Псковскаго, въ богатомъ окладѣ, съ надписью: „Защитнику Пскова, графу П. Х. Витгенштейну отъ „купцовъ сего города, 1 сентября 1812 года“. Въ отвѣтъ на ходатайство о Высочайшемъ разрѣшеніи принять этотъ даръ, Императоръ Александръ осчастливилъ Витгенштейна нижеслѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

„Графъ Петръ Христіановичъ. Поднесенный вамъ отъ общества „Псковскаго купечества образъ Гавріила Чудотворца съ надписью: „Защитнику Пскова“ Я не токмо принять вамъ позволяю, но и „купцовъ, изъявившихъ вамъ благодарность, за сей поступокъ ихъ „похваляю. Святой и Благовѣрный князь Гавріиль имѣетъ на „мечѣ своемъ надпись: *чести моей никому не отдамъ*. Вы, со вѣреннымъ вамъ воинствомъ, защищая Псковъ и Отечество, оказали „себя ревностнымъ сему правилу его послѣдователемъ, и потому „не сомнѣваюсь, чтобы сей угодникъ Божій, видя образъ сей „въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ и не осынялъ васъ „свыше“.

Бибиковъ.

(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ).

Что касается маршала Сень-Сира, то, несмотря на численное превосходство своих силъ, онъ не рѣшился перейти въ наступленіе и атаковать Витгенштейна въ его укрѣпленныхъ позиціяхъ. Во-первыхъ онъ имѣлъ нѣсколько преувеличенныя свѣдѣнія о его силахъ; а затѣмъ—что и было самое главное—его собственныя войска были до чрезвычайности изнурены, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка продовольствія.

Наоборотъ, Витгенштейнъ съ самаго начала войны имѣлъ все нужное въ изобиліи, подвозимое по преимуществу изъ Псковской губерніи, гдѣ заготовки производились попеченіемъ гражданскихъ властей.

Перерывомъ въ операціяхъ воспользовались у насъ для привлеченія подкрѣпленій, присланныхъ изъ Петербурга и Новгорода.

Петербургское ополченіе, съ приданными къ нему частями регулярныхъ войскъ, дало 13 тысячъ человѣкъ съ 24 орудіями. Оно было выслано двумя отрядами, изъ коихъ первый двинуть изъ Петербурга черезъ Псковъ къ Себежу, а второй—черезъ Порховъ къ Великимъ Лукамъ.

Въ оба этихъ отряда входило: 13 дружинъ ополченія (всего 11.367 чел.), Воронежскій пѣхотный и 1-й Морской полки (2.202 чел.), Митавскій драгунскій полкъ и по 2 эскадрона Гродненскаго гусарскаго и Польскаго уланскаго полковъ (около 300 чел.) и двѣ легкія №№ 35 и 49 артиллерійскія роты.

Первый изъ названныхъ отрядовъ выступилъ изъ Петербурга 3 сентября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ водворился въ Московскомъ Кремлѣ, а второй—5 сентября. Государь лично оба раза напутствовалъ воиновъ, которыхъ митрополитъ С.-Петербургскій благословлялъ иконами. Огромная толпа народа провожала ратниковъ до перваго привала.

Кромѣ того, 4 сентября начальнику Новгородскаго ополченія Меллеру-Закомельскому велѣно было выдѣлить и направить на усиленіе войска графа Витгенштейна не менѣе 4—5 тысячъ ратниковъ.

Петербургское ополченіе прибыло къ мѣсту назначенія еще до втораго сраженія подъ Полоцкомъ и приняло въ этомъ сраженіи участіе; что же касается Новгородскаго, то оно присоединилось къ Витгенштейну нѣсколько позднѣе.

Во время пребыванія своего на рѣкѣ Дриссѣ, т. е. по 4 октября, графъ Витгенштейнъ отнюдь не оставался въ полномъ бездѣйствіи. Здѣсь также организовалась малая война, и выдѣлились своими подвигами партизанскіе начальники. Вотъ когда чувствовалось, что нѣтъ болѣе Кульнева, который самую природою, казалось, созданъ былъ для такой дѣятельности.

22 августа полковникъ Родіоновъ произвелъ смѣлый поискъ на южный берегъ Двины, напалъ врасплохъ на одинъ изъ слѣдовавшихъ къ Сень-Сиру маршевыхъ баталіоновъ, разбилъ его, захватилъ болѣе пятидесяти плѣнныхъ; затѣмъ повернулъ въ сторону Невеля, разсѣялъ нѣсколько партій противника, 9 сентября у Козянъ нанесъ пораженіе еще одному отряду и гналъ его болѣе семи верстъ. Всего Родіоновымъ, во время этого поиска, взято болѣе 180 плѣнныхъ, и въ Козянахъ уничтожены бывшіе запасы продовольствія, а скотъ угнанъ. Точно также выдѣлились своими партизанскими подвигами отставной подполковникъ Непейцынъ (потерявшій ногу еще при штурмѣ Очакова) и маіоръ Бедряга.

Согласно плана Императора Александра для совмѣстныхъ дѣйствій съ Витгенштейномъ назначенъ былъ Финляндскій корпусъ генераль-лейтенанта графа Штейнгеля. Въ составъ его входили: 6-я пѣхотная дивизія ген.-м. Рахманова (три пѣхотныхъ и одинъ егерскій полкъ) и 21-я дивизія ген.-м. Алексѣева (четыре пѣхотныхъ и 2 егерскихъ полка), а также Финляндскій драгунскій и казачій Лащина полки и двѣ артиллерійскія роты; всего около 15 тысячъ человекъ.

Войскамъ этимъ надлежало сѣсть на суда въ Гельсингфорсъ, Або и на островъ Большомъ Аландѣ, высадиться въ Ревелѣ и затѣмъ идти походомъ на Ригу. Отплытіе изъ Гельсингфорса состоялось 24 и 25 августа, но въ ночь на 26-е сильная буря разсѣяла суда, и нѣкоторыя потонули; погибло около 300 казаковъ и драгунъ съ 6 орудіями. 28 августа состоялась высадка въ Ревелѣ войскъ графа Штейнгеля; но вслѣдствіе помянутаго несчастія, а также и того, что войска, находившіяся на Аландѣ, были тамъ оставлены, общая численность корпуса оказалась менѣе предполагаемой, а именно лишь немного превышала 10 тысячъ человекъ.

На нижнемъ теченіи Двины дѣла оставались въ прежнемъ положеніи. Макдональдъ съ одною изъ своихъ дивизій бездѣйствовалъ у Динабурга, а выдѣленные имъ прусскія войска, подъ начальствомъ генерала Юрка, стояли подъ Ригою, ограничиваясь наблюденіемъ за крѣпостью. Генераль Эссенъ дважды производилъ довольно удачныя вылазки и наносилъ пруссакамъ частныя удары. Кромѣ того, Эссенъ предпринялъ демонстрацію къ Данцигу, дабы задержать подкрѣпленія, которыя онъ предполагалъ направленными къ С. Сиру и „великой арміи“. По соглашенію съ Эссеномъ, англійскій адмираль Мартенсъ 9 августа двинулся туда со своею эскадрою, на которой былъ десантъ полковника Балабина, силою въ 400 человекъ егерей съ двумя орудіями. Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, Мартенсъ подошелъ къ Данцигу только 19-го, при чемъ, для введенія въ заблужденіе противника, вывѣсилъ на судахъ шведскіе флаги, чтобы заставить думать, что это авангардъ русско-шведскаго десанта. Появленіе его произвело большую тревогу въ городѣ и заставило противника стянуть къ Данцигу войска отъ Мемеля и Пиллау. Считаая, что этимъ поставленная ему цѣль достигнута, Мартенсъ поплылъ обратно къ Ригѣ.

По прибытіи въ Ригу Финляндскаго корпуса, между Штейнгелемъ и Эссеномъ возникли несогласія, на почвѣ обиды послѣдняго, считавшаго, что назначеніе младшаго по службѣ генерала начальникомъ отвѣтственной экспедиціи нарушаетъ его права. По плану Императора Александра, Штейнгель долженъ былъ соединиться съ войсками Рижскаго гарнизона и, отбивъ Макдональда, добить остатки войскъ Удино и Сень-Сиру, которыхъ тѣмъ временемъ долженъ былъ отбросить отъ Полоцка Витгенштейнъ.

Но Эссенъ полагалъ, что нужно прежде всего занять Митаву; Штейнгель же находилъ нужнымъ направиться противъ прусскихъ войскъ Юрка. Въ результатѣ, — такъ какъ взаимныхъ командныхъ отношеній между Эссеномъ и Штейнгелемъ установлено не было, — произошло раздѣленіе силъ, и Штейнгель потерпѣлъ неудачу въ своихъ попыткахъ атаковать Юрка за рѣкою Да.

Въ концѣ концовъ войска наши отступили къ Ригѣ; пруссаки же передвинулись къ Бауску и окончательно остались въ Курляндіи, не оказавъ никакого содѣйствія Сень-Сиру и Удино.

Графу Штейнгелю было выражено Императоромъ Александромъ неудовольствіе по поводу неудачнаго его наступленія, при чемъ въ рескриптѣ ему было, между прочимъ, сказано: „въ воен-ныхъ предпріятіяхъ мѣры среднія весьма рѣдко удаются“.

Снабдивъ Финляндскій корпусъ продовольствіемъ и боевыми припасами, графъ Штейнгель выступилъ 23 сентября изъ Риги, имѣя всего немного болѣе девяти тысячъ съ 18 орудіями, вдоль Западной Двины черезъ Динабургъ къ Придруйску, гдѣ имѣлъ въ виду переправиться для дѣйствія во флангъ войскамъ, занимавшимъ Полоцкъ.

Тѣмъ временемъ высланныя къ Витгенштейну подкрѣпленія прибыли, и силы его корпуса (въ сущности — частной арміи) возросли до 40 съ лишнимъ тысячъ человекъ.

Наоборотъ, у Сень-Сира, за время двухмѣсячной стоянки подъ Полоцкомъ, численность ослабилась. Самъ онъ въ своихъ запискахъ удостовѣряетъ, что въ корпусѣ Удино къ началу октября было не болѣе $15\frac{1}{2}$ тысячъ, въ его же собственномъ — около 2 тысячъ (!); всего же $17\frac{1}{2}$ тысячъ человекъ, тогда какъ, послѣ перваго сраженія подъ Полоцкомъ, по свидѣтельству того же Сень-Сира, въ обоихъ корпусахъ было до 35.000 человекъ....

Какъ извѣстно изъ вышеизложеннаго, Наполеонъ привлекъ на театръ войны оставленный въ тылу IX корпусъ Виктора. Кромѣ обязанности служить опорой „великой арміи“ при ея отступленіи изъ Москвы, корпусъ этотъ долженъ былъ, въ случаѣ надобности, поддерживать также и войска, оставленные на Двинѣ для обезпеченія сообщеній Наполеона съ сѣвера.

Интересно привести нѣкоторыя подробности о силахъ, составѣ и состояніи этого корпуса, которому, какъ увидимъ впоследствии, пришлось сыграть въ послѣднихъ событіяхъ войны весьма важную роль.

Корпусъ Виктора состоялъ изъ 41 баталіона и 15 эскадроновъ съ 80 орудіями, численностью въ 30.000 человекъ (въ томъ числѣ 28 тыс. пѣхоты). Онъ сосредоточился къ 28 іюля въ окрестностяхъ Тильзита и простоялъ здѣсь три недѣли. Распоряженіе о дальнѣйшемъ выступленіи корпуса въ походъ было отдано Наполеономъ, какъ извѣстно, не задолго передъ Бородинскимъ

сраженіемъ, и, во исполненіе этого приказа, Викторъ двинулся впередъ, въ концѣ августа, взявъ съ собою двадцатидневный запасъ провіанта и фуража, на обывательскихъ лошадяхъ, что потребовало по 42 подводъ на каждый баталіонъ. Собрать такое количество подводъ въ рабочую пору стоило огромныхъ трудностей, а между тѣмъ бдльшая часть запасовъ отставала.

Двигаясь черезъ Ковно—Вильно и Минскъ, корпусъ Виктора достигъ Смоленска 16 сентября. За время четырехнедѣльнаго похода отъ плохого питанія и простудныхъ заболѣваній, завистѣвшихъ отъ холодныхъ ночей, чередовавшихся съ жаркими днями, выбыло много людей и лошадей. Болѣзненность завистѣла во многомъ также и отъ того, что движеніе происходило по пути слѣдованія „великой арміи“, устѣянномъ по сторонамъ павшими конскими трупами, гніеніе которыхъ заражало воздухъ. Встрѣчавшіеся по пути госпитали переполнялись больными, а артиллерія вынуждена была оставлять за собою орудія и зарядныя фуры, за недостаткомъ лошадей...

По достиженіи Смоленска, войска Виктора были расположены въ его окрестностяхъ, въ надеждѣ пополнить истощенные запасы, но оказалось, что расчеты эти оправдались въ очень слабой степени. Въмѣсто хлѣба и сухарей удалось снабдить войска лишь небольшимъ количествомъ затхлой муки, а чтобы добыть фуража, приходилось отправлять на фуражировку значительные отряды, на далекое разстояніе, что, понятно, крайне изнуряло людей и лошадей.

Несмотря на то, что людямъ ІХ корпуса по пути слѣдованія и во время стоянки въ Смоленскѣ почти на каждомъ шагу попадались мародеры и отсталые изъ корпусовъ „великой арміи“ въ самомъ жалкомъ видѣ, Виктору все-таки удалось удержать свои войска въ повиновеніи, оградить ихъ отъ этой пагубной заразы и до нѣкоторой степени поддержать въ нихъ порядокъ и дисциплину. Крімъ того, за время двухнедѣльнаго пребыванія въ Смоленскѣ, люди успѣли хорошо вычинить свою одежду и аммуницію, подготовясь къ приближавшейся зимѣ.

Въ результатѣ, корпусъ Виктора, несмотря на всѣ невзгоды и неудобства движенія по разоренной уже „великою арміей“ дорогѣ и скудость продовольственныхъ и фуражныхъ средствъ

въ Смоленскѣ, все же находился въ гораздо лучшемъ состояніи чѣмъ тѣ войска, которыя дошли до Москвы и провели на ея опустѣломъ пожарищѣ сентябрь мѣсяць.

Когда стало извѣстно, что къ Витгенштейну подошли подкрѣпленія, Викторъ передвинулъ одну изъ своихъ дивизій изъ Смоленска къ Бабиновичамъ, дабы она могла служить ближайшею поддержкой Сень-Сиру. Дивизионная конница и приданная корпусу кавалерійская дивизія генерала Партуно были передвинуты къ Мстиславию, а въ Смоленскѣ оставалась только одна пѣхотная дивизія.

Общая численность войскъ ІХ корпуса къ этому времени не превышала двадцати пяти тысячъ человекъ.

* * *

Обратимся теперь къ положенію дѣлъ на противоположномъ флангѣ, на Волыни.

Послѣ сраженія при Городечнѣ, армія Тормасова, какъ извѣстно, въ полномъ порядкѣ отошла за рѣку Стырь и по прежнему сосредоточилась на Волыни. Главныя силы расположились въ окрестностяхъ Луцка, а два передовыхъ отряда, Чаплица и графа Ламберта, заняли оборонительную линію Стыри.

Что же касается австро-саксонскихъ войскъ Шварценберга и Ренье, вмѣстѣ съ присоединившейся къ послѣднему польской бригадой Коссинскаго, то они стали между рѣками Стырью и Туріей, имѣя передовые отряды у Торчина и Чарукова.

Рѣка Стырь, на всемъ протяженіи своего теченія отъ австрійской границы до самаго впаденія своего въ Припять, бродовъ не имѣетъ; всѣ мосты на ней были уничтожены. Высокій, поросшій лѣсомъ правый берегъ рѣки позволялъ нашимъ войскамъ, пользуясь въ полной мѣрѣ сильными свойствами этой преграды, скрывать свои передвиженія и группировку своихъ силъ, незамѣтно приближаясь къ противнику.

Послѣдній, наоборотъ, занималъ болотистый открытый лѣвый берегъ той же рѣки и потому лишень былъ всѣхъ этихъ выгодъ. Нѣсколько разъ, производились имъ развѣдки для выясненія возможности переправиться скрытно на лѣвомъ флангѣ расположенія Тормасова, дабы отбросить его на сѣверъ, въ болотистую долину рѣки Припяти; но наши казаки настолько бдительно оберегали

нась, что непріятель убѣдился въ трудновыполнимости такого плана и отказался отъ него, ограничившись наблюденіемъ за арміей Тор-масова и прикрытіемъ со стороны Воыни сообщеній Наполеона.

Партизанскія дѣйствія и малая война велись нами и здѣсь, за время перерыва въ операціяхъ, съ полнымъ успѣхомъ. Между прочимъ графъ Ламбертъ, получивъ отъ высланныхъ на развѣдку на непріятельскій берегъ казаковъ свѣдѣніе, что въ селѣ Чаруковѣ будетъ расположена на ночлегъ конница австрійскаго авангарда, рѣшилъ произвести на нее нечаянное нападеніе. Съ этою цѣлью онъ, около полуночи на 8 сентября, переправился черезъ Стырь съ отрядомъ, въ составъ котораго вошло нѣсколько казачьихъ сотенъ, три эскадрона Александрійскихъ гусаръ, трехъ эскадроновъ Татарскихъ уланъ и Арзамасскаго драгунскаго полка.

Чтобы снять сторожевые посты противника, пятнадцать охотниковъ изъ Татарскихъ уланъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, были переодѣты въ австрійскіе плащи и каски. Одинъ изъ пикетовъ былъ захваченъ врасплохъ; но прочіе подняли тревогу; чтобы не дать противнику опомниться, графъ Ламбертъ, оставивъ драгунъ въ резервѣ, бросился съ остальными на ближайшей непріятельскій эскадронъ, опрокинулъ его и обратилъ въ полное бѣгство. Этотъ молодецкій налетъ произвелъ въ рядахъ остальной австрійской конницы такую панику, что она бѣжала въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, потерявъ одними плѣнными до 150 человекъ, въ томъ числѣ 9 офицеровъ.

Захваченные при этомъ три австрійскихъ штандарта, были, по повелѣнію Императора Александра, возвращены австрійскому императору, при особомъ письмѣ канцлера графа Румянцева къ графу Меттерниху.

7 сентября прибылъ на рѣку Стырь первый эшелонъ Дунайской арміи, а къ 10-му числу прибыли и всѣ остальные его силы.

Получивъ Высочайшее повелѣніе отправиться со своими войсками на Воынь, адмиралъ Чичаговъ выступилъ изъ Валахіи 19 іюля, имѣя подъ командою 50 батальоновъ, 56 эскадроновъ, 10 казачьихъ полковъ и 17 артиллерійскихъ ротъ, всего до 35 тысячъ человекъ съ 204 орудіями. Армія эта раздѣлялась на 5 корпусовъ, во главѣ которыхъ стояли генералы: графъ Ланжеронъ, Эссенъ, Воиновъ, Булатовъ и Сабанѣевъ. Для наблюденія за ту-

речкой границей на Дунаѣ оставлено было 13 батальоновъ; отрядъ же генераль-маіора Лидерса, изъ 11 батальоновъ, 8 эскадроновъ, полка казаковъ и 3 ротъ артиллеріи, находившійся въ Сербіи, впослѣдствіи былъ также притянутъ на Волынь.

Съ прибытіемъ Дунайской арміи, общее количество нашихъ войскъ на Волыни превысило *шестьдесятъ тысячъ* человекъ; у противника же было не болѣе *сорока трехъ тысячъ* (26 тысячъ австрійцевъ, 12 тысячъ саксонцевъ и 5 тысячъ поляковъ).

Адмираль Чичаговъ считался весьма способнымъ человекомъ. Еще въ началѣ войны, намѣчая планъ предстоящихъ дѣйствій противъ Австріи, только что заключившей союзъ съ Наполеономъ, Императоръ Александръ писалъ Барклаю-де-Толли:

„Дѣло заключается въ томъ, чтобы поддержать и возбудить „противъ Австріи славянскія племена, стараясь привести ихъ къ со„гласію съ недовольными венграми. Для этого нуженъ человекъ „съ головой. Я избралъ для того адмирала Чичагова, который „въ восторгѣ отъ этого плана. Его способности и сила воли по„даютъ Мнѣ надежду, что онъ исполнитъ съ успѣхомъ это важ„ное порученіе“.

По взаимному соглашенію, Чичаговъ и Тормасовъ рѣшились дѣйствовать совокупными силами противъ Шварценберга и притомъ такъ, чтобы отрѣзать его войска отъ Варшавскаго герцогства, могущаго служить для него источникомъ новыхъ подкрѣпленій.

10 и 11 сентября войска обѣихъ армій, еще не объединенныхъ въ командованіи, переправились черезъ Стырь.

Шварценбергъ поспѣшилъ начать отступленіе. Поставивъ себѣ ближайшею цѣлью уклониться отъ боя съ превосходными силами, онъ уже въ самомъ началѣ вынужденъ былъ отказаться отъ выполнения той двойственной роли, которая возложена была на него Наполеономъ. Припомнимъ, что послѣдній требовалъ отъ австро-саксонцевъ прикрытія, съ одной стороны, Варшавскаго герцогства, а съ другой—сообщеній главной французской арміи, шедшихъ черезъ Минскъ и Вильну. Изъ этихъ двухъ задачъ наиболѣе важною была, разумѣется, вторая, такъ какъ, при данной обстановкѣ, сообщенія Наполеона являлись наиболѣе больнымъ его мѣстомъ.

Тѣмъ не менѣе Шварценбергъ отдалъ предпочтеніе первой ихъ этихъ задачъ, т. е. прикрытію Варшавскаго герцогства, чѣмъ значительно облегчилъ послѣдующія дѣйствія адмирала Чичагова.

Преслѣдуя отступающихъ австро-саксонцевъ, Чичаговъ и Тормасовъ достигли Любомля, гдѣ непріятель пріостановился на довольно выгодной позиціи. По пути полученъ былъ привезенный флигель-адъютантомъ Чернышевымъ планъ Императора Александра, опредѣлявшій для войскъ, дѣйствовавшихъ на Волыни, новыя задачи. Одновременно съ этимъ Тормасовъ былъ отозванъ въ главныя силы, и власть на южномъ театрѣ оказалась объединена въ рукахъ Чичагова.

До сихъ поръ Чичаговъ и Тормасовъ, тѣсня Шварценберга, заботились о томъ, чтобы обойти непріятеля съ запада, стараясь отрѣзать его отъ герцогства Варшавскаго и загнать въ болота Припяти. Новый общій планъ дѣйствій требовалъ какъ разъ обратнаго. Онъ требовалъ вытѣсненія войскъ Шварценберга и Ренье за предѣлы Имперіи, съ тѣмъ, чтобы совершенно отдѣлить ихъ отъ „великой арміи“, дабы пріобрѣсти возможность свободно осуществить основную идею плана — перехватъ Наполеоновскихъ сообщений.

Переходъ Шварценберга за Бугъ облегчалъ Чичагову задачу отдѣленія его отъ Наполеона и, какъ только адмиралъ узналъ о пріостановкѣ австро-саксонцевъ у Брестъ-Литовска, тотчасъ же рѣшился атаковать ихъ здѣсь.

Вступивъ въ командованіе соединенными силами, которымъ присвоено было общее наименованіе „третьей западной арміи“, Чичаговъ 28 сентября составилъ диспозицію для атаки противника у Бреста; но отсрочка ея выполненія до слѣдующаго дня дала противнику возможность скрытно въ ночь отойти, сначала за рѣку Лѣсну, а затѣмъ и далѣе къ Дрогичину, въ предѣлы Варшавскаго герцогства.

Въ результатѣ, путь на Минскъ и далѣе къ Березинѣ оказался Чичагову совершенно открытъ.

Но, по занятіи Бреста, адмиралъ Чичаговъ простоялъ въ его окрестностяхъ болѣе двухъ недѣль. Причиною такого промедленія была необходимость надежно обезпечить свои войска продоволь-

ствіемъ во время послѣдующаго ихъ движенія къ Березинѣ. Запасы были частью собраны въ ближайшихъ мѣстностяхъ Варшавскаго герцогства, на Волыни и въ Гродненской губерніи, частью подвезены изъ губерній Подольской, Кіевской и Черниговской.

Во время этой стоянки Чернышевымъ былъ совершенъ смѣлый набѣгъ въ Варшавское герцогство для уничтоженія заготовленныхъ тамъ непріятельскихъ магазиновъ.

Въ отрядъ Чернышева были назначены семь эскадроновъ и три полка казаковъ съ 4 конными орудіями. Вечеромъ 29 сентября онъ выступилъ изъ Тирасполя и 1 октября занялъ Мендзыржець, узелъ дорогъ на Варшаву и Люблинъ. Узнавъ о движеніи черезъ Луковъ къ Сѣдлецу, на присоединеніе къ Шварценбергу, двухтысячнаго австрійскаго отряда, Чернышевъ перехватилъ ему путь и вынудилъ возвратиться обратно, а самъ затѣмъ захватилъ Сѣдлецъ.

Появленіе въ тылу у австро-саксонцевъ нашего смѣлаго партизана, который во всѣхъ проходимыхъ имъ мѣстечкахъ уничтожалъ непріятельскіе магазины и налагалъ на жителей контрибуцію, встревожило Шварценберга. Онъ выслалъ сильный отрядъ къ Сѣдлецу и Мендзыржецу, а саксонцевъ передвинулъ къ Бялѣ.

Эти распоряженія грозили Чернышеву окруженіемъ. Онъ немедленно бросился въ направленіи къ Люблину, гдѣ находились главные склады союзниковъ; по пути въ Луковъ и Коцкѣ истребилъ непріятельскіе магазины; у Влодавы присоединилъ къ себѣ выдѣленный имъ казачій отрядъ Луковкина, который былъ посланъ произвести поискъ до самой Вислы; послѣ этого всѣми силами перешелъ обратно на правый берегъ Буга.

Истребить склады въ самомъ Люблинѣ Чернышеву не удалось, но распространенная имъ въ предѣлахъ Варшавскаго герцогства паника была огромна. Въ самой Варшавѣ населеніе обращалось въ сплошное бѣгство, унося свои пожитки; французскій комендантъ, генералъ Дютальи заперъ всѣ городскія заставы въ теченіе трехъ дней и силою отбиралъ у нихъ лошадей, стараясь сформировать

ровать конный отрядъ и побудить жителей къ общему вооруженію. „Поляки, — восклицалъ онъ, копируя извѣстную фразу Наполеона въ сраженіи при Пирамидахъ—„великій Наполеонъ смотритъ на „васъ съ Московскихъ колоколенъ“. Но всѣ эти высокопарные возгласы не имѣли никакого успѣха.

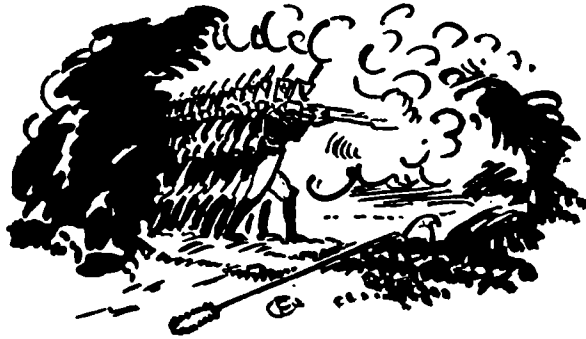
Чтобы обезпечить обратный отходъ Чернышева, Чичаговъ двинулъ къ Бялѣ корпусъ Эссена, который вступилъ здѣсь въ бой съ саксонцами; но послѣднихъ поддержали австрійцы, такъ что Чичаговъ двинулъ на поддержку Эссену еще корпусъ Ланжерона и готовился самъ съ остальными силами обрушиться на непріятеля. Но Ренье, слѣдуя общему принципу, усвоенному Шварценбергомъ, поступилъ и въ данномъ случаѣ такимъ образомъ и отошелъ въ окрестности Дрогичина.

Наилучшимъ средствомъ обезпечить себѣ свободу дальнѣйшаго движенія къ Березинѣ было бы для Чичагова нанесеніе рѣшительнаго пораженія австро-саксонцамъ. Тогда онъ избѣгалъ бы того раздѣленія своихъ силъ, которое предусматривалось планомъ Императора Александра, и которое являлось весьма невыгоднымъ въ интересахъ главной его цѣли.

Но усвоенный Шварценбергомъ образъ дѣйствій не давалъ возможности это выполнить. Шварценбергъ же въ данномъ случаѣ руководствовался главнымъ образомъ политическими соображеніями: союзъ австрійцевъ съ Наполеономъ былъ союзъ вынужденный; политическія отношенія австрійскаго правительства къ Россіи, въ сущности, не были враждебны; сношенія между обоими кабинетами во все время кампаніи 1812 года не прерывались, и было вполне понятно, что склоненіе вѣсовъ успѣха на сторону Россіи должно повлечь за собою полную перемѣну политическихъ комбинацій. Шварценбергъ, руководствуясь данными ему инструкціями, заботился лишь о томъ, чтобы благополучно лавировать между требованіями Наполеона и стремленіемъ уберечь свою армію, которая могла сыграть болѣе важную роль въ послѣдующихъ событіяхъ, что и случилось въ 1813 году.

Такимъ образомъ, къ началу октября, т. е. къ тому времени, когда Наполеонъ со своей арміей готовился покинуть Москву, а мы намѣревались обрушиться на авангардъ Мюрата,

Дунайская армія заняла весьма выгодное для насъ и опасное для французовъ положеніе. Австро-саксонцы пропустили Чичагова къ Березинѣ, и помѣшать адмиралу занять эту важную оборонительную линію въ тылу у Наполеона было, въ сущности, нечѣмъ.

Выступление Наполеона изъ Москвы. Приготовленія къ выступленію. Планъ Наполеона. Распоряженія Кутузова.

Донесеніе Дорохова. Подвигъ Сеславина.

риготовляясь къ выходу изъ Москвы, Наполеонъ сдѣлалъ заранѣе распоряженіе о томъ, чтобы подтянуть къ ней тѣ корпуса свои, которые были расположены въ окрестностяхъ города. По мѣрѣ прибытія частей войскъ имъ ежедневно дѣлались императоромъ смотры. Вотъ во время одного изъ такихъ смотровъ пришедшее изъ авангарда Мюрата извѣстіе о нападеніи на него русскихъ заставило Наполеона (какъ это и предвидѣлъ Кутузовъ), прервавъ смотръ, отдать приказаніе о немедленномъ выступленіи изъ Москвы.

Несмотря на постоянныя потери, наносимыя французамъ нападеніями партизановъ и народныхъ партій и на огромную убыль большими и слабосильными, общая численность арміи Наполеона была нѣсколько больше, чѣмъ при вступленіи въ Москву. Такъ какъ притокъ выздоравливающихъ изъ госпиталей, при крайне

плохомъ состояніи таковыхъ, былъ весьма невеликъ, то такое возрастаніе численности арміи зависѣло исключительно отъ прибывшихъ подкрѣпленій.

По различнымъ свидѣтельствамъ, въ рукахъ Наполеона, считая вмѣстѣ съ авангардомъ Мюрата и корпусомъ Жюно, было отъ 104 до 107 тысячъ человекъ, т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ въ главныхъ силахъ Кутузова, собранныхъ въ Тарутинѣ (97 тыс.).

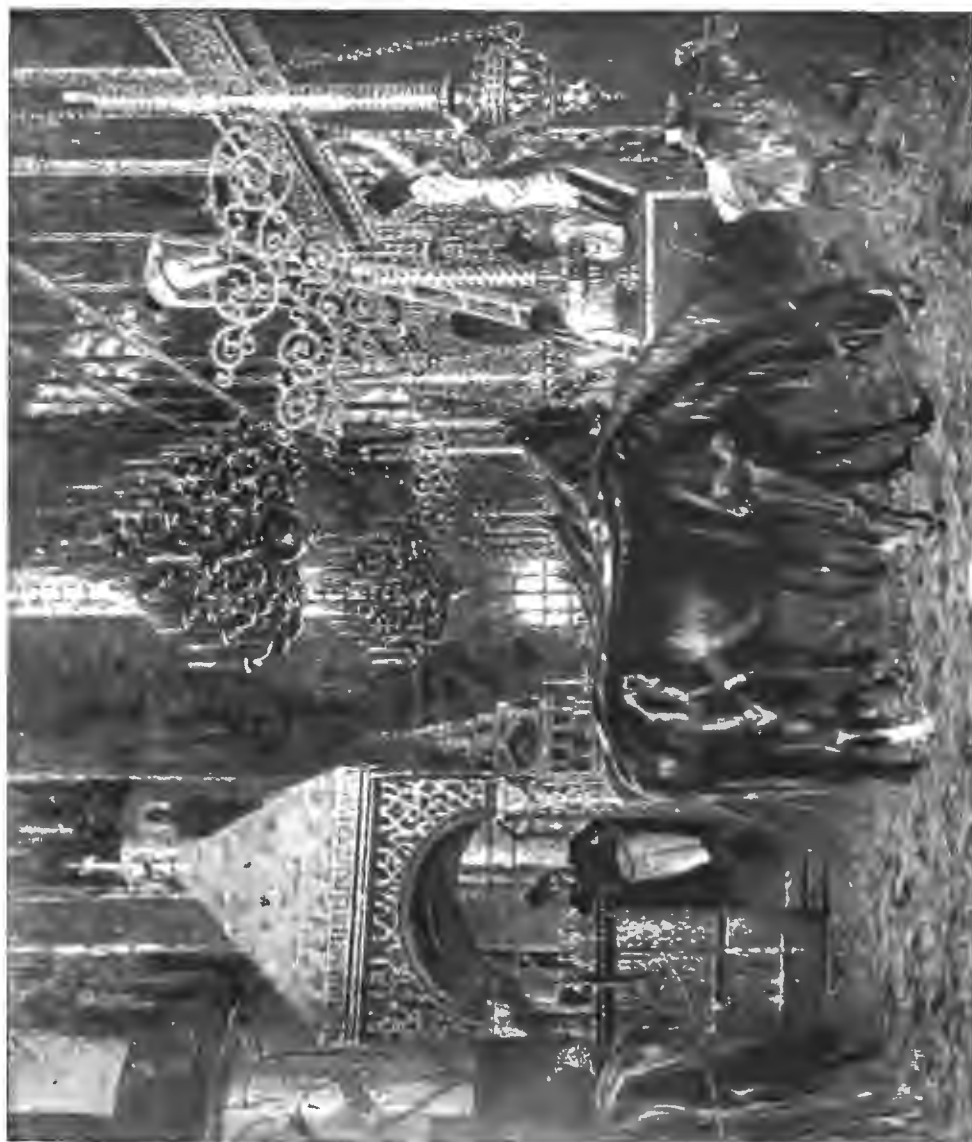
Но въ качественномъ отношеніи войска Наполеона, хотя и отдохнувшія нѣсколько за время стоянки въ Москвѣ, были значительно ниже нашихъ.

Прежде всего, самый этотъ отдыхъ, при скудости матеріальныхъ средствъ, въ обгорѣломъ и разоренномъ городѣ, доставилъ мало пользы въ физическомъ отношеніи, а въ моральномъ принесъ даже огромный вредъ, такъ какъ постоянное мародерство или, проще говоря, грабежъ, при которомъ войска совершенно вырывались изъ рукъ начальниковъ, развратили ихъ; необходимость же прибѣгать къ дальнимъ фуражировкамъ и къ прикрытію транспортовъ отъ назойливыхъ нападеній партизановъ и народныхъ дружинъ, требуя ежечасныхъ и при томъ обширныхъ нарядовъ, утомляла войска до чрезвычайности и, главное, держала ихъ въ постоянномъ нервномъ напряженіи, которое, какъ извѣстно, утомляетъ человѣческой организмъ не меньше иной разъ, чѣмъ тяжкій физическій трудъ...

Въ общемъ, пѣхота, менѣе другихъ привлекавшаяся къ этимъ нарядамъ, могла еще до нѣкоторой степени считаться надежной, хотя моральное ея состояніе было невысокое; что же касается конницы, то она была въ крайне плохомъ состояніи, въ особенности конскій составъ. Изъ 18.500 человекъ кавалеристовъ, числящихся по спискамъ, болѣе 4 тысячъ совершенно не имѣли лошадей и были преобразованы въ пѣшую бригаду; изъ числа же остальныхъ, только гвардейская конница (т. е. не болѣе 4.600 всадниковъ) могла считаться до нѣкоторой степени годной къ несенію кавалерійской службы; остальные же еле-еле передвигались, въ силу совершеннаго истощенія конскаго состава, численность котораго постоянно и при томъ быстро падала.

Въ Успенскомъ соборѣ

Рис. Н. В. Верещагинъ.

Точно также до крайности изнурены были артиллерійскія лошади, что тормозило подвижность артиллеріи и особенно ея способность къ маневрированію на полѣ сраженія и грозило въ будущемъ неизбѣжной потерей орудій.

Такое состояніе французской арміи, оставшейся почти безъ конницы, т. е. безъ главнаго средства для развѣдокъ, въ странѣ чужой и при томъ съ населеніемъ не только враждебнымъ, но прямо таки поголовно съ оружіемъ въ рукахъ возставшимъ на защиту родины, до крайности усугубляло трудность веденія предстоящихъ операцій.

Готовясь выйти изъ Москвы и желая какъ можно дольше продержатъ насъ въ заблужденіи относительно истинныхъ своихъ намѣреній, Наполеонъ прибѣгъ къ хитрости: онъ попытался снова возобновить переговоры съ Кутузовымъ и съ этою цѣлью отправилъ въ нашу главную квартиру адъютанта Мюрата, полковника Бертеми, съ письмомъ отъ маршала Бертье на имя Кутузова. Адъютантъ этотъ прибылъ подъ предлогомъ отысканія тѣла убитаго подъ Тарутинымъ генерала Дери, но постарался добиться быть лично принятымъ фельдмаршаломъ и вручить ему помянутое письмо, въ которомъ выражалась готовность „принять мѣры для „приданія войнѣ характера, сообразнаго съ общепринятыми правилами, и прекратить напрасное опустошеніе страны, столь же вредное для Россіи, сколько прискорбное для Императора Наполеона“.

Кутузовъ, вѣрный своей основной цѣли: усыпить вниманіе врага и подольше продержатъ его въ пагубномъ для него бездѣйствіи, отвѣтилъ на это письмо слѣдующимъ образомъ:

„Главная квартира, 9-го (21-го) октября, 1812 года“.

„Полковникъ Бертеми, принятый мною въ главной моей квартирѣ, вручилъ мнѣ письмо отъ Вашей Свѣтлости ко мнѣ. Все, „составляющее предметъ этого новаго шага, уже было въ свое „время тотчасъ же предоставлено на Высочайшее благоусмотрѣніе „Его Величества Императора, моего Повелителя и, какъ Вашей „Свѣтлости не безызвѣстно, посланіе это отправлено было съ генераль-адъютантомъ княземъ Волконскимъ. Однако, принимая во „вниманіе дальность разстоянія и дурное состояніе путей въ нынѣшнее время года, физически невозможно было получить отвѣта.

„Мнѣ остается лишь, съ своей стороны, сослаться на все, что я имѣлъ уже сказать по этому поводу г-ну генералу Лористону. „Я повторяю, впрочемъ, здѣсь ту истину, всю силу и значеніе „которой Вы, князь, конечно, сами оцѣните, а именно, что трудно „удержать народъ, раздраженный всѣмъ совершающимся въ гла- „захъ его, народъ, который 300 лѣтъ *) не зналъ войны внутри „своихъ предѣловъ, который готовъ принести себя въ жертву за „свое Отечество и который не сознаетъ никакой *разницы* въ томъ, „что принято или не принято въ *войнахъ обыкновенныхъ* **). Что же „касается командуемыхъ мною армій, то я, князь, льщу себя на- „деждой, что весь міръ признаетъ за образомъ ихъ дѣйствій руко- „водящіе принципы, отмѣчающіе собою всякую храбрую, честную „и великодушную націю. Я никогда не знавалъ иныхъ принциповъ „за всю свою долгую военную карьеру и льщу себя увѣренностью, „что враги, съ которыми пришлось мнѣ сражаться, воздавали мнѣ „на этотъ счетъ справедливость“...

Современники, какъ уже упоминалось, не оцѣнивали истиннаго смысла образа дѣйствій Кутузова въ данномъ случаѣ, и, на- примѣръ, извѣстный уже намъ сэръ Робертъ Вильсонъ, въ своемъ письмѣ къ англійскому послу въ Петербургѣ лорду Каткарту, жестоко негодовалъ противъ фельдмаршала, говоря, что послѣдній „весьма расположенъ къ волокитству за непріателемъ“ и что „французскіе комплименты ему очень нравятся“... Вильсонъ настолько былъ раздраженъ такимъ поведеніемъ главнокомандующаго, что просилъ дать ему другое назначеніе, если Кутузовъ сохранилъ начальство надъ арміей ***).

Но престарѣлый фельдмаршалъ, одновременно съ послѣднею попыткою замедлить выступленіе французовъ изъ Москвы, предугадывалъ уже возможность ихъ выхода оттуда и заранѣе принималъ мѣры къ тому, чтобы доступъ въ богатая области юга былъ имъ немедленно прегражденъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ распоряженій Кутузова, надлежитъ сказать о соображеніяхъ, коими руководствовался его геніальный противникъ.

*) Очевидно — ошибка; слѣдовало 200.

***) Курсивъ подлинника.

***) См. Дубровинъ: 1812 г. въ письмахъ современниковъ. № 173.

Мы уже упоминали раньше о тѣхъ демонстративныхъ мѣраxъ, которыя приняты были Наполеономъ для того, чтобы убѣдить, не только русскихъ, но и свои собственныя войска въ томъ, что онъ покидаетъ Москву только временно. Оставленіе въ Кремлѣ маршала Мортъе съ дивизіей молодой гвардіи, бригадой спѣшенной конницы и другими частями, въ общей сложности въ числѣ 8 тысячъ человекъ; распространеніе имъ воззванія въ цѣляхъ опроверженія слуховъ объ окончательномъ уходѣ французовъ изъ Москвы и убѣжденія въ томъ, что Наполеонъ только на время выступилъ для овладѣнія Калугой, Тулой и Брянскомъ; дѣятельное вооруженіе Кремля и снабженіе его запасами на мѣсяць; оставленіе отъ всѣхъ корпусовъ въ Москвѣ особыхъ отрядовъ для занятія и укрѣпленія крѣпкихъ для обороны пунктовъ и т. д. — всѣ эти мѣры должны были внушить и русскому населенію, и своимъ войскамъ мысль, что Москва оставляется только на нѣкоторый срокъ.

Отдавая всѣ эти распоряженія, Наполеонъ въ нѣкоторыхъ предписаніяхъ даже приписывалъ: „il est possible, que je revienne „à Moscou“ (возможно, что я ворочусь въ Москву).

Однако, несмотря на всѣ эти ухищренія, никто изъ сподвижниковъ Наполеона, отъ маршала до послѣдняго рядового, не вѣрилъ въ возможность этого возвращенія, и потому каждый старался забрать съ собою все свое личное имущество, въ томъ числѣ и неумѣренно награбленную добычу. Результатомъ такого стремленія было непоумѣрное отягченіе арміи огромнымъ количествомъ обозовъ, которые, конечно, страшно замедляли движеніе.

Успѣхъ задуманнаго Наполеономъ плана всецѣло обоснованъ былъ на быстротѣ исполненія. Онъ намѣренъ былъ ввести насъ въ заблужденіе на фронтѣ, двинувшись какъ бы на поддержку отступающему авангарду Мюрата, а затѣмъ быстро броситься въ юго-западномъ направленіи, на Боровскъ—Малоярославецъ, обойти Кутузова съ лѣваго фланга и, въ случаѣ полной удачи, дѣйствительно пробиться въ хлѣбородныя южныя губерніи, гдѣ перезимовать; если же это не удастся, то во всякомъ случаѣ прочно прикрыть свои сообщенія съ тыломъ, которымъ, какъ извѣстно, Кутузовъ отъ Тарутина легко угрожалъ.

Такимъ образомъ, планъ Наполеона имѣлъ, въ сущности двѣ цѣли: одну *активную* — попытаться обойти Кутузова и даже отбросить его къ востоку, выигрывая доступъ въ богатая, еще не тронутыя области страны; другую же *пассивную*: надежнѣе обезпечить свои опасныя сообщенія.

Очевидно, что *быстрота* и *внезапность* являлись лучшими союзниками Наполеона въ данномъ случаѣ. Но помѣхою въ достиженіи быстроты явились непомерной величины обозы, на изнуренныхъ лошадахъ, обозы, въ огромномъ большинствѣ своемъ *частныя*, составленные изъ награбленной добычи. Наполеонъ, принимавшій въ первую половину похода, какъ мы видѣли, драконовскія мѣры въ видахъ ограниченія количества обозовъ, теперь, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ терпѣть это зло, такъ какъ, воспротививъ войскамъ забрать добычу, онъ рисковалъ раздражить ихъ. Самъ императоръ вывезъ изъ Кремля такъ называемые „трофеи“, т. е. турецкія и персидскія знамена, хранившіяся въ храмахъ первопрестольной; маршалы его также не погнушались воспользоваться понравившимися имъ драгоценностями московскихъ богачей...

Кромѣ обозовъ, армія Наполеона была перегружена артиллеріей, такъ какъ число орудій осталось почти безъ измѣненія, а численность войскъ противъ первоначальной уменьшилась болѣе чѣмъ вдвое. Генераль Ларибуасьеръ, пользуясь правомъ бывшего сотоварища Наполеона по службѣ въ артиллеріи, предлагалъ ему оставить часть орудій въ Кремлѣ, но предложеніе это было рѣшительно отвергнуто императоромъ.

Что же касается *внезапности* выполненія плана, то этому препятствовало неимѣніе сильной конницы, которая могла бы непроницаемою завѣсой прикрыть передвиженіе арміи и до послѣдней минуты держать противника въ невѣдѣніи о дѣйствительныхъ ея намѣреніяхъ... При томъ состояніи конницы, которое описано нами выше и которое почти равномѣрно полному ея отсутствію, и въ странѣ, буквально кишасей партизанскими отрядами и народными дружинами, слѣдовало, наоборотъ, предвидѣть, что о каждомъ шагѣ Наполеона нашъ главнокомандующій будетъ своевременно поставленъ въ извѣстность.

Выступление Наполеона изъ Москвы началось еще съ вечера 6 октября; порядокъ слѣдованія былъ слѣдующій: въ авангардъ назначень былъ корпусъ вице-короля, за нимъ непосредственно корпусъ Нея, потомъ старая гвардія, Даву и молодая гвардія.

Французская армія представляла собою странное, невиданное зрѣлище, напоминавшее гигантскій таборъ или переселеніе какого-нибудь народа. Цѣлыми переходами тянулись, по три, по четыре въ рядъ, артиллерійскія орудія, зарядные ящики, всевозможныя повозки, экипажи всѣхъ родовъ, нагруженные всякаго рода имуществомъ и добычей. Вокругъ повозокъ, слѣдуя цѣлиной, толпилась армія, составляя какъ бы ихъ прикрытіе. Множество иностранцевъ, оставлявшихъ Москву вмѣстѣ съ Наполеономъ, пробрались со своими семьями, съ женщинами, дѣтьми, между войсками и повозками; тутъ же тѣснились раненые и больные, которые, не пожелавъ остаться въ Москвѣ, самовольно вышли изъ госпиталей и тащились за арміей *). Маркитантки, въ своихъ повозкахъ, вмѣсто припасовъ везли добычу, которой перегружены были всѣ казенныя повозки, не исключая артиллерійскихъ передковъ и ящиковъ. Сами кавалерійскія лошади изнемогали подъ грузомъ набитыхъ до-нельзя вьюковъ, а пѣхотинцы гнулись подъ тяжестью своихъ ранцевъ.

10 октября Мортъе приказано было очистить Москву. Онъ долженъ былъ 9-го отправить въ Можайскъ всѣхъ слабосильныхъ, а затѣмъ, въ 2 часа утра на 10-е, зажечь Кремль и взорвать кремлевскія стѣны, послѣ чего выступить по Можайской дорогѣ.

Одновременно съ выступленіемъ арміи, 8 октября, въ то время какъ авангардъ вице-короля продолжалъ движеніе къ Фоминскому, корпусъ Нея былъ выдѣленъ на югъ, на Старо-Калужскую дорогу. Это направленіе вбокъ отъ общаго направленія арміи имѣло цѣлью, во-первыхъ, принять на себя отступающія и разстроенныя войска Мюрата, во-вторыхъ, образовать вмѣстѣ съ ними боковое прикрытіе, обезпечивающее движеніе арміи на новую Калужскую дорогу (являвшееся по отношенію къ Кутузову фланговымъ) и, въ третьихъ, — это должно

*) Около двухъ тысячъ увѣчныхъ и трудно-больныхъ, все-таки, оказалось брошено въ Москвѣ безъ всякаго призрѣнія.

было сбить съ толку русскихъ. Ней, поддерживая Мюрата и двигаясь прямо на Тарутино, могъ быть (по крайней мѣрѣ нѣкоторое время) принять за голову всей арміи. Если бы Кутузовъ вдался въ обманъ и передвинулся бы навстрѣчу этой группѣ французскихъ силъ, достиженіе основной цѣли, преслѣдуемой Наполеономъ, значительно бы облегчилось.

9 числа группировка силъ Наполеона была такова:

Вице-король (авангардъ) прибылъ въ Фоминское; старая гвардія, Даву и молодая гвардія перешли на проселочную дорогу, ведущую къ тому же Фоминскому, т. е. соединяющую между собою обѣ Калужскія дороги; на старой Калужской дорогѣ оставались Ней и присоединившіеся къ нему войска Мюрата; послѣднія на слѣдующій день также пошли къ Фоминскому и на Старо-Калужской дорогѣ остался только Ней.

Къ этому времени быстрота движенія войскъ Наполеона еще болѣе замедлилась, вслѣдствіе неблагоприятнаго измѣненія погоды: пошли дожди, и грунтовая дорога весьма испортилась. Къ тому же, рядъ переправъ черезъ узкіе и непрочные мостики крайне задерживалъ движеніе арміи, особенно артиллеріи и обозовъ.

Къ 10 октября вице-король Евгенийъ выдвинулъ одну изъ своихъ пѣхотныхъ дивизій (Брусье) и легкую конницу къ селу Катову, а другую дивизію (Дельзона) еще болѣе впередъ, на четыре версты, а самъ съ остальными войсками остановился на рѣкѣ Нарѣ. Главная квартира Наполеона, гвардія и корпусъ Даву были въ Фоминскомъ, Мюратъ — на пути къ Фоминскому, Ней — на Старо-Калужской дорогѣ, противъ нашего авангарда Милорадовича.

Свѣдѣнія наши о противникѣ къ этому времени сводились къ слѣдующему.

Еще 7 октября партизанъ генераль-маіоръ Дороховъ (который, если припомнятъ читатели, захватилъ незадолго передъ тѣмъ Верею), продвинувшись къ Фоминскому, обнаружилъ прохожденіе черезъ это село значительныхъ силъ французовъ, отъ 8 до 10 тысячъ человекъ при 16 орудіяхъ. Это была головная дивизія вице-короля.

Партизанъ Сеславинъ.

(Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ портрета Витберга).

Дороховъ донесъ объ этомъ въ главную квартиру и просилъ только добавить къ его отряду два полка пѣхоты съ артиллеріей, послѣ чего брался напасть на эти силы непріятеля и разбить ихъ.

Но Кутузовъ взглянулъ на дѣло болѣе серьезно; однако, до полного выясненія группировки силъ Наполеона, принялъ свойственное ему осторожное рѣшеніе: оставаясь съ главною массою своихъ силъ по прежнему у Тарутина, на Фоминское направить особый, достаточно сильный отрядъ, начальникомъ котораго назначилъ генерала-отъ-кавалеріи Дохтурова.

Мы уже отмѣчали, при изложеніи дѣйствій подъ Смоленскомъ, что свойственныя Дохтурову хладнокровіе, выдержка и распорядительность въ самыя трудныя, критическія минуты дѣлали его человекомъ, какъ бы специально созданнымъ для такихъ порученій, которыя являлись наиболѣе трудными и отвѣтственными. Выборъ палъ на него и въ данномъ случаѣ, а въ качествѣ совѣтника при немъ назначенъ состоятъ болѣе пылкій и болѣе способный Ермоловъ, которому Кутузовъ лично выразилъ желаніе, чтобы наши войска овладѣли Фоминскимъ, при чемъ прибавилъ: „ты пой-„дешъ съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй меня чаще „о томъ, что у васъ будетъ“.

Въ составъ отряда Дохтурова были включены: его VI пѣхотный корпусъ, I кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта барона Меллеръ-Закомельскаго съ приданными ему конно-артиллерійскими частями, нѣсколько казачьихъ полковъ и часть дружины Тульскаго коннаго ополченія... Дохтурову подчинены были также партизанскіе отряды Фигнера и Сеславина, на которыхъ возложена была обязанность тщательно осматривать окрестности Фоминскаго и выяснить, не находится ли по близости другихъ французскихъ отрядовъ, которые могли бы придти на поддержку противнику.

Утромъ 10 октября войска Дохтурова выступили изъ Тарутинскаго лагеря. Шель мелкій осенній дождь, плохая проселочная дорога сдѣлалась крайне трудна для движенія; тяжелыя батареиныя пушки вязли въ грязи, и пѣхотѣ приходилось ихъ безпрестанно вытаскивать, что до чрезвычайности замедляло маршъ. По предложенію Ермолова рѣшено было оставить тяжелую артил-

лерію подь прикрытіемъ въ тылу, а продолжать движеніе только съ легкими пушками, количество которыхъ вполнѣ достаточно обезпечивало отрядъ...

Присоединившійся къ колоннѣ Дохтурова партизанъ Дороховъ донесъ, что около двухъ тысячъ непріятельской пѣхоты наступаетъ по дорогѣ Боровскъ—Малоярославецъ; что около деревни Катовой расположено на отдыхъ не менѣе четырехъ тысячъ; у Фоминскаго же войска противника бивакируютъ въ лѣсу, такъ что силы ихъ трудно опредѣлить; ночью видны огни, а у моста черезъ Нару стоитъ батарея.

Пройдя селеніе Аристово, Дохтуровъ расположился на ночлегъ. На разсвѣтѣ предполагалось сперва обрушиться на селеніе Катово и, взявъ его, обратиться къ Фоминскому и атаковать послѣднее. Войскамъ приказано было бивакировать въ полной тишинѣ и не разводить огней...

Но въ ночь пришли такія извѣстія, которыя совершенно измѣнили для насъ положеніе дѣлъ.

Ермоловъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, какъ онъ ожидалъ въ эту ночь съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ партизановъ и, уже незадолго до времени, когда надо было подымать войска съ бивака, услышалъ топотъ лошадей по грязной дорогѣ.

„На окликъ часоваго отозвался Сеславинъ. Совсѣмъ неожиданны были доставленныя имъ извѣстія, измѣнившія планъ всѣхъ, вообще дѣйствій нашей арміи.

„Въ четырехъ верстахъ не доходя села Фоминскаго, укрывшись въ лѣсу близъ дороги, Сеславинъ видѣлъ Наполеона съ огромною его свитою, за нимъ его гвардію и другія многочисленныя войска. Пропустивши ихъ, схватилъ нѣсколько плѣнныхъ и расторопнѣйшаго изъ нихъ, гвардейскаго унтеръ-офицера, привезъ съ собою, который показалъ слѣдующее: *„Уже четыре дня, какъ мы оставили Москву. Маршалъ Мортъе съ его отрядомъ, по взорваніи Кремлевскихъ стѣнъ, присоединится къ арміи. Тяжелая артиллерія, кавалерія, потерявшая лошадей и всѣ излишнія тяжести, отправлены по Можайской дорогѣ, подь прикрытіемъ польскихъ войскъ князя Понятовскаго. Завтра главная квартира императора будетъ въ Боровскѣ. Дальнѣйшее направленіе нашей арміи — на Малоярославецъ“*.

**Генераль-лейтенантъ
Баронъ Меллеръ-Закомельскій.**

(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ).

Вотъ какъ рассказываетъ о своемъ подвигѣ самъ Сеславинъ: „Я стоялъ на деревѣ, когда открылъ движеніе французской арміи, „которая тянулась у ногъ моихъ, гдѣ находился самъ Наполеонъ „въ каретѣ. Нѣсколько человекъ отдѣлились отъ опушки лѣса и „дороги, были захвачены и доставлены Свѣтлѣйшему, въ удосто- „вѣреніе въ такомъ важномъ для Россіи открытіи, рѣшающемъ „судьбу отечества, Европы и самого Наполеона“.

Дѣйствительно, значеніе доставленнаго Сеславинымъ извѣстія, подтвержденнаго къ тому же показаніемъ предусмотрительно захваченнаго имъ въ плѣнъ французскаго гвардейца, имѣло огромную важность.

Оно совершенно раскрывало намъ глаза на дѣйствительную обстановку и разъясняло истинныя намѣренія Наполеона.

И подлинно, разъ самъ великій полководецъ со своею гвардіей былъ въ Фоминскомъ, то очевидно, что здѣсь и главная масса французовъ, что въ этомъ направленіи наносится ими главный ударъ, а не по старой Калужской дорогѣ, гдѣ, очевидно, только демонстрирующія части; направленіе же движенія Наполеона на Боровскъ—Малоярославецъ ясно раскрывало его намѣреніе — обойти съ запада армію Кутузова и пробиться на югъ.

Но, кромѣ того, *своевременное* донесеніе Сеславина въ буквальномъ смыслѣ слова *спасало* отрядъ Дохтурова, который иначе нарвался бы на значительно-превосходныя силы, чуть ли не на всю непріятельскую армію, а доступъ ей на Боровскъ—Малоярославецъ не былъ бы прегражденъ.

Немедленно по полученіи свѣдѣнія, доставленнаго Сеславинымъ, были спѣшно отправлены Кутузовымъ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ VI корпуса, маіоромъ Бологовскимъ. Послѣдній говоритъ въ своихъ запискахъ, что, когда разбуженный имъ фельд-маршалъ принялъ его, то встрѣтилъ такими словами: „Разскажи, „другъ мой, что такое за событіе, о которомъ вѣсть привезъ ты „мнѣ? Неужели въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ оставилъ Москву и „отступаетъ? Говори скорѣе; не томи сердце...“ Когда же Бологовскій изложилъ все подробно, Кутузовъ прослезился и, осянивъ себя широкимъ крестомъ, обратился къ иконѣ Спасителя со словами: „Боже, Создатель мой! Ты внялъ, наконецъ, молитвѣ нашей; „теперь спасена Россія“...

Казалось бы, радость Кутузова въ настоящемъ случаѣ находится въ полномъ противорѣчїи съ его предыдущимъ стремленіемъ удержать французовъ какъ можно дольше въ Москвѣ...

Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Продержать французовъ въ бездѣйстви въ разоренномъ городѣ, ослабленныхъ партизанскою и народною войною, нужно было для того, чтобы ихъ какъ можно болѣе обезсилить; уходъ же ихъ изъ Москвы показывалъ наглядно, насколько этотъ мнимый отдыхъ оказывался въ дѣйствительности для нихъ зловреднымъ. Это давало Кутузову надежду, если только ему удалось бы не позволить Наполеону пробиться на югъ, достигнуть своей основной и единственной цѣли — изгнанія французовъ изъ Россїи.

ПОРТРЕТЫ, КАРТИНЫ, СХЕМЫ, АВТОГРАФЪ и ВИНЬЕТКИ,
ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ III-мъ ТОМЪ.

П О Р Т Р Е Т Ы:

	Стр.
Александръ I-й, Императоръ	321
Аракчеевъ, А. А., графъ	395
Бибиковъ	457
Балашевъ, генераль-отъ-кавалеріи	389
Беннигсенъ, Л. Л., графъ	361
Васильчиковъ, И. В.	365
Вальдбольскій, князь	371
Давыдовъ, Д. В.	369
Дороховъ, И. С.	375
Кудашевъ, князь	379
Лористонъ, Викторъ, Наксути и Бессіеръ, французскіе маршалы	387
Марія Теодоровна, Императрица Всероссійская	403
Меллеръ-Закомельскій, баронъ	479
Марковъ Е. И., 1-й	399
Марковъ Я. И., 2-й	407
Мишб-де-Боретуръ, Л. Ф., графъ	441
Растопчинъ Ѳ. В., графъ	333
Сеславинъ, партизанъ	377

	Стр.
Салтыковъ Н. И., графъ	397
Толь	421
Фигнеръ, А. С.	373
Шишковъ, А. С.	391

К А Р Т И Н Ы:

	Стр.
Военный Совѣтъ въ Филяхъ	327
Въѣздъ французовъ въ Москву	336
Въ кремль пожаръ	349
Въ Успенскомъ соборѣ	471
„Въ 1812 году“	409
Наполеонъ подь Бородинымъ	323
„Не замай — дай подойти“	381
Разстрѣль Энгельгардта	383
„Съ оружіемъ въ рукахъ? — разстрѣлять!“	439

А В Т О Г Р А Ф Ъ:

	Стр.
Автографъ приказа Наполеона	356

С Х Е М Ы:

	Стр.
Схема отступленія къ Москвѣ	323
„ позиций подь Москвой	325
„ фланговаго марша за р. Красной Пахрой	360
„ положенія у Тарутина	363
„ дѣйствій Дорохова	375
„ расположенія партизанскихъ отрядовъ и народныхъ дружинъ	378
„ Москвы, окруженной партизанскими отрядами и ополченіями	400
„ положенія къ началу октября	413
„ передь Тарутинскимъ боемъ	417

ЗАСТАВКИ, КОНЦОВКИ и БУКВЫ:

	Стр.
Глава XIX. Заставка и буква „П“	321
Концовка	330
Глава XX. Заставка и буква „С“	331
Концовка	346

	Стр.
Глава XXI. Заставка и буква „П“	347
Концовка	366
Глава XXII. Заставка и буква „Д“	367
Концовка	376
Глава XXIII. Заставка и буква „Н“	377
Концовка	392
Глава XXIV. Заставка и буква „Ч“	393
Концовка	410
Глава XXV. Заставка и буква „К“	411
Концовка	418
Глава XXVI. Заставка и буква „Д“	419
Концовка	432
Глава XXVII. Заставка и буква „П“	433
Концовка	440
Глава XXVIII. Заставка и буква „Д“	441
Концовка	454
Глава XXIX. Заставка и буква „О“	455
Концовка	468
Глава XXX. Заставка и буква „П“	469
Концовка	480

